

А.Я.Аврех

МАСОНЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

Москва
Издательство
политической
литературы
1990

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

В последний год жизни автор этой книги Арон Яковлевич Аврех, отчетливо сознавая, что силы его убывают, мечтал, в частности, о том, чтобы дожить до выхода в свет двух своих книг: данной, предлагаемой вниманию читателей, и книги о Столыпине. В кругу друзей он говорил: «Увидеть бы эти книжки, поддержать их в руках, а там и умирать можно». И он ничуть не кривил душой, хотя, как и все нормальные люди, не спешил уйти на вечный покой. Но этим своим двум книгам он придавал принципиальное значение, поскольку рассматривал их как свой реальный вклад в долгожданную перестройку исторической науки и в формирование исторического сознания здоровых сил советской общественности.

А. Я. Аврех (1915—1988) был честным и мужественным человеком и ученым. Он принадлежал к тому поколению советских ученых-историков, которое пришло в науку после Великой Отечественной войны. Участник войны, он прошел ее, как говорится, от звонка до звонка, начав солдатом при обороне Москвы и закончив ее гвардии капитаном в поверженной Германии. Был награжден четырьмя боевыми орденами, но

из-за присущей ему скромности об этом знали лишь ближайшие друзья.

Первые послевоенные годы, когда Арон Яковлевич начинал свою научную деятельность, были, как известно, особенно трудными для исторической науки. В ней безраздельно господствовали догматические постулаты «Краткого курса истории ВКП(б)», вульгарный социологизм и конъюнктурщина. Попытки иных, кроме «общепринятых», подходов к истории решительно пресекались. Историческую науку захлестывали проблемы социально-экономической (пожалуй, больше экономической, чем социальной) истории, сюжеты же политической истории, особенно истории «другой стороны» баррикад, были не в чести. И как бы наперекор этой традиции А. Я. Аврех избрал в качестве объекта своих исследований политическую историю дореволюционной России. Говоря же конкретнее, историю критического периода ее истории — десятилетие между двумя русскими революциями (1905—1907 гг. и Февральской), логической развязкой и завершением которого явилась Великая Октябрьская социалистическая революция.

В этом непростом для того времени выборе сказались талант подлинного ученого и стремление видеть историю как историю людей, ее творящих, а не как свод абстрактных закономерностей и социологических схем. Тогда же он выработал собственные твердые научные и морально-этические принципы, которым, несмотря на все «неудобства», следовал всю жизнь. Чест-

ность, принципиальность, стремление к поиску истины, порядочность царяду с высоко развитым чувством собственного достоинства человека и ученого — таковы качества, свойственные А. Я. Авреху, качества, которыми и в наше время далеко не каждый в нашей научной среде обладает. Конечно, А. Я. Аврех, как и все наше поколение, отдал дань заблуждениям и иллюзиям того трудного времени, но от них раз и навсегда избавился после XX съезда партии.

Посвятив свою научную деятельность изучению политической истории предреволюционной России, А. Я. Аврех был в числе тех, кто положил начало новому направлению в советской историографии — исследованию политической палстройки (царизма) и ее эволюции в органической связи с политикой либерально-буржуазных и реакционных помещичьих партий в 1907—1917 гг. Несмотря на все объективные трудности (полная неразработанность проблемы) и искусственно воздвигаемые преграды, он последовательно и систематически исследовал историю третьеновской политической системы, родившейся в результате поражения первой русской революции (завершившейся, как известно, третьеновским государственным переворотом) и призванной, по замыслу ее творцов, укрепить «историческую власть» — царское самодержавие путем проведения политической и экономической модернизации общественного строя России на основе блока двух господствующих

ших классов — помещиков и буржуазии под эгидой царизма. В центре его исследовательских интересов (а они были достаточно широки и хронологически, простираясь вплоть до истории русского абсолютизма XVIII в.) неизменно находились проблемы взаимоотношений российского парламента — Государственной думы и представленных в ней политических партий, с одной стороны, и царизма накануне и в годы первой мировой войны — с другой. Помимо большого цикла статей, он посвятил исследованию этих проблем четыре монографии: «Царизм и третьеиюньская система» (М., 1966), «Столыпин и Третья Дума» (М., 1968), «Царизм и IV Дума. 1912—1914» (М., 1981), «Распад третьеиюньской системы» (М., 1985), преемственно и логически связанных между собой общей концепцией и характером изложения. В них он на громадном документальном материале, свидетельствах творцов политики того времени и их оппонентов из рядов буржуазной оппозиции показал, что и царизм, и буржуазно-либеральные партии, прежде всего кадеты (официальное название — Партия народной свободы), оказались неспособными реформистскими средствами решить исторические задачи, стоявшие перед Россией (аграрный вопрос, создание буржуазно-парламентского строя и т. п.), и без «революционных потрясений» вывести ее из тупика и отсталости. Октябрьская революция предстает в трудах А. Я. Авреха как закономерная расплата за провал этих реформистских потуг господствующих классов и

правлящих верхов буржуазно-помещичьей России. Нет нужды подробно разъяснять научное и политическое значение и актуальность этих выводов.

В те годы, когда многие историки занимались историческим пустозвонством и конъюнктурными поделками, обслуживая нужды застойной политики, А. Я. Аврех распахивал научную целину. Но такие подвижники науки, ее истинные служители, с их верностью марксистскому принципу партийности, т. е. исторической правды, не были нужны деятелям и делателям застоя. В числе подвергнутых ими погрому в начале 70-х годов историков «нового направления» в исторической науке, стремившихся к продолжению партийного курса XX съезда КПСС, преодолению в ней сталинских схем и постулатов, естественно, оказался и А. Я. Аврех. Он, однако, не счел возможным каяться в мнимых ошибках и исправляться. Отсюда всякого рода дискриминация (крупнейший специалист по отечественной истории XX в., он, например, многие годы был «невъездным»), предвзятая критика его трудов, получивших, к слову сказать, признание международных научных кругов. Без преувеличения, публикация почти каждой его монографии не обходилась без яростной борьбы с недобросовестными оппонентами и рецензентами.

Вот почему у А. Я. Авреха были, так сказать, и сугубо личные основания горячо приветствовать начавшуюся в нашей стране с апреля 1985 г. перестройку. Он считал себя счастливым, что дожил до этих

дней. Жаль, что его здоровье, подорванное войной и десятилетиями неравной борьбы с псевдоучеными, не позволило ему реализовать как его творческие потенции, так и конкретные планы новых книг.

Широко распространено представление, что лишь писатели в застойные времена писали впрок, для ящиков своего письменного стола, надеясь на наступление лучших времен для публикации своих творений. Между тем это делали и честные служители музыки Клио.

Предлагаемая вниманию читателей книга А. Я. Авреха «Масоны и революция» написана в 1981 г., когда автор не рассчитывал на ее скорую публикацию. Тогда эта проблема была, с одной стороны, «закрытой зоной» для серьезных исследований, а с другой — одним из «белых пятен» в истории. Книга явилась как бы побочным результатом его основных исследовательских занятий, поскольку некоторые исторические деятели его прежних монографий оказались так или иначе «замешанными» в масонских делах. Неожиданные сенсационные публикации о русских масонах и о их чуть ли не решающей роли в Февральской революции побудили Арона Яковлевича заняться основательным исследованием и этой проблемы.

В этой связи представляется необходимым кратко сказать об исторической ситуации и историографическом фоне данной монографии А. Я. Авреха.

Советская историография масонской проблемы сравнительно невелика и моло-

да. Однако в ней успели явственно сформироваться вполне определенные концепции, сложившиеся как спонтанно, так и главным образом под влиянием новейших западных публикаций о роли масонов в современной политической жизни ряда европейских стран, а также и в истории России последнего предреволюционного десятилетия. Суть одной из них — в обосновании наличия в предреволюционной России разветвленной сети масонских лож и крупной, если не решающей, роли их членов в событиях Февральской революции. «Еще немного, еще чуть-чуть» — и мы получим законченную концепцию «масонского заговора». Предполагаю, что на формирование этой концепции оказали влияние разоблачения закулисной, но действительно крупной роли масонов в общественно-политической жизни таких стран Западной Европы, как Италия, а также запоздалые откровения эмигрантских мемуаристов о русских масонах в 1907—1917 гг.

Другая концепция, мы бы назвали ее традиционалистской, не видит необходимости пересматривать наши прежние представления о реальных политических сдвигах России и ее деятелях той поры, их побудительных мотивах и потому не склонна принимать во внимание масонскую проблематику как заслуживающую какого-либо внимания историков.

Представители третьей исходят из того, что политическую роль масонов нельзя сбрасывать со счетов в политической жизни России кануна и самой второй буржуаз-

но-демократической революции, и заняты поисками новых документальных источников, способных подкрепить их представления о русском масонстве. Конечно, введение в научный оборот новых и достоверных документальных материалов о масонах можно только приветствовать, и есть основания надеяться, что они позволят расширить и углубить наши знания об их деятельности.

Поисками их занимался и автор этой книги.

А. Я. Аврех вообще был великим тружеником в науке, он умел и любил трудиться. И в данном случае для написания книги он «пропахал» все архивохранилища, в первую очередь архивы царской охраны, проработал доступные ему документальные и мемуарные публикации. Строгая научность и историзм, т. е. следование исторической правде, были для него руководящим принципом и в работе над этой книгой.

Пусть же читатель сам оценит и содержательность книги А. Я. Авреха, и истинное значение тех общественных сил и отдельных деятелей предреволюционной России, которые были причастны к масонству.

П. В. Волобуев,
член-корреспондент АН СССР

В 70-х гг. среди части литераторов и историков вдруг вспыхнул острый интерес к русскому масонству начала XX в., 1907—1917 гг. Одна за другой стали выходить статьи и книги, в которых на все лады расписывалось могущество масонских организаций, коварство их замыслов и приемов, огромная отрицательная роль, которую они сыграли в ходе Февральской и Октябрьской революций.

Было невероятно, что столь значительный фактор ранее в советской исторической науке просто не был замечен.

Автор этих строк и не помышлял, что он когда-нибудь будет писать о масонах. Но, узнав из упомянутых работ, каким он был простаком — тридцать пять лет изучал внутреннюю политику «верхов», Думы, помещичье-буржуазных партий в последнее десятилетие существования царизма и не натолкнулся на масонскую проблему, даже не подозревал о ее существовании, — был задет и уязвлен как профессионал. Он ставит перед собой задачу, досконально изучив имеющийся на сегодняшний день корпус источников, трактующих так или иначе русское политическое масонство начала XX в., выявить его подлинную роль накануне и в ходе Февральской революции.

Часть I

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИКИ

Глава I

ИСТОЧНИКИ

На протяжении пятидесяти с лишним лет тема о масонах, действовавших в России в начале XX в., в советской историографии не существовала. Не было такого предмета исследования и у дореволюционных русских историков, к какому бы направлению как в политике, так и в историографии они ни принадлежали. Считалось, что с тех пор как Александр I в 1822 г. объявил масонов вне закона, они больше не появлялись. Их просто не было. Но вот в первой половине 70-х гг. советский историк Н. Яковлев положил конец этому историографическому благодушию в самой решительной форме. В книге, посвященной России в годы первой мировой войны¹, он показал, что советские историки упустили из виду не просто важную, но ключевую проблему, в корне меняющую наши представления о характере политической деятельности и целях русской буржуазии в этот период. В немногих словах концепция Н. Яковлева сводится к двум пунктам:

1) буржуазия в 1914—1917 гг. занимала не ура-патриотическую позицию по отноше-

¹ См.: Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1974.

нию к войне, выраженную в лозунге «Война до победы», как считали и до сих пор считают все советские исследователи, а, наоборот, пораженческую, направленную против царизма, с тем чтобы таким путем вырвать у него и захватить в свои руки политическую власть и лишь после этого, став хозяином положения, взять курс на военную победу;

2) главным политическим штабом буржуазии, где планировалась, координировалась и осуществлялась эта стратегическая задача, были не ее традиционные партии и организации, а тайная и мощная масонская организация, возникшая в 1915 г. и объединившая под своим руководством не только кадетов, прогрессистов и октябристов, но и меньшевистских и эсеровских лидеров. Именно эта организация сыграла большую роль в формировании первого состава Временного правительства, и такую же роль она играла и в дальнейшем, направляя и определяя его политику в коалиционный период.

Естественно, что такой решительный разрыв со всей советской историографией не мог не вызвать откликов. Первым, кто дал оценку книги Н. Яковлева, был Е. Д. Черменский. Отметив, что «пораженчество» буржуазии — «лейтмотив книжки», он далее писал: «Но все это, уверяет Н. Яковлев, составляло лишь внешнюю, видимую сторону так называемого концентрированного наступления буржуазии. Другая сторона, по его мнению более важная, была прикрыта завесой глубокой тайны, Н. Яков-

лев решил впервые в советской литературе приоткрыть эту завесу. В России, рассказывает он, в глубоком подполье действовала некая «сверхорганизация», или «сверхпартия», объединявшая «вожаков всех буржуазных партий» и построенная по типу масонских лож».

Дальше Е. Д. Черменский дает оценку этой версии. Н. Яковлев, указывает он, преподносит ее «как сенсационную новость». Между тем она отнюдь не нова. В годы войны русские черносотенцы в своих официальных документах, агитационной литературе, с думской трибуны не переставая говорили о «масонском заговоре». Позже в зарубежной буржуазной историографии неоднократно предпринимались попытки возродить масонский миф, которые быстро таяли из-за полного отсутствия доказательств. Одна из последних попыток была предпринята белоземigrантом Г. Катковым, «подвизавшимся на ниве самой беззастенчивой и грубой фальсификации истории освободительного движения в России». В своей книге «Россия 1917 г. Февральская революция», «основываясь преимущественно на письмах Е. Д. Кусковой... Катков вновь объявляет о том, что действовавшая в России разветвленная тайная организация масонов, в которой объединялись, стремясь прийти к власти, оппозиционные царизму круги, проводя кампанию «денонсирования и дискредитирования самодержавия», проложила «путь для успеха восстания». «Эта книга,— заключает Е. Д. Черменский,— по всей вероятности, и послужила источни-

ком сенсационных «открытий» Н. Яковлева».

Хотя Н. Яковлев, пишет далее Е. Д. Черменский, и награждает Каткова весьма не лестными и притом заслуженными эпитетами, на деле он «почти дословно» заимствовал у последнего версию масонского заговора, а заодно и его объяснение, почему она не имеет достоверных источников. «Г. Катков объясняет это тем, что масоны были связаны клятвой молчания. Такое же объяснение дает и Н. Яковлев». Абсолютная бездоказательность и предвзятость «открытия» Каткова, указывает Е. Д. Черменский, стали очевидными не только для советских историков (Ю. И. Игрицкий, Г. З. Иоффе), их отвергло и большинство западных буржуазных историков. Тем более вызывает изумление попытка Н. Яковлева вслед за Катковым возродить старый миф черносотенцев о масонах как организаторах русской революции¹.

Как видим, оценка Е. Д. Черменского достаточно однозначна: советский историк Н. Яковлев изложил в своей книге черносотенную версию Февральской революции.

В. И. Старцев не присоединился к столь суровой критике, высказав свою точку зрения, которая, как он подчеркивает, является результатом его собственного усиленного изучения проблемы. Обратив «внимание читателя на имеющиеся факты», автор приходит к следующему выводу: конечно, «не следует преувеличивать» влияние ма-

¹ См.: Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 7—9.

сонской организации (называвшей себя «Верховным советом народов России») «на политическую жизнь страны даже накануне Февральской революции, а тем более из массовое революционное движение. Однако существование этой организации дает нам дополнительные свидетельства степени организованности русской буржуазии перед революцией, ее гибкости перед лицом военно-полицейской машины самодержавия». Деятельность этой организации интересна также и в плане попытки русской буржуазии подчинить своему влиянию и революционное движение в стране.

«Но,— сразу же предупреждает В. И. Старцев,— масонские связи быстро рвались под влиянием могучего дыхания революции». Подлинным вождем революционных масс стали большевики. «Однако при анализе конкретной истории двоевластия нельзя сбрасывать со счетов и многолетние контакты и связи, налаженные в рамках «Верховного совета народов России» в 1912—1917 гг. Это относится и к созданию первого коалиционного правительства»¹.

В своей следующей книге В. И. Старцев почти дословно повторяет этот вывод, основываясь на тех же фактах, изложенных несколько подробнее. В обширной сноске перечисляется весь перечень источников, на которые опирается В. И. Старцев в своем изложении². Как видим, В. И. Старцев

¹ Старцев В. И. Революция и власть. М., 1978, С. 204—207.

² См.: Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства. Л., 1980. С. 121—123.

заявлял некую среднюю линию между Н. Яковлевым и Е. Д. Черменским. Он не разделяет вывода первого о масонском всемогуществе, но и не соглашается со вторым, отрицающим какое бы то ни было политическое значение русского масонства, его роли в подготовке Февральской революции и формировании первого состава Временного правительства. Определенную роль, которую не следует преувеличивать и тем более абсолютизировать, они тем не менее сыграли — таков конечный итог, сделанный В. И. Старцевым на базе изучения масонской проблемы в годы первой мировой войны.

Выступления Н. Яковлева и В. И. Старцева о масонах заставили взяться за перо И. И. Минца. В весьма содержательной и убедительной статье автор подверг анализу как всю предшествующую литературу о русских масонах в начале XX в. (исключительно белоэмигрантскую и западнобуржуазную), так и источники, на которых основываются все писавшие о масонах, включая Н. Яковлева и В. И. Старцева, и пришел к заключению о полной несостоятельности утверждений последних. Отметив, что Катков со своей масонской версией остался одиноким даже на Западе, И. И. Минц далее пишет: «Тем поразительнее был тот факт, что катковские фальсификации, рассчитанные на компрометацию российского революционного движения... получили отклик... в нашей историографии, публицистике и художественной литературе». Его окончательный вывод сводится к тому, что

все попытки перенесения масонства в Россию в формах, существующих на Западе и поныне, неизменно «терпели фиаско», «масонство не привилось...».

Как же в таком случае поступить с масонской темой в дальнейшем: закрыть ли ее за полной несостоятельностью, или же продолжать дальнейшие исследования? — задается вопросом автор. «...Стоит ли вообще касаться масонской темы?» Ответ гласит: «На наш взгляд, стоит». Весь вопрос лишь в том, как касаться. «Дело... не в том, — поясняет дальше автор свою мысль, — можно или стоит ли заниматься изучением масонства — сомнений в этом нет, — а как изучать» — с критических ли классовых позиций или как это делают, «к сожалению, отдельные наши литераторы и историки, возможно, в погоне за сенсациями», некритически воспринимать «чуждые концепции и взгляды»¹.

С аналогичной критикой взглядов Н. Яковлева и В. И. Старцева выступил О. Ф. Соловьев. «Хотят они того или нет, — делает он конечный вывод, — апологеты масонской легенды практически отвергают марксистско-ленинскую концепцию развития революционного процесса в России»². С этим нельзя не согласиться, и, взяв в руки масонскую эстафетную палочку, автор будет неизменно руководствоваться данным принципом, единственно возможным с

¹ Минц И. Н. *Метаморфозы масонской легенды*// История СССР. 1980. № 4. С. 119—122.

² Соловьев О. Ф. *Обреченный альянс*. М., 1986. С. 201.

точки зрения советской исторической науки.

В силу этого необходимо прежде всего источниковедчески проанализировать имеющиеся документы, с тем чтобы определить степень их достоверности и информативности. Именно такой подход, как нам представляется, будет наиболее эффективным для ответа на вопрос, как в действительности обстояло дело с русским масонством в последнее десятилетие существования царизма. В статье И. И. Минца уже присутствует критический разбор некоторых документов, на которых базируются в своих выводах Н. Яковлев и В. И. Старцев. Но его необходимо продолжить.

Первым по времени источником о русских масонах, на котором в значительной мере основывают свои выводы Н. Яковлев и В. И. Старцев, были воспоминания И. В. Гессена¹. О масонах автор заговорил в связи с А. И. Браудо, долгие годы работавшим в Публичной библиотеке в Петербурге. Охарактеризовав его самым теплым образом (всюду дорогой и желанный гость, человек, пользовавшийся неограниченным доверием не только у интеллигенции, но и в высших слоях бюрократии и в великокняжеских дворцах), И. В. Гессен далее писал: уже после смерти Браудо (умер в 1920 г. в Лондоне.—А. А.) он, к своему «величайшему удивлению», узнал, что тот был масоном. Масоны, казалось ему, закон-

¹ См.: Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937.

чили свою роль. Однако «в 1904 г. я вдруг узнаю, что они еще претендуют на жизнеспособность». И далее Гессен рассказывает, как во время пребывания в Москве к нему в гостиницу явился Д. И. Шаховской и предложил подняться этажом выше в той же гостинице («Националь») к только что вернувшемуся после долгих лет эмиграции М. М. Ковалевскому. Едва успев поздороваться, последний, «добродушно разжиревший, с таким же жирным голосом», стал доказывать, что «только масонство может победить сомодержавие». Гессену «он положительно изпоминал комиссионера, который является, чтобы сбыть продаваемый товар, и ничем не интересуется, ничего кругом не видит и занят только тем, чтобы товар свой показать лицом». Агитируемому он решительно не понравился, и в результате «пропал всякий интерес к сближению с ним, несмотря на большую авторитетность и популярность его имени». В общественных организациях, писал далее автор воспоминаний, Ковалевский «был вроде генерала на купеческих свадьбах» — он возглавлял массу всяких десятистепенных организаций, вроде председателя герценовского кружка, и непременно их перечислял, когда на каком-либо из многочисленных тогдашних собраний возникал вопрос о представительстве.

Покончив со своими личными впечатлениями и оценкой, Гессен далее писал: «Насколько мне известно, Ковалевский и был родоначальником русского масонства конца прошлого века. Русская ложа — отделение

французской «Ложы Востока» — была им торжественно, по всем правилам обрядности, открыта, а через несколько лет, ввиду появившихся в «Новом времени» разоблачений, была, за нарушение тайны, надолго усыплена и вновь воскресла уже в нынешнем веке. Но традиции масонства уже в значительной мере выветрились, и ложа приобрела оттенок карбонарский. Замечательной для России особенностью было то, что ложа включала элементы самые разнообразные — тут были и эсеры (Керенский), и кадеты левые (Некрасов) и правые (Маклаков), которые в партии друг друга чуждались, и миллионеры-купцы, и аристократы (Терещенко, гр. Орлов-Давыдов), и другие члены ЦК эсдеков (Гальперин), которые открыто ни в какое соприкосновение с другими организациями не входили».

Далее Гессен переходит к главному вопросу. «По-видимому, масонство сыграло некоторую роль при образовании Временного правительства. Недоуменно я спрашивал Милюкова, откуда взялся Терещенко, никому до того не известный чиновник при императорских театрах, сын миллионера, — да и еще на посту министра финансов, на который считал себя пред назначенным Шингарев; смертельно предпочтением Терещенки обиженный. Милюков отвечал: «Нужно было ввести в состав правительства какую-нибудь видную фигуру с юга России», а потом эта видная фигура вытеснила Милюкова и сама заняла его место министра иностр[анных] дел. А когда это случи-

лось, Милюков говорил: «При образовании Временного правительства я потерял 24 часа (а тогда ведь почва под ногами горела), чтобы отстоять кн. Г. Е. Львова против кандидатуры М. В. Родзянко, а теперь думаю, что сделал большую ошибку. Родзянко был бы больше на месте». Я был с этим вполне согласен, но ни он, ни я не подозревали, что значение кандидатуры как Терещенко, так и Львова скрывалось в их принадлежности к масонству». Заканчивает Гессен свое краткое, но достаточно емкое повествование о русских масонах рассуждением о том, что со времени первой революции реакционные круги приписывали жидомасонам безграничное влияние и решительно во всем усматривали их происки (в частности, сам автор не раз попадал в составляемые ими масонские списки), хотя прибавка «жидо» вряд ли верна — «насколько мне известно, участие евреев было редким исключением». Теперешнее масонство (т. е. русское масонство в эмиграции) «выродилось» в общество взаимопомощи, «но уже и в то время (т. е. до Февральской революции.— А. А.) благотворительное противодействие масонства русской кружковщины сразу вывернулось наизнанку»¹.

Вот все, что сообщил Гессен о масонах. Пока отметим прежде всего его стремление быть максимально точным: чему он был свидетелем лично, автор воспоминаний специально отделяет от того, что ему стало из-

¹ Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет. С. 215—218.

вестно из других источников («насколько мне известно»), которые он, к сожалению, не называет. Мы можем только предполагать, что в числе таких источников была известная книга С. Мельгунова «На путях к дворцовому перевороту» (вышедшая в 1931 г. в Париже, в которой масонам отводится большое место), белоэмигрантская пресса, воспоминания и т. д. (которые и сам Мельгунов широко использует), а также, по-видимому, беседы с людьми, в той или иной мере осведомленными в масонской теме. Также очень осторожен Гессен, когда говорит о Временном правительстве. Он допускает, но отнюдь не утверждает категорически («по-видимому»), что при его образовании масонство сыграло какую-то роль. Основанием для такого допущения послужили сведения, полученные Гессеном спустя ряд лет, о том, что М. И. Терещенко и князь Г. Е. Львов были масонами.

Следующим по хронологии источником по дореволюционному русскому масонству является один отрывок из воспоминаний П. Н. Милюкова. Эти воспоминания писались им в последний год его жизни, в разгар второй мировой войны (1942 г.), но опубликованы были лишь в 1955 г. То, что он в них сказал о масонах, очень невелико по объему. Характеризуя состав Временного правительства, Милюков в числе прочего заявил: «Я хотел бы только подчеркнуть еще связь между Керенским и Некрасовым — и двумя не названными министрами, Терещенко и Коноваловым. Все четверо очень различны и по характеру, и по свое-

му прошлому, и по своей политической роли, но их объединяют не одни только радикальные политические взгляды. Помимо этого, они связаны какой-то личной близостью, не только чисто политического, но и своего рода политико-морального характера. Их объединяют как бы даже взаимные обязательства, исходящие из одного и того же источника». Страницей дальше он добавляет: «Из сделанных здесь намеков можно заключить, какая именно связь соединяет центральную группу четырех. Если я не говорю о ней здесь яснее, то это потому, что, наблюдая факты, я не догадывался об их происхождении в то время и узнал об этом из случайного источника лишь значительно позднее периода существования Временного правительства»¹.

Этот отрывок, как источник, примечателен в двух отношениях. Во-первых, он не содержит решительно ничего нового по сравнению с тем, что уже было опубликовано на этот счет в книге Мельгунова и в воспоминаниях Гессена, вышедших на много лет раньше. Во-вторых, несмотря на это, именно он послужил новым и достаточно сильным импульсом для гальванизации темы о масонстве, которая до этого сошла за границу практически на нет. Он же, этот отрывок, стал одним из основных источников, легших в основу масонских построений Н. Яковлева и В. И. Старцева.

¹ Миллюков П. Н. Воспоминания (1859—1917). Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 332—333.

Следует обратить внимание еще на кое-какие детали свидетельства П. Н. Милюкова. Совершенно недвусмысленно дав понять, что он имеет в виду именно масонскую связь указанной им четверки, автор воспоминаний тем не менее решительно не желает произнести слово «масон», причем под очень странным и не выдерживающим никакой критики предлогом. В самом деле, почему тот факт, что он узнал об этой связи много позже, является препятствием для его произнесения? Правда, Милюков при этом добавляет, что узнал о масонстве четверки из случайного источника, но из контекста видно, что не это обстоятельство является причиной его умолчания, а именно первый мотив ретроспективности. Здесь, безусловно, кроется какая-то загадка, которую вряд ли до конца удастся разгадать, но обратить внимание и высказать хотя бы гипотетические соображения необходимо. Нельзя упускать из виду и упоминания о случайности источника. Что же касается слов «лишь значительно позднее», то они позволяют считать, что Милюков имел в виду 1920-е годы, скорее всего их начало, а не 30-е, когда в эмиграции о масонах чирикали уже все воробыи на белоэмигрантских журнальных и газетных крышах.

Приведенная выдержка из воспоминаний Милюкова очень всполошила двух людей — Е. Д. Кускову и А. Ф. Керенского. Последний срочно пересек Атлантику, чтобы специально обговорить с Кусковой созданную Милюковым ситуацию и выработать единую линию по части ее нейтрализации. Об

этом мы узнаем из трех писем Кусковой, опубликованных (с купюрами) в книге бывшего мевьевика Г. Аронсона¹. Эти письма представляют один из краеугольных камней, на котором строится масонское (или антимасонское) здание Каткова, Яковлева и Старцева, и поэтому их необходимо проанализировать с особой тщательностью.

Первое письмо к Вольскому датировано 15 ноября 1955 г. Судя по содержанию и тону, оно, по-видимому, является ответом на какой-то запрос адресата, связанный как раз с появлением воспоминаний Милюкова. Вольский, вероятно, что-то знал о масонском прошлом Кусковой и решил обратиться к первоисточнику. «Самый трудный вопрос о масонстве,— отвечала ему автор письма.— Наше молчание было **абсолютным**. Из-за этого вышла крупная ссора с Мельгуновым. Он требовал от нас **раскрытия** всего этого дела. А узнал он об этом от тяжело заболевшего члена его партии (хоть убей, не помню его фамилию; на Л., народник очень известный). Мельгунов доходил до истерик, вымогая у меня (еще в России)² данные, и заверял, что ему «все» известно. Я хорошо знала, что ему почти ничего не известно, как и Бурышкину. Потом он в одной из своих книжек сделал намек, что такое существовало».

¹ См.: Аронсон Григорий. Россия накануне революции: Исторические этюды. Монархисты, либералы, масоны, социалисты. Нью-Йорк, 1962.

² То есть до 1922 г., когда Кускова была выслана за границу.

Уже в этом небольшом отрывке обнаруживаются слабости и противоречия. Если «тяжко заболевший» поведал Мельгунову главную тайну организации — факт ее существования, то почему он должен был только этим ограничиться, утаив от своего близкого единомышленника по партии народных социалистов, где всех членов было раз-два и обчелся, все остальное, связанное с этим фактом, тем более что свое признание он сделал, по-видимому, считая, что уходит навсегда в лучший мир? Почему упоминается Бурышкин? Ответ может быть только один: Бурышкин тоже что-то знал и говорил об этом. Почему, наконец, надо считать «намеком» весьма длинный и подробный рассказ Мельгунова о масонах со ссылкой не только на разные источники, но и с прямым заявлением (в его известной книге «На путях к дворцовому перевороту»), что ему неоднократно предлагали стать масоном.

Далее Кускова сообщает «кратко, что было». Было же следующее: 1) «Началось» сразу после поражения революции 1905—1907 гг. 2) «Ничего общего это масонство с заграничным масонством не имеет. Никогда ни в какой связи с ним не состояло, на том простом основании, что это русское масонство отменило **весь** ритуал, всю мистику и прибавило новые параграфы. 3) Цель масонства: политическая. Восстановить в этой форме «Союз освобождения» и работать в подполье на освобождение России. 4) Почему выбрана такая форма? Чтобы захватить высшие и даже придворные кру-

гв. На простое название политическое они бы не пошли».

В пятом и шестом пунктах говорится о том, что в отличие от заграничных масонских лож в эту организацию прием женщин «впервые» был разрешен. Весь масонский ритуал — фартуки и прочее — был отменен. Посвящение состояло лишь в клятве об абсолютном молчании. Все строилось на доверии, каждая ложа состояла из пяти человек, а затем — «конгрессы». Ложы не должны были знать друг друга, но на конгрессах встречались члены разных лож, что позволяло им судить «о размахе движения и его составе». Выход из организации также был обусловлен клятвой: вышедший никогда никому ничего не должен был говорить, просто «заснуть». Таких выходов, пишет Кускова, она не помнит, «интерес к движению был огромен, и наша пробковая комната (кабинет ее мужа С. Н. Прокоповича, обитый пробкой для звуковой изоляции. — А. А.) действовала вовсю».

Далее Кускова уверяет, что она знала двух «виднейших большевиков, принадлежавших к движению». Когда произошла Октябрьская революция, она и ее муж были уверены, что «все будет вскрыто». Но нет, масоны-большевики тайну соблюли, возможно из боязни репрессий. «Людей высшего общества (князьев и графов, как тогда говорили) было много. Велю они себя изумительно: на конгрессах некоторых из них я видела. Были и военные — высокого ранга... Движение это было огромно. Везде были «свои люди». В доказательство она ссыла-

ется на Вольно-экономическое и Техническое общества. Оба они «были захвачены целиком». Причем еще со времен «Союза освобождения». В первом «прочно уселись» Богучарский, Хижняков (секретари) и Прокопович (председатель). Во втором — Лутугин и Бауман. Та же картина была и в земствах. «Масонство тайное лишь продолжило эту тактику». Далее идет очень важный кусок, связанный с Милюковым. «П. Н. Милюков, осведомленный об этом движении, в него не вошел: «Я ненавижу всякую мистику»! Но много членов к.-д. партии к нему принадлежали. Но так как Милюков был в центре политики, его осведомляли о постановлениях конгрессов. Иногда и сам он прибегал к этому аппарату: надо, дескать, провести через него то-то и то-то».

Далее Кускова объясняет, почему в организации не оказалось ни одного провокатора: принимались только те, чья честность и высокая мораль не вызывали сомнений. Сомнительные кандидатуры отвергались. Именно поэтому «до сих пор тайна движения, тайна этой организации не вскрыта. А она была огромна. К Февральской революции ложами была покрыта вся Россия». Сообщив, что и теперь «здесь, за рубежом, есть много членов этой организации. Но все молчат», Кускова так объясняет это молчание: «И будут молчать — из-за России еще не вымершей» (т. е. из-за живущих еще в Советской России членов этой организации. — А. А.) Выше она выразила эту же мысль в следующих словах: «Почему нельзя вскрыть это движение? Потому что в России

не все члены его умерли. А как отнесутся к живым — кто это знает?»

Отвечая, по-видимому, еще на один вопрос: почему она, человек ближе и лучше всех знакомый с этой организацией в настоящее время, не выступит по этому столь интригующему сюжету в печати, автор письма заявляла: «Писать об этом не могу и не буду. Без имен это мало интересно. А вскрывать имена — не могу. Мистики не было, но клятва была. А она действительна и сейчас по причинам Вам понятным».

Рассказ о взаимоотношениях с Гучковым также, надо полагать, был ответом на вопрос. «Много разговоров о «заговоре Гучкова». Этот заговор был (примечание Вольского: «Конечно, был. Я сам это слышал от Гучкова»). Но он резко осуждался членами масонства. Гучков вообще подвергался неоднократно угрозе исключения». Далее речь идет о неблагоприятных, с точки зрения Кусковой, связях Гучкова с немцами уже во времена Гитлера, которые для нас не представляют интереса. Заканчивается письмо тем же рефреном: сейчас о масонах писать нельзя. «Через кого-нибудь историки, конечно, об этом узнают. Но сейчас, повторяю, писать о нем нельзя. Теперь Вы понимаете, почему здесь об этом не говорят. Маклаков, Балавинский и др. к этому движению не принадлежали. Они принадлежали к французским ложам, совершенно открытым»¹.

Сделаем пока несколько предварительных

¹ Аронсон Г. Россия накануне революции: Исторические этюды. Монархисты, либералы, масоны, социалисты. С. 138—140 (подчеркнуто нами — А. А.).

замечаний. В психологическом плане письмо Кусковой оставляет впечатление какой-то истерической извинчивости. Автор на кого-то нападает, от чего-то защищается, мысли его прыгают. Но совершенно отчетливо выступают два ведущих мотива: 1) «движение» было огромным и 2) писать о нем сейчас нельзя, нельзя, нельзя! Между тем совершенно очевидно, что единственный аргумент, доказывающий необходимость такого молчания, до смешного несостоятелен: если опасешься, в случае огласки, за судьбу масонов, оставшихся в Советской России, не называй их, и высосанная из пальца проблема полностью таким образом решается. Кроме того, Кускова своим письмом Вольскому уже нарушила клятву, ибо назвала, помимо себя и Керенского, еще пять фамилий людей, состоявших вместе с ней в масонской организации. Дело, разумеется, было не в этом, и нам еще предстоит подумать, что в действительности заставляло Кускову с таким ожесточением защищать тайну своей организации.

Второе, что бросается в глаза,— это полная взаимоисключаемость свидетельств Кусковой и Милюкова. Тот, как мы помним, утверждал, что узнал о масонской связи Керенского, Терещенко и др. спустя ряд лет. Кускова же весьма определенно заявляет, что Милюков не только знал о существовании описанной ею организации, в которую входил и Керенский, но даже давал ей время от времени конкретные задания, т. е. косвенно в какой-то мере направлял ее деятельность, хотя сам и не принадлежал к ней. Не

совсем ясно то место письма, где речь идет о Гучкове. Его можно толковать таким образом, что Гучков тоже был с Керенским и Кусковой в одной масонской организации, но вел себя, с точки зрения этой организации, так плохо, что в ней не раз ставился вопрос о его исключении из нее. Между тем ни Мельгунов, ни кто-либо другой, в том числе и сам Аронсон, писавшие о масонах, никогда не считали Гучкова масоном, и, забегая вперед, скажем, что он действительно никогда таковым не был.

Абсолютно несостоятельным является утверждение Кусковой, что в масонской организации было много представителей высшего общества и высокопоставленных военных. Из контекста письма становится понятным, откуда оно взялось: по старости лет (в момент написания этого письма Кусковой было 87 лет) автор письма явно смешивает «Союз освобождения», деятельность которого относится к 1904—1905 гг., с годами первой мировой войны, на которые как раз и падает деятельность новой популяции масонов.

Второе письмо Кусковой адресовано Л. О. Дан и датировано 20 января 1957 г. Письмо опубликовано не полностью, приведен лишь небольшой отрывок. «...Всю пятницу с утра до вечернего поезда провела с Ал. Фед. (Керенским.— А. А.). Надо было обсудить, как поступить с упоминанием Милюковым той организации, о которой я Вам говорила... Он очень одобрил то, что я сделала: записав для архива и закрепостив на 30 лет. Он сделает то же самое. Но кроме того, в своей книге, которую он пишет, он

сделает предисловие, ответив на туманность Милюкова. Ответит лично за себя и от себя, не называя больше ни одного имени. Все это теперь обдуманно, и оба согласились о форме, в какой должно быть сделано осведомление. А вот болтовню следовало бы в Нью-Йорке, по возможности, прекратить. Живы еще люди в России, люди очень хорошие, и их нужно пожалеть»...¹

Из письма с полной очевидностью следует, что Кускову, как и Керенского, беспокоил во всей этой масонской истории только один момент — «туманность» Милюкова, а ссылка на еще живущих в России была просто нелепым предлогом: в 1957 г., отделенная от своей страны многими годами эмиграции и грандиозными событиями прошедших лет, Кускова не имела и не могла иметь ни малейшего понятия о том, как обстояло дело с «очень хорошими людьми» вообще. Создается впечатление, что оба собеседника боялись каких-то разоблачений иного плана, связанных с ними лично, к которым в порядке цепной реакции мог бы привести намек Милюкова. Сопровождение двух и было как раз посвящено вопросу выработки линии поведения на этот случай. Что же касается намерения обоих собеседников рассказать потомкам все, как было на самом деле, то историкам остается только ждать и надеяться. Но, думается, сенсаций не будет.

Третье из опубликованных писем было послано Кусковой тому же адресату менее

¹ Аронсон Г. Россия накануне революции: Исторические этюды. Монархисты, либералы, масоны, социалисты. С. 141.

чем через месяц — 12 февраля 1957 г. — и вызвано, как видно из текста, вопросами, которые задала ей Дан, прочитав письмо от 20 января. Отвечая, по-видимому, на вопрос о том, какой был смысл в создании особой, да еще такой необычной организации, Кускова с явным раздражением писала: «...Вы забываете, что $\frac{9}{10}$ русских людей были не только беспартийны, но они ненавидели партии и партийность. Эту... голую в смысле политическом среду надо было прежде всего вычистить. Этой работой мы и занимались. Она была **очень** трудна...»

Вне всякого сомнения, под «русскими людьми» Кускова разумеет здесь среду земско-либеральную и буржуазную, которая действительно очень плохо поддавалась партийной организации. Дальше она прямо так и пишет: «Заметили, вероятно, наши широкие отношения с «князьями и графьями»? Это — земская среда. Ее надо было привлечь на сторону революции. Это было сделано. Причем поистине дружеские отношения остались между нами и этой средой и потом, после революции». Этот отрывок совершенно точно доказывает, что «князья и графья», о которых писала Кускова в предыдущем письме, это именно земцы, связанные так или иначе с «Союзом освобождения», а отнюдь не «люди высшего общества» в тогдашнем смысле этого слова, как она до этого уверяла. Что касается «революции», то она, конечно, понимается в специфически «освободительском» смысле, имевшем мало общего с революцией подлинной.

Гораздо скромнее, по сравнению с первым письмом, говорится и о военных: видно, вопросы и недоумения Дан, также знавшей и наблюдавшей среду, в которой подвизалась Кускова, несколько умилили ее пыл. «Надо было завоевать военщину. Лозунг — демократическая Россия и не стрелять в манифестирующий народ — объяснять приходилось много и долго, — среда косная. Успех тут был довольно большой». Это довольно далеко от «военных высокого ранга». Речь, вне всякого сомнения, идет об офицерах младшего и среднего звена, и не больше.

Из дальнейшего хорошо видно, что у Кусковой с памятью обстояло дело совсем плохо: она явно смешивает события, относящиеся к деятельности «Союза освобождения», с предфевральским временем. «Надо было «взять в наши руки», — снова упорно твердит она, — императорское Вольно-экономическое общество, Техническое общество, Горный институт и др. Это было проделано блестяще; всюду были там «наши люди»... Пропаганде было где развернуться. Особенно большую роль сыграл Горный институт (Лутугин, Бауман и другие профессора). Без всех этих подсобных учреждений мы не смогли бы так широко провести «Освобождение», банкеты, заявления земцев и т. д. Учительская среда. Весьма косная. Проведение съездов, местных и всероссийских. Кооперация... Все это было сплошь беспартийно, и в некоторых углах — темно и антиобщественно» и т. д. Нет необходимости доказывать, что все, здесь сказанное, к масонству не имело ни малейшего отношения.

Тем не менее, отвечая, по-видимому, на вопрос Дан, в котором последняя, что-то зная о масонах, усомнилась в категорическом утверждении Кусковой об отсутствии всякой масонской обрядности, кроме клятвы, Кускова писала: «Что касается «поцелуев» и пр., то при одном из обысков у С. П. Мельгунова нашли целый ящик фартуков, крестов и т. д. — от деда его — масона. Все это из новой организации было выкинуто. Осталось одно: моральная связь и требование действий без партийных склок и всех этих болезненных явлений русской партийности. Так это и было».

В связи с этим напомним, что в письме к Вольскому, касаясь устава, где говорилось о выходе из организации, Кускова указывала, что вышедший должен был поклясться — «никогда и никому, просто «заснуть». Последнее слово сразу вызывает сомнение в верности ее утверждения об отсутствии каких-либо масонских атрибутов, кроме клятвы. Дело в том, что глагол «заснуть» — не просто типичный масонский термин, неотделимый от всей прочей масонской обрядности, а одно из основополагающих масонских установлений. И то, что Кускова употребила его спустя столько лет, говорит о том, что этот термин был в ее масонской среде в широком ходу.

Концовка письма заслуживает внимания. «Керенский, — отвечала Кускова еще на один вопрос, — должен сделать в своей книге заявление, что с организацией Временного правительства эта организация прекратила свои действия. Не было ни одного кон-

вента, и никакие «давления» на решение Временного правительства эта организация не оказывала. Влияние оставалось разве лишь в личных связях. Но ведь более половины членов Временного правительства к этой организации не принадлежали...»¹ Из приведенного текста отчетливо видно, что намек, сделанный Милюковым, беспокоил Керенского (и, надо полагать, также Кускову) в связи с **послефевральскими** делами, а не до и во время них. Этот факт нам представляется весьма важным, о чем подробнее будет сказано дальше.

Таковы эти три письма Кусковой, на которых строятся масонские концепции Н. Яковлева и В. И. Старцева. К этому надо добавить, что и сам публикатор Аронсон придает им большое значение. Именно вокруг них он группирует все остальные сведения и строит свои умозаключения в том разделе своей книги, где речь идет о масонах.

Так же как и Н. Яковлев и В. И. Старцев, но значительно раньше их Аронсон уверяет читателей в том, что «существовала в России, может быть, немногочисленная, но политически влиятельная организация, представители которой играли весьма видную роль в переломные годы русской истории, в 1915—1917 годы, в эпоху первой мировой войны и февральско-мартовской революции». Далее он, в полном соответствии с письмами Кусковой, подчеркивает две важные черты этой организации: засекречен-

¹ Аронсон Г. Россия накануне революции: Исторические этюды. Монархисты, либералы, масоны, социалисты. С. 141 (подчеркнуто нами.— А. А.).

ность и политическую пестроту входивших в нее деятелей. Именно секретностью автор объясняет, что «почти все историки эпохи» прошли мимо этого «редкого феномена». Более того, всякие упоминания о масонах и сейчас вызывают скепсис у рядового читателя. Одна из причин его — «страшные сказки», которые распространяли сперва в России, а теперь в эмиграции черносотенцы о так называемых жидомасонах.

Тем не менее существование вышеуказанной масонской организации — непреложный факт. В нее входили князь Г. Е. Львов и А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов и Н. С. Чхедзе, В. А. Маклаков и Е. Д. Кускова, великий князь Николай Михайлович и Н. Д. Соколов, А. И. Коновалов и А. И. Браудо, М. И. Терещенко и С. Н. Прокопович. Более того, в эту «людскую смесь» затесался и бывший директор департамента полиции А. А. Лопухин. В связи с этим автор не мог, конечно, не задаться вопросом, почему Милюков в своих воспоминаниях, говоря о масонах, о существовании которых он, по его словам, узнал много лет спустя, упорно избегает этого слова. «Надо сознаться,— пишет Аронсон,— что читатели мемуаров не без удивления отметили его странную манеру выражаться, ни разу не упоминая имени масонов и ограничиваясь какими-то намеками. Это тем более необъяснимо, что задолго до второй мировой войны в печати говорилось о масонах, назывались многие имена». Милюкову также, несомненно, были известны книга Мельгунова и мемуары Гессена, где речь идет о масонах. «Сами масо-

ны, говорят, связанные клятвой, молчат, но почему Милюков чувствует себя связанным в этой области — непостижимо»¹.

Вызывает удивление не только Милюков, но и сам Аронсон. Спрашивается, как согласовать его утверждение, что Маклаков был масоном той масонской организации, о которой писала Кускова, и категорическое утверждение последней, что Маклаков в нее не входил, будучи совсем другим масоном? Как примирить слова Милюкова, что он узнал о существовании этой организации много лет спустя, с не менее решительным заявлением той же Кусковой, что он не только знал об организации, но и давал ей конкретные задания для исполнения? Аронсон не только не пытается разрешить эти противоречия, но даже не задается таким вопросом.

Открывая приведенный выше перечень масонов фамилией князя Г. Е. Львова, он делает такое примечание: «...автором получено опровержение о масонстве князя Г. Е. Львова ссылкой на церковные настроения первого председателя Временного правительства». Никаких разъяснений на этот счет со стороны Аронсона не последовало. В числе прочего Аронсон, продолжая свой рассказ о масонах, приводит пример, так сказать, автобиографического характера — рассказ «приятеля (в 1918 г. — А. А.), почему-то решившегося нарушить тайну и исповедаться. Для меня этот рассказ прозвучал фантастически». Приятель рассказал следующее. По

¹ Аронсон Г. Россия накануне революции: Исторические этюды. Монархисты, либералы, масоны, социалисты. С. 109—112.

дороге на фронт к ним (в какую-то провинцию) заехал Колюбакин (известный кадет, член ЦК к.-д. партии.— А. А.), провел там два дня «и за это время основал у нас масонскую ложу». Сам рассказчик в ложу приглашен не был. Но довольно скоро приехал другой член Думы — «К», и он был тот, кто вводил меня (т. е. приятеля.— А. А.) в ложу. Я был к этому подготовлен». Был исполнен, к его удивлению, ритуал: завязаны глаза, ряд вопросов (какие — не помню), прочел формулу присяги, вручил перчатки, поцеловал и ввел в другую комнату — «и я увидел десяток своих старых знакомых, местных деятелей, ранее меня уже введенных в ложу». Спустя некоторое время пришли и другие — не члены ложи, в том числе и сам Аронсон,— послушать доклад приехавшего из Петербурга депутата Думы¹.

Этот рассказ вызывает не меньшее недоумение, чем недомолвки Милюкова. Колюбакин поехал на фронт в 1915 г., т. е. в самый разгар деятельности эмансипированной, безритуальной масонской организации. Спрашивается, как же тогда объяснить всю эту обрядность, описанную «приятелем»? Как согласовать «десяток» с утверждением Кусковой, что ложи состояли из пяти человек? Если бы Колюбакин принадлежал к другим (как Маклаков), по утверждению Кусковой, французским масонам, тогда на эти вопросы есть хотя бы формальный ответ. Но, как увидим дальше, Колюбакин принадлежал имен-

¹ См.: Аронсон Г. Россия накануне революции: Исторические этюды. Монархисты, либералы, масоны, социалисты. С. 118.

но к тем масонам, о которых писала Кускова. И, кроме того, как быть тогда со свидетельством Гессена, на которое ссылается Аронсон, о разоблачениях в «Новом времени», приведших к тому, что ложам с обрядом было приказано «заснуть»?

Наконец, почему сам Аронсон не называет ни фамилии «приятеля», ни тех, кого он увидел на собраниях? Ведь он же не был связан масонской клятвой, тем более что сам в своей книге выражает недоумение по поводу молчания не только Милюкова, но и Кусковой, понимая, что ссылка на живущих в России несостоятельна. В ходе изложения будет показано, что и другие сведения и умозаключения Аронсона столь же сомнительны и противоречивы, как и только что приведенные.

Следующий по времени появления материал о масонах был опубликован в 1965 г. Он включен в статью американского историка, занимающегося русской историей, Леопольда Хаймсона в виде свободного авторского изложения и перемежается с изложением и интерпретацией других материалов на ту же тему, нам уже известных. Возникает необходимость его вычленения — задача, к счастью, в данном случае простая.

Важен повод, по которому Хаймсон завел вдруг речь о масонах. Дело в том, что его статья «Проблема социальной стабильности в городской России, 1905—1917» в журнале «Slavic Review» (первая часть опубликована в том же журнале в декабре 1964 г.) имеет дискуссионный характер. Вместе с ней напечатаны еще две дискуссионные статьи:

Артура Менделя «Крестьянин и рабочий накануне первой мировой войны» и Теодора фон Лауэ «Шансы либерального конституционализма». Заголовок последней статьи отражает тему дискуссии: была ли в России конституционная (западная) альтернатива революции? Именно на этот вопрос делает попытку ответить Хаймсон и для своего вывода (отрицательного) в числе прочего считает необходимым поставить вопрос о месте масонства в событиях 1914—1917 гг. Привлеченный им новый материал представляет собой интервью известного меньшевика Б. П. Николаевского с меньшевиками Чхедидзе и Гальперном в 1920 г., которое Хаймсон извлек из личного архива интервьюера.

По мнению Хаймсона, в России не только рабочий класс был изолирован от образованного, привилегированного класса, но и большинство последнего все больше отделялось от царского режима, шел процесс поляризации сил, в результате чего либералы уже открыто заявляли в Думе о пропасти между царизмом и общественным мнением. Отсюда кризис партий: внутри кадетской партии пришли к столкновению буржуазное и разночинско-радикальное крылья. Во главе первого стоял Милюков, второе возглавлял Некрасов. Спор между ними, как уверяет Хаймсон со ссылкой на Потресова и Мартова и что абсолютно не соответствовало действительности (это показано в наших работах¹), шел о выборе политической ориен-

¹ См.: *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума, 1912—1914. М., 1981; *Аврех А. Я.* Распад третьиюньской системы. М., 1985.

тации — эволюционной или революционной тактики. В Москве, продолжает автор, ссылаясь на публикации в «Историческом архиве» (1958, № 6 и 1959, № 2), прогрессистами и левыми кадетами был создан Информационный комитет, который вступил в переговоры даже с большевиками¹.

Кризис, пишет далее Хаймсон, ссылаясь на Струве и др., переживали и все другие политические партии. Обострились разногласия и в провинции между местным «обществом» и властью. Сгустившиеся тучи революции, с одной стороны, противостоявшая ей контрреволюция — с другой, необходимость выбора вызвали всеобщее замешательство, привели к поискам неофициальных личных связей взамен распадавшихся партийных.

Исходя из этой обстановки, делает вывод автор, и следует интерпретировать пока еще мало выясненное явление — возрождение масонства в России в предвоенные годы. И далее идет это «выяснение» с перечнем источников, на которых оно построено. Все они нами уже охарактеризованы, кроме книги С. П. Мельгунова «На путях к дворцовому перевороту», о которой речь ниже. Единственным новым источником является упомянутое выше интервью Николаевского с Чхе-

¹ Это утверждение также далеко от того, чтобы быть точным: 1) то, что Хаймсон называет Информационным комитетом, было всего-навсего личной инициативой Коновалова, предлагавшего большевикам (и лице Скворцова-Степанова) создать такой комитет (это не было осуществлено); 2) никаких «левых кадетов» в этом несуществовавшем комитете не было. См. указ. публикации в «Историческом архиве».

идзе и Гальперном. На основании этих материалов Хаймсон рисует следующую картину «возрождения» русского масонства. В последние дни III Думы были предприняты меры по активизации русского масонского движения при изменении его характера. Цель состояла в том, чтобы объединить все «передовые силы» от представителей прогрессистов до представителей большевиков, присоединяя сюда и органы образования, различные кружки и пр., для создания коалиции против существующего режима. Одним из инициаторов этого начинания была Кускова, ставившая своей целью таким путем восстановить «Союз освобождения» и работать подпольно для освобождения России.

Нетрудно заметить, что приведенный отрывок целиком базируется на письмах Кусковой, за одним исключением: Кускова уверяет, что новое масонство было создано сразу после поражения революции 1905—1907 гг., Хаймсон же ведет отсчет с весны или даже с лета 1912 г. Откуда взялся у него этот рубеж? Из дальнейшего видно: источником здесь служит указанное интервью.

Для достижения этой большой цели, пишет далее Хаймсон, были отменены старые масонские ритуалы, но сохранилась клятва о секретности — «абсолютном молчании» при вступлении. Это тоже взято у Кусковой, но дальше приводятся факты, которых в ее письмах нет. Никаких конкретных акций новой организацией не предусматривалось (за исключением, может быть, в Московской масонской ложе), сообщает автор. Эта неопре-

деленность и нежесткость обеспечила поверхностный успех в привлечении новых членов. В 1911—1914 гг. были основаны ложи не только в обеих столицах, но и в провинциальных центрах (Киев, Самара, Саратов, Тифлис, Кутаиси), а летом 1912 г. все эти ложи объединились в довольно расплывчатый «Союз народов России» с исполнительным советом и периодически избираемыми исполнительными секретарями во главе. За период 1912—1917 гг. (до Февральской революции) было созвано три национальных съезда (1912, 1914 и 1916 гг.). В число масонов вступили видные думские и общественные деятели: А. И. Коновалов и И. Н. Ефремов, Некрасов и Терещенко, Керенский, Гальперн, Скобелев, Чхендзе, Чхенкели, Гегечкори (грузины находили масонство особенно привлекательным) ¹.

Ня в каком другом из уже известных нам источников этих сведений нет, следовательно, они исходят от Чхендзе и Гальперна, посчитавших возможным нарушить пресловутую клятву «абсолютного молчания» перед своим интервьюером. Ниже в явной связи Хаймсон сообщает другие весьма существенные факты. Из архива Николаевского видно, пишет он, что Некрасов и Керенский были секретарями исполнительного комитета «Земского совета народов России» (Некрасов — в 1912—1913 гг., после смерти Колюбакина — в 1915—1916 гг.; Керенский — с лета 1916 г.). Николаевский, пояс-

¹ См.: Хаймсон Леопольд. Проблема социальной стабильности в городской России: 1905—1917//Slavic Review, 1965, V. XXIV, № 1. P. 3—14.

няет автор, установил это из интервью с известным меньшевиком И. Я. Гальперном, в то время членом исполнительного комитета «Великого совета народов России», и частично из свидетельства Чхеидзе¹. Весьма важный источник как с точки зрения содержащихся в нем сведений, так и достоверности. На его основании мы можем судить о масштабах и характере организации, самом ее названии, руководящих деятелях. Всего этого в письмах Кусковой нет.

Выше было обращено внимание на противоречие между категорическим заявлением Кусковой о безритуальности новой масонской организации и рассказом Аронсона о том, как Колюбакин проездом на фронт основал в одном из провинциальных городов ложу с соблюдением всего джентльменского набора масонских церемоний. Теперь же мы точно знаем, что правоверный, «французский» масон Колюбакин не только состоял членом масонской организации, которая, по уверению Кусковой, решительно изгнала из своего обихода масонскую символику, но и принадлежал к числу ее руководителей. Факт этот, как мы увидим дальше, имеет принципиальное значение.

К каким же собственным выводам приходит Хаймсон относительно масонов? Теория заговора как объяснение русской революции, считает он, конечно, неправильна. Но в то же время нельзя утверждать, что неофициальные политические связи, которые

¹ См.: Хаймсон Леопольд. Проблема социальной стабильности в городской России: 1905—1917//Slavic Review. 1965, V. XXIV. № 1. P. 14.

создавались в ложах, совершенно не имели значения. Самые видные прогрессисты и левые кадеты, входившие в Московский информационный комитет, который вел переговоры с большевиками, — Коновалов, Морозов, Некрасов, Степанов, Волков — были масонами, и, возможно, весь комитет был органом Московской масонской ложи, наиболее активной из всех лож. Трудно отрицать и то, что личные связи масонов повлияли на состав Временного правительства в 1917 г. (в подтверждение идет ссылка на известное нам высказывание Милюкова из его воспоминаний). Не исключено, что под влиянием масонских связей возникло и двоевластие.

Как видим, никаких категорических выводов Хаймсон не делает. Он допускает, предполагает, считает возможным, но не больше, потому что никаких данных для более решительных суждений у него нет, и он отдает себе в этом отчет. Что же касается возвращения к пресловутому Московскому информационному комитету и его составу, то эти сведения он почерпнул явно из другого источника, не имеющего отношения к архиву Николаевского и который мы попытаемся установить и оценить ниже.

Конечная оценка Хаймсоном политического значения описанной им масонской организации в годы, предшествовавшие Февральской революции, и в дни самой революции весьма пессимистична. Но пусть все так, пишет он, имея в виду все, что сообщили Николаевскому Чхендзе и Гальперн, все, что написала Кускова, и т. д. Тем не менее рус-

ское масонство оставалось политически крайне слабым. С одной стороны, мечта нового масонского движения о человеческой семье, преодолевающей классовые и национальные границы, с другой — никакой реальной программы и тактики. Масоны столь же аморфны, как в свое время было аморфно «Освобождение», даже больше, поскольку раскол между политическими группами углубился: хотя представители трудовиков и меньшевиков вовлекались в масонскую организацию, связь либералов с радикалами от этого на деле не наладилась. Они были генералами без армии. Масонство не могло уничтожить разрыв между привилегированными, образованными классами и промышленными рабочими, которые были настроены бунтарски.

Главное историческое значение нового русского масонства, по мнению Хаймсона, состояло лишь в том, в какой степени оно отражало природу и развитие революционного кризиса в России накануне войны, характер усилий по преодолению этого кризиса¹. Иными словами, масонство было еще одним проявлением бессилия либералов, с одной стороны, меньшевиков и эсеров — с другой, перед лицом развивавшегося в стране политического и революционного кризисов в предвоенные годы и в годы первой мировой войны.

В сравнении с приведенными материалами публикация Б. Элькина представляет собой

¹ См.: Хаймсон Леопольд. Проблема социальной стабильности в городской России: 1905—1917. Р. 14, 17.

настоящую классическую публикацию и по форме, и по содержанию: во-первых, она носит факсимильный характер, а во-вторых, речь в ней идет о классических, а не «упрощенных» масонах, как в письмах Кусковой и статье Хаймсона.

Как часто бывает, находка была сделана случайно. Вскоре после окончания второй мировой войны, поясняет публикатор, один его «русский друг», теперь уже умерший, нашел во второстепенной книжной лавчонке в Париже коллекцию бумаг явно масонского происхождения. Он купил две пачки документов, на которых были названия «Возрождение» (Москва) и «Полярная звезда» (Петербург). Через несколько лет «друг» предоставил эти бумаги двух русских масонских лож в его распоряжение. Получив эти бумаги, Элькин в двух-трех случаях смог установить подлинность подписей лиц, которых он лично знал. Другой его друг, подпись которого тоже фигурирует в этих документах, подтвердил и подлинность списка основателей русской ложи, который Элькин достал дополнительно. Обе папки неполны, но представляют интерес. В публикации приведены фотографии некоторых документов (подписи М. Ковалевского, Маклакова, Лорис-Меликова, Баженова и др., клятва верности, списки лож в 8 и 19 человек).

Упомянув очень кратко о предшествующей истории русского масонства, Элькин далее писал: возрождение его началось после 1905 г. Инициатором был Максим Ковалевский, вернувшийся из Франции. В апреле 1905 г. он уговаривал Милюкова (об этом

последний сам рассказал автору) статью масоном. Ковалевский получил санкцию на основание ложи в Петербурге. Годы столыпинщины и вызванное ими разочарование привели также и к падению интереса к масонству. «Возрождение», «Полярная звезда» были окончательно основаны с помощью двух эмиссаров ложи «Великий Восток» (на документах стоит печать этой ложи). Основателями ложи «Возрождение» (протокол от 15 (28) ноября 1906 г.) были Н. Баженов, В. Немирович-Данченко, С. Котляревский, В. Маклаков, Е. Аничков, М. Ковалевский, Лорис-Меликов. Почти все эти лица (автор имеет в виду и членов Петербургской ложи) были известны в обеих столицах, и он сам был лично знаком с некоторыми из них.

Малочисленность этих двух лож, заключает Элькин, не должна обманывать: это лишь основатели. Важно отметить разницу в составе прежнего и данного русского масонства. Тогда в нем доминировали представители аристократии, высшей бюрократии, военных. Новые масоны — это интеллигенты, члены Думы, представители земств, специалисты, профессора университетов.

Ходило также много необоснованных слухов и домыслов на масонскую тему. Так, например, Телешев уверял, что Николай II был членом оккультной ложи «Крест и звезда», прекратившей свою деятельность в 1916 г. Были различные секретные общества, которые называли себя масонами, но на деле ничего общего с масонством не имели.

После этой преамбулы идет факсимильное воспроизведение всех имевшихся у Элькина

документов¹. Открывает публикацию письмо Максима Ковалевского Совету «Великого Востока» (Франция) с просьбой разрешить создание ложи в Москве или Петербурге. Письмо написано в Париже 11 января 1906 г. на французском языке. На письме имеется печать «Великого Востока» овальной формы. Внутри по овалу — надпись «Grand Orient de France № 766» и дата «13 января 1906». Все остальные документы в том же роде. Достаточно беглого взгляда, чтобы убедиться в их стопроцентной подлинности.

Кто же входил в эти две ложи? Элькин, ссылаясь на учредительный протокол ложи «Возрождение» от 15 (28) ноября 1906 г., перечислил семь фамилий из восьми учредителей (восьмым был Е. де Роберти). В следующем списке той же ложи опять восемь человек с той лишь разницей, что фамилия Роберти исчезла, а вместо нее появилась фамилия Евгения Кедрина. Третий список той же ложи, датированный 24 мая 1908 г., насчитывает больше фамилий (Николай Баженов, Василий Немирович-Данченко, Сергей Котляревский, Евгений Кедрин, Василий Маклаков, Иван Захаров, Виктор Обнянский, Онисим Гольдовский, Сергей Балавинский, Александр Дворжак, князь Александр Сумбатов).

Сравнивая этот список с двумя предшествующими, обнаруживаем довольно существенные изменения в составе ложи, проис-

¹ The Slavonic & East European Review 1966, Guly, London, V, 44, N 103, P. 454—472.

шедшие всего за полтора года ее существования: появились новые фамилии, но вслед за Роберти исчезли основатель ложи Максим Ковалевский, Аничков и Лорис-Меликов.

От ложи «Полярная звезда» сохранилось два списка. Один, без даты, насчитывает 13 человек (князь Алексей Орлов-Давыдов, Евгений Кедрин, Мануэль Маргулес, князь Давид Бебутов, Этьен Гикарев (?), барон Герман Майдел, Павел Макаров, Антоновский, Павел Переверзев, Георгий Тираспольский (?), Алексей Свечин, Василий Маклаков, Александр Колюбакин); второй, датированный 9 (22) мая 1908 г., состоит из 19 фамилий (13 прежних, к которым прибавились Александр Бороздин, Павел Соколов, Николай Павлов-Сильванский, Владимир Теплов, Василий Немирович-Данченко, Николай Морозов). Наконец, имеется еще один список, состоящий из шести фамилий (Браудо, Шингарев, Окунев (?), Булат, Болотин, Кальманович). Публикатор считает (по-видимому, он прав), что это вновь принятые члены ложи «Полярная звезда» (документ, откуда взят этот список, состоит из четырех страниц, на первой сказано: «Великий Восток» принимает членов»). Все эти списки, как и вся остальная документация (все они на французском языке), дают пищу для размышлений.

Прежде всего следует подчеркнуть, что обе ложи были подлинно масонскими, с точки зрения самих масонов, а их члены соответственно были настоящими масонами. Дело в том, что по масонским прави-

лам, принятым у масонов всех стран и толков, любая вновь создаваемая ложа считается законной лишь в том случае, если санкцию на ее учреждение дала уже существующая масонская организация, которая для этой цели либо посылает специальных эмиссаров, либо уполномочивает на это кого-либо из своих членов. Если масонов в данной стране нет, учредителям приходится обращаться к масонской организации другой страны. После выдачи разрешения и соблюдения определенных правил (клятвы, посвящения, избрание руководителей ложи, печать и прочая масонская атрибутика) вновь созданная ложа признается законной и входит новой ячейкой в центральную организацию, откуда исходило разрешение. Все эти условия, как видно из публикации Элькина, были полностью соблюдены, и обе ложи стали частью масонской организации, именуемой «Великим Востоком Франция».

Необходимо обратить внимание на исчезновение из списков обеих лож фамилии главного инициатора возрождения масонства в России М. Ковалевского. Факт этот, конечно, не мог быть случайным. Предположение о простой небрежности при составлении последующих списков не годится: могли забыть какого-либо рядового члена (хотя и это мало вероятно, учитывая немногочисленность лож), но не главного вдохновителя. Остается думать, что причиной было какое-то недовольство со стороны Ковалевского, повлекшее за собой его демонстративный уход. Думать, что он ос-

новал еще одну ложу, пока нет оснований. Вряд ли обе ложи сильно выросли в числе, как предполагает Элькин. Безусловно, были еще списки с новыми членами, до нас не дошедшие (масонами были, например, Амфитеатров и Гамбаров). Но вряд ли численность лож резко возросла впоследствии. Несколько человек, как видно из списков, состояли членами обеих лож (Кедрин, Немирович-Данченко, Маклаков). Общее число «законных» масонов вплоть до конца существования лож измерялось, надо полагать, несколькими десятками человек.

Что же представляли собой члены этих двух лож в социальном и партийно-политическом плане? Большая часть принадлежала к высшей интеллигенции: адвокаты (Маклаков, Кедрин, Булат и др.), профессора (Котляревский, Аничков, Ковалевский и др.), журналисты (Немирович-Данченко, Обнинский и т. д.). Несколько человек в графе о социальном положении значатся как «рантье», т. е. просто богатые люди (Орлов-Давыдов, Свечин), Баженов был врачом, барон Мандель — одним из руководящих деятелей Совета съездов промышленности и торговли (в списке ложи фигурировал как инженер). Что касается партийно-политической позиции масонов, то восемь человек были кадетами (Кедрин, Бебутов, Свечин, Котляревский, Маклаков, Обнинский, Колюбакин, Шингарев; пять последних к тому же были членами кадетского ЦК). Ковалевский, Орлов-Давыдов и Маргулиес принадлежали к прогрессистам. Остальные по своим политическим симпати-

ям были близки либо к первым, либо ко вторым. Исключением составлял только депутат III Думы Булат — трудовик. Помимо Булата, членами Думы были еще пять человек: Кедрин и Обнинский (I Дума), Колюбакин (исключен из III Думы в 1908 г.), Шингарев и Маклаков (III и IV Думы) — все кадеты. М. Ковалевский был членом Государственного совета. Таким образом, кадетско-прогрессистское обличье обеих столичных лож не вызывает ни малейшего сомнения.

Если верить Элькину, а для сомнений в данном случае нет оснований, Милюков был осведомлен о создании и этой, «настоящей», масонской организации.

Последняя зарубежная публикация о русских масонах принадлежит некоему Натану Смит, опубликовавшему отрывок из воспоминаний князя Владимира Андреевича Оболенского, где речь идет о масонах. Рукопись этих мемуаров, озаглавленных «Моя жизнь и мои современники», как сообщает Смит, была начата где-то после 1933 г. и закончена, по-видимому, в 1937 г. Оригинал (машинописный текст) находится во владении сына автора — Сергея Оболенского, который предоставил копию Смит.

Тексту публикации предшествует вводная статья Смита, в которой дается краткий обзор и оценка уже известных нам предшествующих публикаций. Отметив, что публикуемый отрывок принадлежит видному члену кадетской партии, члену ее ЦК в 1910—1917 гг. (на самом деле Оболенский был избран в ЦК на шестом съезде в фев-

рале 1916 г.), Смит далее ссылается на воспоминания Милюкова, в которых тот сделал свой известный намек об особых связях четверки — Керенского, Терещенко, Коновалова и Некрасова. Однако, продолжает он, прямых доказательств невероятно мало. Катков совершенно неубедительно, считает Смит, приписывает масонам падение царизма. Сопоставив публикацию Элькина и письма Кусковой, а также книгу Керенского, в которой он пишет, что масонская организация, к которой он принадлежал, не имела ни списков, ни каких-либо писем, отчетов, протоколов¹, Смит констатирует, что у Кусковой и Керенского речь идет о других масонах, чем у Элькина. Существовали, по-видимому, два течения, причем ложи французского толка быстро исчезли, а в 1915 г. возродилось масонство с чисто политическими целями (Катков, Аронсон).

Однако он тут же пишет, что Оболенский начинает свой рассказ о масонах с конца 1910 — начала 1911 г. и его свидетельство не подтверждает гипотезу о двух масонских движениях в 1906—1917 гг. Печатаемый отрывок также доказывает, что масоны не помышляли о мобилизации народа на восстание и не играли какой-то согласованной, единой роли после создания Временного правительства. «После перерыва в три четверти века (с момента запрета Александра I в 1822 г.), — начинает Оболенский свой рассказ, — русское масонство

¹ *Kerensky A. Russia and History's Turning Point.* N. Y., 1965.

появилось вновь зимой 1910/11 года, я также стал масоном». Поскольку при вступлении дается клятва не разглашать ничего, то, хотя никаких специальных секретов он за шесть лет пребывания в масонах не узнал, тем не менее — из этикета — сообщит не о том, что было, а о том, чего не было. «Я чувствую даже обязанным, — поясняет свою позицию автор воспоминаний, — написать о том, чего не было, так как я хочу развеять некоторые легенды, которые прочно утвердились в довольно широких кругах. Я знаю, что не смогу убедить тех, которые не могут жить без веры в различные мистические оккультные силы, но я надеюсь, что хотя бы некоторые поверят в мои заявления».

После этой преамбулы Оболенский приступает к реализации своего обещания. «В русском масонстве, — подчеркивает автор, — я занимал достаточно влиятельную позицию: я был председателем одной из петербургских лож; регулярно избирался делегатом региональных и всероссийских съездов; на всероссийских съездах я три года подряд избирался одним из трех выборщиков Высшего совета, по первому требованию которых председатель ложи должен сообщить имена всех масонов; в течение двух лет я был членом Петербургского регионального совета и его секретарем, в качестве которого я был в контакте со всеми петербургскими ложами; наконец, в течение трех лет я был членом Высшего совета, который управлял всем русским масонством.

Я пишу все это, чтобы было ясно, что в определенный период (с 1913 до конца 1916 г.) я был полностью информирован о всем, что происходило в глубинах русского масонства, и могу заявить с полной компетентностью как о том, что имело место, так и о том, чего не было».

Важность этого решительного заявления для историка совершенно очевидна. Перед нами свидетельство человека, который действительно все знал о русском масонстве в самый разгар его деятельности. В субъективной честности мемуариста в данном случае тоже нет никаких оснований для сомнений — в этом убеждает и его намерение не нарушать данную им клятву, хотя, как он сам признает, никаких роковых тайн у масонов не было.

Задавшись целью сообщить только то, чего не было, автор, конечно, не может ее реализовать, не сказав ряд существенных вещей и о том, что было. Так, из приведенного отрывка мы узнали, что масонская организация носила всероссийский характер, что она строилась по определенному организационному принципу (ложи, регионы, Высший совет), имела руководство, построенное по иерархическому принципу, делегировала своих представителей на регулярные региональные и всероссийские конгрессы, имела сеть лож (в частности, в Петербурге была не одна ложа, а несколько), и, наконец, расцвет ее деятельности падает на период, начиная по крайней мере с 1913 г.

Первым своим долгом Оболенский счел

необходимым объявить несостоятельными две самые расхожие догмы черносотенных писаний о том, что заправляли масонами большевики и евреи. «Прежде всего,— пишет он,— я хочу опровергнуть весьма распространенное мнение о связях большевиков с масонами. В течение моих шести лет в масонстве только один партийный большевик был членом ложи, и он к тому же был так мало известен, что его имя не осталось у меня в памяти». Как мы помним, Кускова утверждала, что она знала двух «виднейших» большевиков, которые были масонами. «Преобладающее влияние евреев в масонстве,— продолжает Оболенский,— считается не вызывающим сомнений. Было даже принято называть масонство жидомасонством. Я не знаю, насколько многочисленны евреи в масонских ложах других стран. Но среди русских масонов периода перед революцией было мало евреев, хотя двери масонских лож были, конечно, открыты перед ними».

Оболенский не только констатирует последнее обстоятельство, но и пытается его объяснить. «Я объясняю это себе тем фактом, что русское масонство рекрутировало прежде всего значительных людей, известных в различных кругах русской прогрессивной общественности. Наиболее выдающиеся евреи, однако, были очень неравномерно распределены среди этих групп. Они имели преимущественное влияние в социалистическом секторе русской интеллигенции, особенно среди социал-демократов — меньшевиков и большевиков. А эти полити-

ческие течения относились негативно ко всем формам союза с буржуазной демократией, включая масонство». Кроме упомянутого большевика, среди масонов были меньшевики, но также немного. «Вот в основном почему, как я полагаю, было мало евреев в русском масонстве. В частности, насколько я помню, не было ни одного еврея в Высшем совете, в течение моего трехлетнего пребывания в нем. Таким образом, не могло быть и речи о руководящем влиянии евреев».

Указание Оболенского о том, что масоны стремились вербовать новых членов прежде всего среди «значительных людей», начиная от либералов и кончая революционерами, следует признать очень важным. Из него автоматически вытекает, что людей правого толка, начиная с октябристов, в организации не было, общеполитический уклон ее был явно либеральный.

Последнее обстоятельство неизбежно ставит вопрос о Милюкове, и Оболенский не уклоняется от ответа на него. «В правых кругах, как в России, так и в эмиграции,— пишет он,— никто не сомневался, что П. Н. Милюков принадлежал к масонам, и они были склонны приписывать его влияние в русской политической жизни его жидомасонским связям. Без всякого сомнения, масоны не раз прилагали усилия, чтобы включить этого выдающегося человека в свою организацию, но все эти усилия он самым решительным образом отвергал. Он не только не участвовал в русском масонском движении, но занимал по отношению

к нему отрицательную позицию». Из этого еще раз следует, что Милюков был прекрасно осведомлен о существовании масонской организации.

В заключение Оболенский переходит к главному вопросу, вокруг которого шаманствовали черносотенцы в эмиграции, — к их обвинению, что революцию в России подготовили и совершили именно масоны. Автор воспоминаний отвергает этот тезис самым решительным образом. «Совершенно неверно утверждение, что революция в России была подготовлена масонами. Среди масонов были, конечно, люди, которые желали революции и вели революционную пропаганду, но среди них было и много противников (революции.— А. А.). Большинство, к которому принадлежал и я, во всяком случае отвергало революцию в военное время. Таким образом, масонство как целое не могло содействовать революции. Но, может быть,— идет он далее,— масоны использовали революцию для той или другой своей цели, пусть даже они не вызвали ее? На этот вопрос также следует ответить отрицательно».

Большинство, к которому принадлежал Оболенский, могло быть только одно — либерально-кадетское. А кадеты, как известно, прилагали поистине невероятные усилия, чтобы не допустить революции, мотивируя это тем, что во время переправы не перепрягают лошадей, т. е. революция во время войны приведет к катастрофе. Таким образом, задача масонской организации «в целом», как пишет Оболенский, была та

же, что и у кадетов, и у «Прогрессивного блока», — не допустить революции, и значит, обратная тому, что ей инкриминировали обличители жидомасонства.

Отвергает Оболенский и их последний тезис о том, что и после Февральской революции масоны заправляли всем и вся. Наоборот, сообщает он, победа революции явилась началом конца масонской организации. «Революция, — свидетельствует он, — не объединяла русское масонство, наоборот, она раздробила его. Незадолго до революции я покинул Высший совет, и по этой причине деятельность его в ходе революции мне неизвестна. Однако, зная приблизительно его состав, я не могу себе вообразить, чтобы он играл большую роль в революционных событиях, так как его члены состояли в различных взаимно враждующих политических партиях, внутренняя сплоченность которых была гораздо сильнее, чем масонское «братство»¹. Так сильна была в то время вражда между «братьями», что я, например, как председатель одной из петербургских лож, не мог созвать ни одной общей встречи после Февральской революции, поскольку члены моей лож были просто не в состоянии сесть за общий стол. В других ложах, вероятнее всего, ситуация была такой же. Ко времени большевистской революции и гражданской

¹ Ср.: Катков утверждает, что «партийная принадлежность и партийная дисциплина вынуждены были отступить перед более сильными масонскими связями» (примечание публикатора, — А. А.).

войны масонство фактически перестало существовать»¹.

Из текста видно, что Оболенский описывает ту же организацию, о которой сообщали Николаевскому два меньшевика — Чхендзе и Гальперн и писала Вольскому Кускова. Возникает, естественно, тот же вопрос, который был поставлен выше: был ли Оболенский масоном, условно скажем «ритуальным», таким, как Ковалевский, или «упрощенным», давшим только клятву, на чем так настаивала Кускова? Можно, на наш взгляд, смело утверждать, что он был масоном первого типа, т. е. «настоящим». Это видно даже из текста, где он говорит о «братьях» и «братстве» — ключевых масонских словах.

В том же 1965 г. вышла упомянутая выше книга А. Ф. Керенского, в которой он, как сообщала Кускова, должен был дать свои разъяснения относительно описанной ею масонской организации. Действительно, несколько страниц книги посвящены масонам.

Вообще говоря, начинает Керенский свой рассказ, он не собирался писать о русском масонстве. Но некоторые «разоблачения», которые появились в русской и нерусской печати в последние годы, заставляют его это сделать. В связи с этим он делает следующее примечание. Поскольку он был членом масонского общества, то должен

¹ Смит Н. Роль русского свободного масонства в Февральской революции: еще одно (отрывочное) свидетельство//Slavic Review, 1968. V. XXVII. N 4. P. 606—608.

подчеркнуть, что не может обсуждать такие вопросы, как состав, деятельность и цели этого общества, потому что связан торжественной клятвой, которая была взята у него во время его вступления в ложу.

Далее Керенский сообщает еще одну любопытную деталь. Во время его отъезда из России летом 1918 г. ему было разрешено открыть существо организации без упоминания каких-либо имен, с тем чтобы сообщить истинные факты, если в прессе появилась бы какая-либо «искаженная версия». Тогда это не понадобилось, но теперь это время наступило, так как Е. Д. Кускова — масон с длительным стажем и известная политическая фигура — назвала его имя в секретных письмах к своим двум друзьям и рассказала другим политическим лидерам о его членстве в ложе.

Уже эта преамбула вызывает ряд сомнений. Почему, спрашивается, «разоблачения» только последних лет заставляют его взяться за перо, а более ранние, скажем книга Мельгунова, оставили автора совершенно спокойным? Кстати говоря, о воспоминаниях Милюкова, которые, по словам Кусковой, явились главной причиной обеспокоенности ее и Керенского, последний вообще не говорит ни слова. Второй вопрос связан с пресловутой клятвой. Если у Кусковой еще была видимость аргумента (еще не все бывшие масоны умерли), то у Керенского не осталось даже этого: к моменту выхода книги он, вероятно, был единственным из оставшихся в живых членов ложи, по его выражению. Не от кого и не для

кого было хранить тайну. Масонское общество, к которому он принадлежал, уже на все сто процентов стало достоянием истории. А для истории, как свидетельствовала Кускова, они и собирались оставить соответствующие записи в своих архивах.

Кроме того, Кускова уже выдала и тайну общества, и тайну самого Керенского не только своим двум друзьям, но, как оказывается, еще и «другим политическим лидерам». Из этого следует, что нежелание Керенского (а также Кусковой) рассказать толком и достаточно подробно о том, что представляла собой и чем занималась пресловутая масонская организация, вокруг которой они напустили столько туману, была обусловлена другими причинами, чем те, которые они выставили. В 30-е гг., когда писал свои воспоминания Оболенский, их аргументы еще что-то весили, но в конце 50 — начале 60-х гг. они уже утратили всякую силу. Учтем при этом заявление Керенского о том, что ему еще в 1918 г. было разрешено, в случае надобности, рассказать о деятельности организации, сохранив в тайне только имена.

Последующий рассказ Керенского во многом совпадает со свидетельствами Кусковой, Оболенского, Чхендзе и Гальперна.

Начало своего участия в ложе Керенский датирует осенью 1912 г. Сразу после своего избрания в IV Думу ему было сделано соответствующее предложение. После «серьезных размышлений» он пришел к заключению, что цели масонского общества и его собственные «соответствуют» друг дру-

гу, и поэтому он решил вступить в него. «Я должен особо подчеркнуть,— писал он,— что наше общество было нерегулярной масонской организацией». Во-первых, оно было необычно тем, что разорвало связи со своими иностранными масонскими обществами и принимало женщин; во-вторых, был отменен весь комплекс масонского ритуала и системы степеней. Должна была соблюдаться лишь такая внутренняя дисциплина, которая могла обеспечить нужный моральный уровень членов и их способность сохранять секреты.

Весьма существенно свидетельство Керенского о том, что никакой документации — ни письменных протоколов, ни списков членов лож — не велось. И именно эта секретность, указывает он, обусловила недостаток информации о целях и структуре общества. Местные ложи, указывает Керенский, были основой всего общества. В дополнение к ложам, образуемым по территориальному признаку, Верховный совет имел право создавать «специальные ложи», т. е. ложи, так сказать, профессионального типа. Так была создана ложа в Думе. Еще одна была организована для журналистов и т. д.

Каждая ложа была автономна. Другие органы не имели права вмешиваться в ее работу и выборы членов. Ежегодные конвенты делегатов лож обсуждали их работу и выбирали членов в Верховный совет. На этих конвентах Верховный совет в лице своего генерального секретаря представлял доклад, в котором давал оценку полити-

ческой ситуации и предлагал программу действий на следующий год. На этих конгрессах порой возникало острое столкновение мнений (причем иногда между людьми, принадлежавшими к одной политической партии) по таким жизненным проблемам, как национальный вопрос, форма государственного устройства, аграрная реформа. «Но мы никогда не позволяли, — с гордостью подчеркивает Керенский, — этим разногласиям поколебать нашу солидарность». И эта «надпартийная политика», писал он далее, дала «замечательные результаты, особенно в отношении программы будущей демократии в России, которая была осуществлена на широкой основе Временного правительства»¹.

Вот все, что сообщил Керенский о собственно масонской организации, к которой он принадлежал. Заканчивает он свой масонский очерк характеристикой программы и деятельности Временного правительства, но об этом будет сказано дальше в другой связи².

¹ *Kerensky A. Russia and History's Turning Point*. P. 88—89.

² После того как эта книга была написана, Н. Смит опубликовал статью с обзором источников по русскому масонству 1906—1918 гг. В ней называются некоторые материалы и издания, не упоминаемые в настоящей главе, но на сделанный в ней анализ влияния не оказывают (*Smith N. Political Freemasonry in Russia. 1906—1918: A Discussion of the Sources//The Russian Review. An American Quarterly Devoted to Russia Past and Present. Apr. 1985. P. 151—171*).

В том же контексте укажем еще на две работы: второй том трехтомной монографии польского исто-

Глава 2

«ДИСПОЗИЦИЯ № 1»

И «ДИСПОЗИЦИЯ № 2»

Таковы источники, на которых базируются выводы Н. Яковлева и В. И. Старцева. Все они, как видим, зарубежного происхождения. На это обстоятельство обратил внимание И. И. Минц. Однако В. И. Старцев не согласился с ним, возразив, что тот «неточно утверждает, что факты о существовании в России политического масонства в 1905—1917 гг. заимствованы нами главным образом из зарубежных публикаций. Он игнорировал извлеченные из советских архивов показания Н. В. Некрасова 20—30-х гг., воспроизведенные в книге Н. Н. Яковлева»¹. Непоятно, почему В. И. Старцев ограничился только этим примером: Н. Яковлев использует и некоторые другие источники отечественного происхождения. И тем не менее И. И. Минц прав: именно охарактеризованные нами публикации служат основой, стержнем и вдохновляющим импульсом (не считая книги Каткова) как для Н. Яковлева, так и для В. И. Старцева. При этом необходимо сделать одну оговорку. Оба автора используют только те пуб-

рика Людвиг Хассе (*Ludwik Hass. Ambicje, rachuby, rzeczywistość: Wolnomularstwo w Europie Środkowo-Wschodniej, 1905—1928*, PWN, Warszawa, 1984, Т. 2, С. 57—76, 110—113) и статья О. Ф. Соловьева (*Соловьев О. Ф. Масонство в России // Вопросы истории, 1988, № 10, С. 3—25*).

¹ Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства. С. 123.

ликации, которые работают на их концепцию. Свидетельства, противоречащие ей, просто игнорируются, не говоря уже о том, что не делается ни малейшей попытки объяснить расхождения в указанных публикациях, выявить степень достоверности содержащихся в них сведений, одним словом, сделать то, что в исторической науке принято называть критикой источников, а без этого, конечно, ни одна гипотеза не может быть сколько-нибудь убедительно доказана.

Н. Яковлев берет масонского быка за рога с первой же страницы своей книги в введении, озаглавленном довольно интригующе: «Вводное замечание к уже написанному другими». Смысл этого «Замечания» состоит в том, что все написанное другими о первой мировой войне и Февральской революции имеет один существенный пробел: в нем нет ни слова о масонах. А именно они, как оказалось, были подлинными руководителями русской буржуазии в указанные годы, а не буржуазные партии, вроде кадетской, как принято было считать до сих пор. И причина тому не историки, а эти самые масоны, которые тщательно хранили тайну своей деятельности и в эмиграции, и лишь с середины 1950-х гг. кое-что стало пробиваться наружу. Далее идет ссылка на известное нам место из воспоминаний Милюкова, где он пишет о спайке пресловутой четверки во Временном правительстве и сообщается о том потрясении, также нам известном, которое испытала Кускова (а за ней и Керенский), узнав об

этих «сделанных походя» замечаниях. «Так,— восклицает автор,— в середине пятидесятих годов была приоткрыта завеса над деятельностью тайной масонской организации, у руководства которой к 1917 году стояли Н. В. Некрасов, А. Ф. Керенский, М. И. Терешенко, А. И. Коновалов — ведущие деятели Временного правительства!»¹

После этого идет рассказ о потасканном фате князе Бебутове и глупой охране, давшей себя запросто провести хитроумному Милюкову, к которому мы еще вернемся.

Историю возникновения этой организации, ее цели и средства их достижения, принятые ею, Н. Яковлев изображает следующим образом. В сентябре 1915 г., после провала переговоров «Прогрессивного блока» с правительством, «те, кто считал себя руководителем русской буржуазии, решили создать тайную организацию». Они «преисполнились решимости пренебречь всеми партийными различиями» и создать организацию «по типу масонских лож», с тем чтобы «охватить высшую структуру Российской империи, особенно двор, бюрократию, технократию и армию». Все это нужно было для того, чтобы нейтрализовать или устранить монархию и осуществить «переход всей полноты власти в руки буржуазии в рамках диктатуры». Последняя же нужна была для того, чтобы не допустить революции, а если она все же

¹ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. С. 5.

вспыхнет,— потопить ее в крови. Это «была главная цель объединения политиков, формально принадлежавших к разным буржуазным партиям». Такова посылка, далее идут доказательства.

Доказательством номер один служит «Диспозиция № 1», которой автор придает ключевое значение. В начале сентября 1915 г., уверяет Н. Яковлев, «возник сверхзаконспирированный «Комитет народного спасения», который и издал 8 сентября указанную «диспозицию». В этом «тайнственном документе», найденном в бумагах Гучкова, «формулировались цели этой новой организации». Об этом говорит содержание документа. В нем утверждалось, что Россия ведет две войны — «против упорного и искусного врага вовне и против не менее упорного и искусного врага внутри». Достижение победы над первым немыслимо без предварительной победы над вторым, под которым разумелась «правившая династия». Для победы над внутренним врагом надо оставить всякую мысль о «блоках и объединениях с элементами зыбкими и сомнительными» (слова документа) и немедленно назначить штаб верховного командования, основную ячейку которого составят князь Г. Е. Львов, А. И. Гучков и А. Ф. Керенский.

«Отцы — основатели организации», пишет далее автор, настаивали: борьба «должна вестись по установленным практикой правилам военной дисциплины и организации» (цитата из «диспозиции»). С самого начала, указывает Н. Яковлев, подчерки-

вался избранный, а не массовый характер организации. «Сия работа,— цитирует он,— не касается обыкновенных граждан, а исключительно лиц, участвовавших в государственной машине и общественной деятельности». В «диспозиции» в качестве пригодного метода признавался прежде всего «отказ войск» иметь какое-либо «общение» с лицами, подвергнутыми ostracism штабом верховного командования, удаленными от государственных и общественных функций. Хотя, естественно, в скобках замечает по этому поводу Н. Яковлев, «они продолжали занимать соответствующие посты в иерархической пирамиде империи!».

«Заговорщики считали, однако, совершенно обязательным,— подчеркивает Н. Яковлев,— чтобы не допускалось стачек, могущих «нанести ущерб государству», т. е. стремились предотвратить любое массовое движение против царизма. Иными словами,— делает он главный вывод,— речь шла о подготовке верхушечного дворцового переворота, но отнюдь не революции». Люди, которые его готовили, «не были столь наивны, чтобы вместе с масонским жаргоном, на котором написана «Диспозиция № 1», брать все у идейных предшественников». Фартуки, символика и прочее были отменены, допускались женщины, главным была глубокая тайна и клятва хранить ее. Организация состояла из лож по пять человек, «подчиненных в конечном счете «штабу верховного командования». Здесь, как видим, Н. Яковлев перешел от «диспо-

зации» к известному нам письму Кусковой, которое он далее и излагает¹.

Итак, в интерпретации Н. Яковлева, дело с «Диспозицией № 1», которую он называет «паразитической»², выглядит следующим образом: 1) она исходит от «сверхзаконспирированной» тайной организации, возникшей в начале сентября 1915 г.; 2) «отцы — основатели» этой организации считали, что она должна действовать как военная организация; 3) ядром ее будущего штаба является тройка — Львов, Гучков и Керенский, которым предписывалось этот штаб немедленно создать; 4) цель — дворцовый переворот; 5) организация в виде лож по пять человек, подчиненных штабу, но без масонской символики, за исключением клятвы о соблюдении тайны, однако сама «Диспозиция № 1» написана «на масонском жаргоне».

Документ, который так поразил Н. Яковлева, был опубликован более 50 лет тому назад, и не где-нибудь за тридевять земель, а в широко известном советском архивном издании³. И ни один советский историк не обратил на него ни малейшего внимания, не придал ему никакого значения. Только белоэмигрантский историк С. П. Мельгунов за 45 лет до Н. Яковлева (о чем последний почему-то умалчивает) подверг «Диспозицию № 1» детальному анализу и пришел к выводу, что это достаточно серьезный до-

¹ См.: Яковлев Н. Н. 1 августа 1914, С. 7—8.

² См. там же. С. 9.

³ См.: Красный Архив. 1928, № 1 (26). С. 210—213.

кумент масонского происхождения, с которым историк не может не считаться.

Но, к чести Мельгунова, который с первых же страниц своей книги предупредил читателя, «что в ней будет много предположений и догадок»¹, он отнесся к «диспозиции» гораздо осторожнее и выводы сделал куда более умеренные, чем Н. Яковлев. Приведя текст «диспозиции» почти целиком, Мельгунов задается вопросом: «Что это? Мистификация? Полицейское измышление? Плод досужей фантазии любителя измышлять проекты? Из трех предположений третье наиболее возможно». Здесь-то Мельгунову и следовало бы остановиться, чтобы не подвергать риску свою репутацию историка. И, судя по поставленным вопросам, он это понимал. Но... не удержался. Сблaзнил доказать, что масоны принимали активное участие в оппозиционном движении и подготовке дворцового заговора, пересилил осторожность и преодолел сомнения. «Надо, однако, признать,— пишет он далее,— что при всем своем своеобразии документ довольно отчетливо формулировал задачи, которые преследовала оппозиционная правительству политика. Быть может, у иного читателя такое предположение вызовет ироническую улыбку. Но ведь все масонство, в сущности, было «игрой» в аллегории и символы. Иносказательный язык и моральные сентенции — органическая часть масонского «просвещения». Любой

¹ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту: заговоры перед революцией 1917 года. Париж, 1931. С. 8.

масонский документ будет производить впечатление ходульной наивности. В чьем мозгу в 1915 г. могла создаться столь необычайная комбинация, которая соединила в одно кн. Львова, Гучкова и Керенского?»

Как видно из приведенного отрывка, Мельгунов, настаивая на масонском происхождении документа, чувствует себя неуверенно и не столько убеждает, сколько просит с ним согласиться. Дальше эта неуверенность становится еще более неуверенной. «Если предположить, — рассуждает он, — что Львов и Гучков принадлежали к масонству 15 г., имевшему карбоварские черты (под последними Мельгунов имеет в виду подготовку дворцового переворота. — А. А.), тайна могла бы до некоторой степени разъясниться». Такое предположение, на его взгляд, возможно, но никаких конкретных данных, подтверждающих эту гипотезу, нет. Масонство 1915 г. имело «левое» направление. Гучков же «числился» в рядах правых. Таким образом, Мельгунов прямо признает, что зачисление Гучкова и Львова в масоны не более как его предположение, не имеющее никаких конкретных доказательств. В отношении последнего он сделал следующее примечание: «То, что Львов долгое время во Временном правительстве поддерживал тройку (Керенский—Некрасов—Терещенко), скорее говорит в пользу масонских связей. Характерно, что в кадетской среде поддерживали Львова, числящегося скорее в правом крыле этой партии, где он

был, в сущности, случайным гостем, именно левые, провинциальные кадеты, которые, главным образом, и улавливались в масонские ложи».

В другом месте будет показано, что по части подлинных взаимоотношений Львова с кадетами Мельгунов не имел реального представления. Дело обстояло совершенно иначе. Здесь же подчеркнем добросовестность автора: он запросил и Гучкова, и Керенского (Львова уже не было в живых) об их отношении к «Диспозиции № 1». Ответ, как и следовало ожидать, был отрицательный. «Надо ли говорить,— сообщает Мельгунов,— что А. И. Гучков и А. Ф. Керенский отрицают возможность указанной в документе политической комбинации. Керенский отмечает, что с Гучковым он не был знаком до революции, с Львовым он встретился впервые осенью 1916 г. Но я и не думаю, что документ этот мог исходить непосредственно от них». Последняя фраза — это уже капитуляция, фактический отказ от первоначального утверждения, что документ — дело рук масонов. Дальнейшее рассуждение на эту тему еще более подтверждает этот вывод. Допустим, хватается за последнюю соломинку Мельгунов, что «проект» «Комитета спасения» — продукт чьей-то творческой фантазии. Так или иначе, но к концу 1916 г. такой объединяющий конспиративный центр образовался. «Пятерка» действует довольно энергично и принимает активное участие во всех общественных начинаниях того времени: в «заговоре Гучкова» принимают участие

Некрасов и Терещенко. Через последнего идут «нити» к Родзянко и к великосветским кругам. Некрасов «связывает» заговор с думскими сферами «и с партией, в которой он состоял и занимал видное положение». Он представлял в ней левое крыло, которое «тянуло» к трудовикам. «Некрасов связывал, таким образом, дворцовый переворот с социалистической частью демократической общественности. Близкие отношения Некрасова к Львову соединяли петербургские проекты с московскими затеями»¹.

Так или иначе обстояло дело, уже не имеет значения, потому что не имеет отношения к «Диспозиции № 1». В приведенном отрывке речь идет уже о совсем других вещах: о связях и взаимопроникновении различных групп помещичье-буржуазной «общественности», лихорадочно искавших выхода из сложившейся в результате засилья распутницыны и «темных сил» в управлении государством трагической ситуации. И в этих гаданиях много спорного и сомнительного, но, как мы помним, автор честно предупредил, что в его изложении будет много предположений и догадок.

Что же сказал Мельгунов о «Диспозиции № 1», как таковой? Очень немного: он допускает, что документ вышел из масонских кругов и что никто из указанной в нем троицы не был его автором. Ни о какой сверхсекретной организации у Мельгунова нет и речи — при всей его склонности к гаданиям

¹ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту: заговоры перед революцией 1917 года. С. 191—192

такая мысль не могла ему прийти в голову, ибо несостоятельность ее была бы совершенно очевидна. История пресловутых «заговоров», которую Мельгунов хорошо изучил, воочию показала всю неспособность оппозиционной «общественности» к созданию сколько-нибудь серьезной и действительно хорошо законспирированной организации. Характерно, что Мельгунов сам не считал даже нужным проанализировать текст «Диспозиции № 1», предоставив судить о ней самому читателю.

Итак, что же это был за документ? Кто его автор и каково его подлинное содержание? Ответ на этот вопрос необходимо начать с одного очень важного разъяснения. Характер «Диспозиции № 1» таков, что адекватно передать его содержание и смысл при помощи пересказа и цитат нельзя: документ принадлежит к числу таких редчайших писаний, которые от такого обращения с ними не проигрывают, как это обычно бывает с «нормальными» источниками, а выигрывают. Выигрывают в логике, здравом смысле и т. д. Иными словами, становятся более значительными, чем есть на самом деле. Но когда они предстают перед читателем целиком, во всей своей первоизданности, все становится на свои места. Не требуется даже особого комментария, чтобы понять, что это за документы. Поэтому мы вынуждены привести целиком «Диспозицию № 1».

«Диспозиция № 1» была опубликована неким Б. Кругляковым, который нашел ее, как он сообщает, среди бумаг А. И. Гуч-

кова. Из его вводной статьи для нас представляют интерес лишь последние два абзаца. Приведа слова, принадлежащие якобы Гучкову (они взяты из документа, составленного департаментом полиции со ссылкой на известную документальную публикацию «Буржуазия накануне Февральской революции». 1927. С. 50), о том, что «нужно всем скорее объединиться и организоваться, и эта организация нужна не только для борьбы с врагом внешним, но еще больше для борьбы с врагом внутренним — той анархией, которая вызвана деятельностью настоящего правительства», публикатор далее резюмирует от своего имени: «Весьма характерно, что эта мысль, высказанная А. И. Гучковым на съезде земского и городского союзов, открывшемся 7 сентября 1915 г., почти в таких же выражениях повторяется и публикуемой «диспозицией» «Комитета народного спасения», которая датирована днем позже, т. е. 8 сентября». Таким образом, Б. Кругляков считает, что по своему содержанию и настроению «диспозиция» полностью находится в русле настроений земско-городской оппозиционной общественности и скорее всего, судя по дате, является прямым откликом на ее съезд.

Далее делается попытка объяснить цель «диспозиции», обусловленная ее загадочной подписью: «Комитет народного спасения». «Это совпадение,— считает публикатор,— по-видимому, не случайно, так как донесениями охраны подтверждается, что буржуазия, готовясь к будущей своей ро-

ли, организовывалась легально и конспиративно. В недрах «подполья» при активном, по-видимому, содействии Гучкова и был создан «Комитет народного спасения», диспозиция которого, найденная среди бумаг Гучкова... есть не что иное, как предварительная программа блока крупной и мелкой буржуазии, делившего задолго до падения самодержавия плоды грядущей Февральской революции»¹.

Все сказанное в этом отрывке — плод досужей фантазии Б. Круглякова, который, судя по всему, не имел серьезного представления ни о документах охраны, ни об организациях буржуазии, как крупной, так и мелкой.

Будучи хорошо знакомы с документами департамента полиции, фиксировавшего все, что только он мог (и не мог), по части деятельности помещичье-буржуазной оппозиции в годы войны как в Думе, так и в земско-городской среде, мы с полной ответственностью заявляем, что никаких секретных организаций буржуазии он не обнаружил, поскольку их просто не было в природе (за исключением масонской организации, о которой идет речь в настоящем очерке).

Созданный якобы в середине 1915 г. тайный блок крупной и мелкой буржуазии, рассчитанный на будущую революцию, также является домыслом публикатора.

Предположение Б. Круглякова о том, что в создании «диспозиции» принимал не-

¹ Красный архив. 1928. Т. 1 (28), С. 211—212.

посредственное участие Гучков, основано только на том, что она была найдена в его архиве. Между тем найденный им экземпляр уже сам по себе доказывает обратную версию о том, что к Гучкову этот документ попал случайно и не имел к нему никакого отношения. Дело в том, что он бракованный, в нем много ошибок, подчас радикально меняющих смысл и свидетельствующих не просто о небрежной, а о неграмотной перепечатке. Получается весьма странно: один из авторов «диспозиции» имеет в своем распоряжении совершенно неудовлетворительный текст¹. В результате сам публикатор **исправляет** текст документа, причем не на основании другого экземпляра, которого у него не было, а **по догадке**. В нескольких случаях он исправил его правильно, в других ошибочно, но большую часть ошибок он просто не увидел и не мог увидеть.

Но поскольку Н. Яковлев имел дело только с публикацией Красного архива, мы воспроизведем именно ее с теми исправлениями, которые сделал Б. Кругляков. Ошибки документа, действительные и мнимые, публикатор дал в подстрочных примечаниях, но мы удобства ради перенесем их в текст, заключив в круглые скобки. В квадратных же скобках будут нами даны исправления в соответствии с подлинником.

¹ К сожалению, нам не удалось его обнаружить в фонде Гучкова (Центральный государственный архив Октябрьской революции, вышних органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее: ЦГАОР СССР), ф. 555).

Необходимо:

1) Признать, что война ведется на два фронта: против упорного и искусного врага во вне и [против] не менее упорного и искусного врага внутри.

2) Отделить определенно и открыто, людей понимающих и признающих (признававших) [признавших] наличность внутренней войны, столь же важной, как и внешняя, от людей, не понимающих или не желающих признать наличность двух войн.

3) Признать, что достигнуть полной победы над внешним врагом невозможно без предварительной полной победы над врагом внутренним.

4) Признать, что полная победа внутри означает публичное и окончательное связующее [окончательно-связующее] преклонение всех без исключения лиц в империи перед утверждением: «русский народ есть единственный державный хозяин (хозяйственный) земли русской», с соответствующими [с соответственными] из сего практическими выводами, а именно: право хозяина иметь (имеет) свое мнение, открыто его высказывать и требовать беспрекословного подчинения его организованной воле.

5) Для успешности борьбы по внутреннему фронту отстаивать [отставить] идеи всяких блоков и объединений с элементами зыбкими и сомнительными, немедленно назначить штаб верховного командования из десяти лиц, предоставив сие основной ячейке: кн. Львов, А. И. Гучков и А. Ф. Ке-

ренский, и, отказавшись при выборе кандидата [от назначения] по признаку личного уважения и прошлых заслуг, а назначить [назначая] исключительно по признакам: а) ясности мышления, б) честности слова и в) твердости воли.

6) Признать, что организация борьбы за народные права должна вестись по установленным практикой правилам военной централизации и дисциплины, совместной с широкой инициативой отдельных частных начальников. Лозунг объединения и борьбы: возвращение в руки хозяина — русского народа в лице его организованного представительства — прав, узурпированных за время его несовершеннолетнего приказчика [несовершеннолетия его приказчиками].

7) Верховное командование организованное народом в борьбе за свои права принять на себя А. И. Гучкову, как объединяющему в себе доверие армии и Москвы, отныне не только сердца, но и волевого центра России.

8) Методы борьбы за права народа должны быть мирными, но твердыми и искусственными. Памятуя, что лиц с именами, на которые с упованием взирают армия и народ, никто тронуть не посмеет, эти лица должны произносить [и производить] своевременно слова и действия, другим недоступные (недоступным). Коронованные народным доверием и надеждой, они должны принять [принять] на себя не только лавры венков, но и их тернии.

9) Мирная борьба разумеет, прежде всего, открытое и всенародное отделение коз-

лиц (козлиц) от овец. Кто за народ, [тот] должен быть отделен и организован [сорганизован], дабы тверды и организованы были его кадры. Кто против народа, тот должен быть занесен в особый список с занесением его проступков и ответственности за задержку дела обновленная Россия.

10) Сия работа, не касающаяся обыкновенных граждан, а исключительно лиц, участвовавших в государственной машине и общественной деятельности, дает возможность определить силы обоих лагерей и в зависимости от этого укажет и способы мирной борьбы.

11) Мирная борьба должна оперировать не методами забастовок, вредных для войны внешней [внешней войны] и для интересов населения и государства, а методом отказа войск, борцов [всех борцов] за народное дело, от какого бы то ни было общения с лицом, удаление которого от государственных и [или] общественных функций декретировано верховным командованием. В связи с этим все отрицательные [и положительные] поступки лиц у власти должны быть открыто и всенародно «записаны на книжку», с предупреждением, что по окончании войны будет дан [отдан] приказ «к расчету строится», и никакое торжество (никакие торжества) по случаю мира и естественные утомленья (так в подлиннике) не (смогут — слово вставлено публикатором. — А. А.) сломать решимости [не сломят решимости], расчет этот произвести по заслугам перед народом и армией. Должно быть твердо

установлено, что врагам народа в эту поворотную минуту амнистии не будет в течение 10 лет после заключения мира.

12) Признать, что внешним [важнейшим] фактором успеха или проигрыша внутренней войны представляется пресса и ее повышающее, — правдиво (правдиво) — патриотическое — или понижающее — лживо-пошрое — воздействие на массы. Посему: а) перестать сентиментальничать с прессой, руководители которой цинично набивают себе карманы, покупая свои доходы прислуживанием к врагам народа; б) подчинить прессу верховному командованию и требовать ее согласованных действий, несогласных же заставить молчать путем снятия с работы [работ] рабочего персонала и объявления бойкота неподчинившихся органов печати.

Пока не представляется желательным развивать далее свои основные решения. Сочувствующие приглашаются заявлять о том вышеуказанным лицам. Из числа этих заявлений будет видно, созрели ли обыватели до сознания неотложной необходимости повоевать организованной, не боящейся [не боявшейся] света армии для открытой мирной, но неослабной войны [неослабленной борьбы] за победу, порядок и права народа. В зависимости от развития событий на внутреннем фронте диспозиция подлежит перемещениям и дополнениям, о которых будет сообщено.

Комитет народного спасения.
Дана в Москве 8 сентября 1915 года

Таков этот документ. Беглого взгляда достаточно, чтобы понять, что перед нами типичный образец политической графомании. Самое удивительное то, что Мельгунов, считавшийся и сам себя считавший специалистом по масонству, увидел в нем иносказательный масонский язык и масонские моральные сентенции, хотя ни того, ни другого нет и в помине. Вот если бы он написал, что автор «диспозиции» — человек недостаточно интеллигентный, с неуклюжими оборотами и т. п., это бы более соответствовало действительности. Что же касается содержания и направленности «диспозиции», то необходимо учитывать время и условия, в которых она появилась.

«Диспозиция» была своеобразным отражением реакции помещичье-буржуазной цензовой «общественности» на бесцеремонный роспуск Думы правительством Горемыкина в ответ на образование в конце августа 1915 г. думского «Прогрессивного блока», потребовавшего в своей декларации «министерства общественного доверия» и наставлявшего на продолжении думской сессии. Образование блока означало переход к открытой оппозиции правительству не только либералов—кадетов, прогрессистов и «левых» октябристов, но и правых фракций — земцев-октябристов, фракции «центра» и «прогрессивных националистов», за исключением националистов-балашовцев и крайних правых. В результате вместо двух большинства, характерных для третьей и четвертой Думы, образовалось одно большинство, противостоящее правительственным верхам.

Причина появления этого невозможного по прежним временам политического альянса была обусловлена весенне-летними поражениями царской армии, повлекшими за собой оставление огромных территорий, обнаружившейся полной неподготовленностью России к войне и другими хорошо известными причинами.

Вся тонкость ситуации, связанная с разгоном Думы 3 сентября 1915 г., состояла в том, что блоклисты и земско-городская «общественность» по причинам, о которых здесь нет надобности говорить, были уверены, что царь пойдет на уступки и даст требуемое «правительство доверия». Говоря иначе, они не сомневались в своей победе. Разгон Думы поразил их, как гром, вверг в настоящий шок, и дело было не просто в поражении, а в полной беспомощности и растерянности «оппозиции» перед лицом совершившегося факта, незнании, как реагировать на разгон Думы, что делать дальше. Но главный, «конституционный», «мирный» рефлекс сработал мгновенно: никаких забастовок, «незаконных» и тем более революционных действий. Ко всем прочим доводам либералов, направленным против революционного разрешения стоявших перед страной задач, в годы войны прибавился еще один: во время переправы не перепрягают лошадей, т. е. революция во время войны грозит национальной катастрофой.

Естественно, что в кругах «оппозиции» и сочувствующей ей публики стал обсуждаться на все лады и везде, где только можно, вопрос о том, как ответить правительству и

двору, какую тактику борьбы избрать в поставленных самим себе «мирных» рамках. В поиски ответа на этот вопрос включились политики, земцы, журналисты и т. д., в том числе и обыватели — графоманы. И автор «диспозиции» был одним из них.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что стержнем всей «диспозиции» является идея о мирных средствах борьбы. Об этом говорится достаточно определенно несколько раз («методы борьбы за права народа должны быть мирными» — пункт 8; «Мирная борьба разумеет прежде всего...» — пункт 9; «Мирная борьба должна оперировать не методами забастовок... а» и т. д. — пункт 11). Все содержание «диспозиции» сводится к выдаче конкретных рецептов по реализации этого основного тезиса.

Как и положено «диспозиции», первые ее пункты посвящены оценке обстановки и расстановке сил. Оценка сводится к признанию, что страна ведет не одну, а две войны — внешнюю и внутреннюю — и без выигрыша последней невозможно одержать военную победу. Тому, кто изучал внутриполитические события в годы первой мировой войны, хорошо известно, что формула двух войн была самым расхожим местом у помещичье-буржуазной оппозиции. Ее десятки и сотни раз склоняли во всех вариантах и сочетаниях думские кадетские златоусты и респектабельные земцы, весьма правый деятель член Государственного совета В. И. Гурко и не менее правый В. В. Шульгин. Эта формула в употреблении автора «диспозиции» означает только одно: он читал газе-

ты с думскими отчетами и был знаком с постановлениями земского и городского съездов, с которыми был знаком любой интеллигентный или полуинтеллигентный обыватель.

Вторая идея о том, что только русский народ — «единственный державный хозяин», также взята автором «диспозиции» напрокат у думских и иных оппозиционеров. Дело в том, что правые обвиняли ценовую оппозицию, что она, встав на путь борьбы с верховной властью, т. е. с царем, стала фактически на путь государственной измены, так как именно царь, как гласят основные законы, является «державным хозяином» страны. Для либералов, помещанных на «законности», такое обвинение звучало достаточно серьезно. И, чтобы выйти из положения, кадетские и иные «конституционные» мудрецы выдвинули в противовес формулу о «державном хозяине» — народе. Суть ее сводилась к следующему рассуждению: да, царь, конечно, «державный хозяин», мы это признаем, но, когда речь идет о судьбе страны, о самом факте существования государства российского, т. е. когда приходится выбирать между царем и страной, здесь ситуация меняется и выбор делается в пользу страны.

Практические рецепты «диспозиции» очень скромны. Так, Н. Яковлев цитирует пятый пункт «диспозиции», который требует «отставить (а «не отстаивать», как в публикации) идеи всяких блоков и объединений с элементами зыбкими и сомнительными», но не задается вопросом, кого автор

«диспозиции» разумеет под этим. Нет никаких сомнений, что «зыбкие и сомнительные» у него — это те, кто стоят правее «Прогрессивного блока», но левее ультра-правых, для которых претензии блокистов кажутся слишком радикальными, и это мешает им его поддерживать. Такие элементы в Думе действительно были, и именно с ними «диспозиция» советует больше не иметь дела.

Что же касается рекомендации «немедленно» создать штаб из 10 лиц с поручением сделать это троице, состоящей из Гучкова, Львова и Керенского, то здесь графоманская сущность автора «диспозиции», его полная неосведомленность о действительной политической кухне в оппозиционных кругах, обывательский уровень его сочинительства выступают наиболее наглядно.

Начнем с мелочи: инициалы Гучкова и Керенского указаны, князя Львова — нет. Спрашивается, мыслимо ли это для первого директивного документа, за которым стоит, как считает Н. Яковлев, могущественная тайная организация? Почему «верховное командование организованным народом» «диспозиция» предлагает именно Гучкову, а не Львову? Ответ лежит на поверхности. Автор помнит, что Гучков в третьей Думе был председателем комиссии по государственной обороне, поставившей своей задачей возрождение военной мощи России, утерянной во время русско-японской войны. В этом качестве он завел обширные связи в военных и в военно-мор-

ских кругах, среди той части офицерства и генералитета, которые тоже стояли на позициях «обновления» и «возрождения» военного могущества страны. В обстановке войны задача привлечения на свою сторону армии, в лице ее командного состава прежде всего, с точки зрения думской и земско-городской оппозиции, была жизненно важной. Естественно, по мысли автора «диспозиции», что Гучков является самой подходящей фигурой для осуществления сближения армии и Думы в лице ее «Прогрессивного блока».

Несуразность всей идеи создания штаба бросается в глаза. Во-первых, почему надо назначать штаб, когда он уже имеется в лице самого «Комитета народного спасения»? Во-вторых, почему сразу ему не назначить требуемые им 10 лиц? И почему вообще десять, а не пятнадцать и не двадцать? А просто потому, что десять — круглое число. А то, что названы лишь три фамилии, говорит только о том, что сам автор «диспозиции» просто затруднялся назвать весь десяток, который составил бы этот пресловутый «штаб». Об авторской маниловщине и далекости от подлинной политики говорит и сделанный выбор фамилий. Тот, кто знаком с политическими взглядами, вкусами и характерами Гучкова и Львова, хорошо знает о несовместимости их друг с другом, не говоря уже об их общей несовместимости с Керенским.

Очень наглядно графоманство автора «диспозиции» обнаруживается, когда сопоставляешь требуемые им «военную цент-

рализацию и дисциплину» с конкретными мерами, которые он рекомендует организованному по-военному будущему штабу проводить в жизнь. Все они в конечном итоге сводятся к моральной, а не политической размежке. Сам штаб рекомендуется сформировать по принципу личных качеств, а не политических взглядов. Пункт 9 предлагает отделить овец от козлий, т. е. порядочных людей от плохих.

Очень показателен в этом отношении пункт 11. Что собственно он предлагает? Очень простую вещь. Все причастные к власти люди, запятнавшие себя «отрицательными поступками», должны быть взяты на заметку, с тем чтобы объявить им, что после войны они будут подвергнуты моральному ostracismu сроком на 10 лет (опять цифра 10). Точно так же обстоит дело и с прессой. Плохую прессу будущему штабу предлагается решительно осудить и бойкотировать. Здесь еще рекомендуется к непокорным применять такое оружие, как снятие с работы персонала (какого: типографских ли рабочих, самих журналистов, делающих газету,— неясно). Но что под этим разумеется конкретно, если иметь в виду, что «диспозиция» решительно не допускает забастовок, непонятно.

Отметим еще, что «диспозиция» составлена в Москве, о чем прямо указывается в документе. Москва названа в нем сердцем и волевым центром России. Следует иметь в виду, что фраза: «Москва — сердце русской оппозиции» — также одна из самых расхожих формул цензовой оппозиции, свя-

занной с действительным процессом большего либерального полевения первопрестольной по сравнению с Петроградом, по причинам, о которых здесь нет надобности говорить.

Мы не сомневаемся, что все наши доводы, приведенные для доказательства графоманского происхождения «Диспозиции № 1», не убедят Н. Яковлева. В таком случае его оппоненты ответят ему «Диспозицией № 2».

Как мы помним, автор первой «диспозиции» в конце обещал, что «в зависимости от развития событий... диспозиция подлежит переменам и дополнениям, о которых будет сообщено». Это свое обещание он выполнил очень скоро — ровно через 10 дней (из чего еще раз следует, что он был явно равнодушен к этому числу), разразившись «Диспозицией № 2», о существовании которой ни Мельгунов, ни Н. Яковлев ничего не знают. Эта вторая «диспозиция» — шедевр, ничуть не уступающий первой.

Диспозиция № 2

В ответ на резолюции московских съездов земств и городов последовало решение противника: съезды благодарить; депутации не принимать, парламента немедленно не созывать.

Таким образом, маски сдернуты. Все, даже наивнейшие Ковалевские, Милюковы, Челноковы и Шингаревы, должны наконец уразуметь, что они своей компромиссностью подставили русскую общественность под удар, которого следовало избежать.

Противник действует смело и последовательно: имея всю страну и общественное мнение союзников против себя, он наносит общественности удар за ударом. Чем же отвечает на это русская общественность? Руководимая безвольными говорунами, она только ежится и грозит кулаком в кармане. Между тем ответные жесты должны быть сделаны немедленно, ибо без них наступление противника может постепенно повести к потере даже закрепленных с 1905 г. позиций. Кто не понимает этого, должен устраниться от руководящих ролей.

Посему надлежит:

1) А. И. Гучкову, А. Ф. Керенскому, П. П. Рябушинскому, В. И. Гурко, кн. Г. Е. Львову немедленно собраться в Москве и приступить к организации земского и городского съезда, созываемого частным порядком в Москве на 15 октября с. г.

2) Означенным пяти лицам выработать программу съезда и текст приглашения на оный, разослав его лицам, участие каковых желательно, и предоставив выбор делегатов частным совещаниям земских и городских гласных по всей империи.

3) Твердо установить, объявив об этом через газеты, что съезд предполагается частный, никаких разрешений поэтому не испрашивать, переговоров с противником о нем не вести и инсценировать его под флагом чашки чая у П. П. Рябушинского.

4) Означенным пяти лицам во исполнение п. 5 нашей диспозиции № 1 просить А. И. Гучкова принять на себя командова-

ние «Армией спасения России» против врагов внутренних. Пополнить состав для сформирования штаба в 10 лиц (п. 5, дисп. № 1), указание коего Гучкову принимать к исполнению в случае наличности в его пользу трех четвертей голосов. Во всех остальных случаях Гучкову принимать решения под личную свою ответственность, а совету поддерживать его в исполнении оных всемерно и беспрекословно.

5) Означенным 5 лицам после того, как они выработают детали ответного жеста по адресу кабинета, безумно ведущего страну к внутреннему обострению, пригласить редакторов и издателей московских газет и установить контакт между тоном газет и намерениями штаба.

6) Ответный жест по адресу гг. Горемыкина и кн. Щербатова (по должности ответственного за возникновение проекта восстановления предварительной цензуры и пр.) мог бы заключаться в объявлении им публичного выговора и отрешения от права общения с уважающими себя общественными деятелями (общественный бойкот) наподобие тех мер, коими финляндцы столь успешно боролись с режимом ген. Бобркова.

7) Штабу следовало бы немедленно по своем сформировании приступить к изучению реальной обстановки театра внутренней борьбы и, **блокируясь налево**, определить последовательность мер воздействия на пробки, применение каких мер не повредило бы интересам армии и общества, система личного, социального, экономичес-

кого и психического воздействия на врагов народа: г. Горемыкина, кн. Щербатова, г. Самарина, г. Кателина и т. д.

8) Штабу следовало бы немедленно облечь лицо с достаточным юридическим и практическим опытом обязанностями «общественного прокурора» и, придав ему в помощь несколько помощников, приступить к составлению обвинительных актов против врагов народного дела, индивидуализируя и конкретизируя их ответственность. Работа написания этих актов должна идти в срочном порядке и быть немедленно опубликованной если не в стране, то за рубежом у союзников, контакт с которыми штаб должен установить немедленно путем отсылки делегатов в Лондон и Париж.

Комитет народного спасения.

Дана в Москве 18 сентября 1915 года¹.

Надо полагать, что, если бы Мельгунову была известна «Диспозиция № 2», не было бы того, что он написал о «Диспозиции № 1», потому что здесь уловить масонский дух не хватило бы уже никакой фантазии, не говоря о том, что «наивнейший» Ковалевский и Шингарев, которыми так недоволен автор «Диспозиции № 2», были масонами, о чем, конечно, он не имел ни малейшего представления.

Из второй «диспозиции» еще более, чем из первой, видно, что к масонству плывущему дворцовый переворот, по утверждению Н. Яковлева, она не имела решительно

¹ ЦГАОР СССР. ф. 102. 00. 1913. д. 307. л. Б, л. 54—55 об.

никакого отношения. Ее содержание сводится в основном к двум пунктам: 1) собрать осенью явочным порядком земский и городской съезд в ответ на роспуск Думы и отказ царя принять избранную на земско-городском съезде депутацию; 2) организовать моральное осуждение нескольких царских министров, в том числе министра внутренних дел князя Щербатова, и обер-прокурора синода Самарина. О необходимости явочного съезда говорили все и вся в оппозиционных кругах. Что же касается идеи о моральном ostracism негодного правительства, то она, как мы помним, была центральной и в «Диспозиции № 1».

Весь радикализм автора обеих «диспозиций» этим, по существу, и исчерпывался. Что же касается Щербатова, то он, по-видимому, не знал, что министр был за сотрудничество с «общественностью» и уговаривал царя принять депутацию. Так же обстояло дело и с Самариным. Несмотря на то что он был весьма правым дворянским деятелем (до своего назначения он был московским губернским предводителем дворянства, а с конца 1916 г. стал председателем Постоянного совета «объединенных дворян»), Самарин вошел в правительство летом 1915 г. на волне общественного возбуждения, приведшего к отставке четырех наиболее реакционных царских министров, заняв пост обер-прокурора синода вместо Саблера. У него была слава ярого противника Распутина, что полностью соответствовало действительности, и именно поэтому он оказался совершенно неприемлем

для двора и вскоре получил отставку, с возмущением воспринятую «общественностью».

В «Диспозиции № 2» к инициативной тройке прибавлены еще две фамилии: Рябушинского и Гурко. Почему появилась первая — понятно: Рябушинский был одним из лидеров московских прогрессистов, одним из создателей и руководителей оппозиционной газеты «Утро России». Симпатия же его к весьма правому в прошлом деятелю, члену Государственного совета, а еще ранее товарищу министра внутренних дел, герою нашумевшей «лидвалиады»¹, объясняется, вероятно, тем, что Гурко в годы войны «полевел» и стал одним из активных деятелей «Прогрессивного блока».

Особо отчетливо графоманская сущность «Диспозиции № 2» выступает в пункте 4. Здесь вначале идет речь о какой-то совершенно мистической «армии народного спасения», а потом даются указания по поводу полномочий и пределов власти командующего Гучкова и еще не сформированного штаба (который тут уже называется «советом»), взаимно исключаящие друг друга. С одной стороны, Гучков мог принимать решения, если их одобряет три четверти штаба (вопрос о том, как из 10 человек выделить три четверти, также представляет некоторую загадку, которой бы не было, если, скажем, была бы названа цифра 12), а с другой стороны, он уполномочивался

¹ Имеется в виду покровительство В. И. Гурко купцу-аферисту Лидвалю. (Подробнее см.: Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. С.-Пб. Т. 15. С. 298.)

принимать решения единолично под свою ответственность.

Подчеркнутые слова в пункте 7 — «блокируясь налево» — в общем контексте выглядят полной бессмыслицей, тем более что автор никак не объясняет, что он под этим имеет в виду.

Следует также подчеркнуть, что обе «диспозиции» найдены нами в фонде департамента полиции, в делах, относящихся отнюдь не к масонству (в частности, одно «дело» озаглавлено: «Сведения по 4 Государственной думе за 1914 г.»).

Очень скоро «диспозиции» стали известны департаменту полиции. Произошло это следующим образом. В начале ноября 1915 г. контрразведка 6-й армии произвела обыск у французского журналиста, корреспондента «Темпса» Шарля Риве, подозреваемого в шпионаже. При обыске у него и были обнаружены и изъяты «диспозиции». Поскольку подобного рода бумаги не входили в компетенцию военных властей, они были отправлены по принадлежности в департамент полиции. В сопроводительном письме от 6 ноября на имя директора департамента, подписанном начальником штаба 6-й армии, указывалось, что на вопрос о том, кто дал ему эти «диспозиции», журналист назвал А. Н. Брянчанинова.

Когда директор департамента полиции Белецкий ознакомился с их содержанием, у него загорелись глаза. Наконец-то представился необыкновенно счастливый случай уличить этих проклятых либералов,

этих блокистов, а особенно Гучкова, которого императрица так жаждала повесить, в прямых связях с «революционером» Керенским и, более того, даже в совместном заговоре, направленном против правительства. Конечно, Белецкий был достаточно опытным полицейским волком, чтобы не отдавать себе отчета об истинном характере полавших в его руки документов. Но соблазн был слишком велик, и 14 ноября он письменно предложил своему шефу, министру внутренних дел А. Н. Хвостову, обе «диспозиции», как «обращающие на себя внимание», послать председателю Совета Министров И. Л. Горемыкину. Хвостов, конечно, согласился, и 27 ноября за его подписью было отправлено на имя премьера соответствующее письмо с указанием обстоятельств дела, к которому были приложены копии обеих «диспозиций»¹.

Обычно медлительный и равнодушный, Горемыкин, получив «диспозиции», пришел в такой же восторг, как и Белецкий. Уже 1 декабря за его подписью Хвостову было отправлено ответное письмо, в котором председатель Совета Министров спрашивал, какие дальнейшие меры предпринимаются департаментом полиции в связи с этими документами, т. е. было дано указание заняться «диспозициями» самым срочным образом. Однако Белецкому и Хвостову не надо было напоминать об этом, они и сами горели не меньшим нетерпением, чем

¹ Центральный государственный исторический архив (ЦГИА СССР), ф. 1276, оп. IV, д. 167, л. 66—71 об. (подчеркнуто нами.— А. А.).

престарелый глава правительства. Уже 11 ноября начальникам Петроградской и Московской охраны была послана бумага, требующая заняться «диспозициями» как можно скорее. Однако те молчали, и 24 декабря Хвостов предписал Белецкому срочно потребовать от них ускорения дела, что и было сделано.

В ответ начальник Петроградской охраны Глобачев прислал 4 января 1916 г. письмо, в котором говорилось: 31 декабря минувшего года он допросил Брянчанинова, «который показал, что он не помнит, от кого и при каких обстоятельствах он получил осенью 1915 года упомянутые циркуляры; в качестве одного из курьезов, распространившихся в те времена, он дал их прочитать своему знакомому г. Риве. Никакого серьезного значения этим циркулярам он, Брянчанинов, не придавал и не придает».

К письму была приложена справка на Риве и Брянчанинова. Данные о шпионаже Риве, говорилось в ней, «по разработке совершенно не подтвердились», и в начале декабря ему было разрешено выехать за границу. О Брянчанинове говорилось, что он дворянин, гласный Петроградской городской думы, член комитета Российской экспортной палаты, издатель журнала «Новое звено» и редактор-издатель «Церковно-общественного вестника», устроитель платных лекций, имеет обширный круг знакомств¹. От себя добавим, что Брянчанинов был также членом петроградского

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1925, д. 343, т. 10, л. 76, 83, 99, 187—188, 306—306 об., 322.

отдела «Центрального комитета прогрессистов», но об этом начальник охраны либо забыл, либо не счел нужным упомянуть.

Получив такой ответ, Белецкий и Хвостов поняли, что дело с «диспозициями» — пустой номер и его надо кончать. Так и было сделано. Показания Брянчанинова не оставляют никаких сомнений в том, что обе «диспозиции» — плод творчества графомана, который, согласно собственному представлению о политике, широко (разумеется, в меру своих возможностей) рассылал их не «обыкновенным гражданам», а «исключительно лицам, участвовавшим в государственной машине и общественной деятельности», как указывалось в «Диспозиции № 1». Недаром Брянчанинов назвал их циркулярами, имея в виду их размножение и рассылку в более или менее большом количестве экземпляров. В частности, «Диспозиция № 1», изъятая у Риве, представляла собой третий или четвертый экземпляр машинописной копии, отпечатанной на обеих сторонах листа писчей бумаги большого формата.

Надо полагать, что с этих «циркулярных» экземпляров снимались копии и другими лицами, забавлявшимися подобными «курьезами». Скорее всего, именно такая копия попала Гучкову, т. е. помимо самого автора «диспозиций». В противном случае он получил бы аутентичный оригинал экземпляра, а кроме того, ему была бы послана и «Диспозиция № 2». Все это лишний раз доказывает, что обе «диспозиции» — дело рук графомана, и им не только Брян-

чанинов, но и все, кому они попадали в руки, не придавали никакого серьезного значения, относились к ним именно как к курьезам¹.

¹ Следует иметь в виду, что «дневопозиция» отнюдь не исключительный в этом плане документ. Политически-прожекторская графомания была широко распространена. Обычно любители таких сочинений посылали свои творения депутатам Думы и «общественным деятелям» типа Брянчанинова. Некоторые из них уцелели в личных фондах. Вот один из таких документов, найденных автором в личном фонде Милюкова. Он называется «Проект о реформе политического квартета лидеров 4-й Государственной Думы. Вопросы, запросы, ответы — приветы». Уже из заголовка видно, что автор решил поупражняться в саркастическом ключе. Но это не значит, что он писал не всерьез. Совсем наоборот. Приведем некоторые пункты.

«п. 1. Депутаты должны сидеть в зале Государственной думе (так в тексте) по представительству от губерний (!), областей и городов, на именных креслах... и по алфавиту.

2. Учредить в Государственной думе две трибуны: «за и против». Допустить ораторам учелый диспут с трибун, по конкурсу за премии, по решению государственных вопросов первой важности.

3. За два дня до заседания раздавать депутатам печатанные (!) повестки для решения государственных вопросов и пропечатать на оных тексты основного закона на злобу дня, как камертон (!) для речи ораторов. Так, например ...» — и далее следуют примеры.

В числе прочего предлагалось уменьшить состав депутатов и заменить их «персоналом от каждого департамента всех министерств по одному человеку с правом голоса и доклада по поручению министров». «Депутатов, гласных (!), вице-депутатов и вице-гласных (!) избирать одновременно, на три или на 5 лет». Избранные «должны носить установленный трехцветный национальный знак как на груди, так и на головном уборе». «Депутаты за время пребывания своего в Государственной думе обязываются путе-

Так обстоит дело с «поразительными» сверхсекретными директивами сверхсекретной организации, о которой пишет Н. Яковлев.

Глава 3

МАСОНЫ И ДВОРЦОВЫЙ ЗАГОВОР

Как мы помним, свой рассказ о «Диспозиции № 1» Н. Яковлев закончил выводом о том, что речь шла о подготовке верхушечного государственного переворота, дополнив его глубокомысленными рассуждениями: люди, которые готовили переворот, не были так наивны, чтобы брать у масонов их допотопную символику, они отбросили все, кроме клятвы о тайне. В ложь по пять человек допускались женщины, а все ложь в конечном итоге подчинялись штабу верховного командования, который предписывала создать указанная «диспозиция».

шестьдесят за границу «инкогнито» для изучения международных законов и обычаев жизни народов». И т. д. в том же духе. 17-й пункт был озаглавлен: «Девиз мудрости» — и гласил: «Бог злата — добро, бог булата — зло, бог мира и любви — раб, боги пьянства — ад дьявола».

Последний, 18-й пункт предлагал обложить всех граждан, имеющих право избирать и быть избранными в Думу и Государственный совет, а также в «гласные»: «гласных» — по 5 рублей, депутатов — по 25 рублей, выборщиков — по 3 рубля, для образования специального капитала «на расход премий и по выборам и поездку за границу». На этот раз автор не скрывал свое имя за каким-нибудь вымышленным комитетом, а прямо написал: «инициатор проекта Василий Иванович Кононов, отставной полковник войска Донского» — и поставил дату: 10 мая 1914 г., а также сообщил свой адрес.

Число пять взято Н. Яковлевым, как уже указывалось, у Кусковой. Спрашивается, почему же он безоговорочно принимает эту цифру на веру, тогда как все другие источники, включая и показания Н. В. Некрасова, приведенные Н. Яковлевым в конце книги, которым он придает такое же примерно значение, как «Диспозиции № 1», называют другие цифры? Раз налицо расхождение в источниках, историк обязан объяснить, почему в данном случае он отдает предпочтение этому свидетельству, а не другому. Ведь в конце концов не так важно, сколько членов было в ложах — пять или десять, хотя и это не пустяки, гораздо существеннее другая сторона дела — анализ источников, дающий право автору делать тот или иной вывод. Если же он подгоняет факты из разных источников под свою версию, руководствуясь исключительно субъективными представлениями, то его утверждения нельзя верить.

Так же поступает Н. Яковлев и в отношении даты возникновения масонской организации. Он называет сентябрь 1915 г., а между тем все другие источники, которыми он оперирует, в том числе и письма Кусковой, называют другие, более ранние годы, начиная с 1906 г., т. е. задолго до того как возник «Прогрессивный блок», провал переговоров которого с правительством Н. Яковлев и считает причиной возникновения тайной организации масонов. И здесь перед нами акция частого субъективизма в отношении источников.

Эту дату Н. Яковлев заимствовал у

Мельгунова, не оговоря этого ни единым словом. Последний же по этому поводу писал следующее: «В 1915 г. явилась мысль о возрождении масонских организаций, инициатива исходила из Киева. И цель была чисто политическая. Под внешним масонским флагом хотели достигнуть того политического объединения, которое никогда не давалось русской общественности. Объединение должно было носить характер «левый». В сущности органического отношения к «уснувшему» масонству эта организация не имела, за исключением личных связей. Так, активную роль играл, между прочим, один из прежних масонов, член Думы Некрасов. В организацию, по моим сведениям, входили представители разных политических течений, до большевиков включительно.

О существовании этой организации я знаю уже потому, что меня туда звали. Среди звавших был покойный В. П. Обнинский. Н. И. Астров рассказывал, что звали и его, — переговоры вели Н. Н. Баженов, С. А. Балавинский и одно из ныне здравствующих лиц»¹.

В этом свидетельстве верно лишь одно: самого Мельгунова звали в масонство действительно в 1915 г. Все же остальное отнюдь не бесспорно. Некрасов, на которого ссылается Мельгунов, очень определенно называет другую дату — 1910 г. В этом году, показывал он, «русское масонство от-

¹ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту: заговоры перед революцией 1917 года. С. 185—186.

делилось и прервало связи с заграницей, образовав свою организацию «Масонство народов России»¹. Керенский, как мы помним, датой своего вступления в «нерегулярную» ложу назвал осень 1912 г. Никакого «уснувшего» масонства, как об этом пишет В. И. Старцев² и как будет показано дальше, вообще не было, да и сам Мельгунов невольно доказывает это, ссылаясь на имена Баженова и Балавинского, которые в первую очередь должны считаться «уснувшими», если считать эту версию действительно имевшей место. В. А. Оболенский свидетельствует, что он «три года подряд избирался одним из трех выборщиков Высшего совета»³, чего не могло быть, если бы организация возникла в 1915 г.

Кстати говоря, Мельгунов утверждает, что масоны 1915 г. придерживались ритуала. «В масонстве 15 г., — писал он дальше, — много было наивного. Люди говорили о ритуале, не отдавая себе в нем отчета. Для многих таинственность была своего рода психологической игрой. Я решительно отказался вступить в масонскую организацию, так как для подлинного объединения мне казались ненужными и запоздалыми традиционная внешность...», уместная во Франции, но непригодная в России⁴. Это свидетельство Н. Яковлев опустил, по-

¹ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. С. 230.

² См.: Старцев В. И. Революции и власть. М., 1978, С. 205.

³ Slavic Review. 1968. V. XXVII. N 4. P. 606.

⁴ См.: Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту: заговоры перед революцией 1917 года. С. 186.

сколько оно не стыкуется с его концепцией и утверждением, взятым у Кусковой, и Керейского, о том, что ритуал был отменен.

Почему же Н. Яковлев избрал именно пять и 1915 г.? Надо полагать потому, что пятерки выглядят конспиративнее и, следовательно, внушительнее, чем, скажем, десятки, а дата 1915 г. нужна ему для увязки масонской организации с дворцовым заговором. Заметим, однако, что идея о заговоре появляется годом позже, в 1915 г. ее еще не было. Кстати говоря, в интересах своей собственной концепции Н. Яковлев просто должен быть заинтересован в более ранней дате. Всякой организации, пусть она даже масонская, нужно время для того, чтобы стать сильной, разветвленной, хорошо организованной и влиятельной. Шесть—восемь лет за плечами — более или менее подходящий срок, чтобы добиться такого положения. А как можно поверить, что организация, только что возникшая, тут же обзавелась централизованным руководством, многочисленными периферийными организациями, проникла во все партийные и политические слои общества, захватила там ключевые позиции и немедленно приступила к осуществлению отнюдь не малой акции — государственного переворота, должного передать власть из рук одного класса другому? Почему такая простая мысль не пришла Н. Яковлеву в голову — непонятно.

На основании «Диспозиции № 1», цена которой нам теперь хорошо известна, и письма Кусковой к Вольскому автор делает по-

истине глобальные выводы. «Прервем пока интригующее путешествие в призрачный мир политических силуэтов минувшего,— пишет он.— Для наших целей достаточно указать, что руководители российской буржуазии отнюдь не были безобидными людьми, полагавшимися лишь на легальную партийную деятельность. Напротив, они были очень рукастыми, не только ворочавшими капиталами, но и изобретательными интриганами. В самом деле, разве был иной путь затянуть генерала или офицера императорской армии в тенета заговора, как предложение оказать услугу «братству», а не принимать участие в «грязной политике». Психологически расчет был точен».

Даже если считать «диспозицию» подлинным масонским документом, исходявшим от реально существовавшего «Комитета народного спасения», а письмо Кусковой стопроцентно адекватным истине, и то они не дают оснований для такого вывода. Какими капиталами, кстати, ворочала та же Кускова или Керенский? Доведем заодно до сведения читателя, что даже у Гучкова не было никакого капитала, которым он мог бы «ворочать». Почему не было иного пути «затянуть» офицера в «тенета заговора», кроме масонства? Князь Вяземский, которого Гучков втянул в свой заговор, не был масоном, генерал Крымов также. Известный «морской кружок» Рейнгартена также ничего не имел общего с масонством. А главное, повторяем, содержание обоих документов решительно не позволяет делать сколько-нибудь серьезные выводы.

«В делах такого рода судить нужно по фактам», — пишет далее Н. Яковлев. Это очень хорошее заявление. Но вот что тут же следует за ним: «Масонская организация дала посвященным то, что не могла предложить ни одна из существовавших тогда буржуазных партий, — причастность к «великому делу». Вместо ложной риторики, пустой партийной трескотни — работа бок о бок с серьезными людьми. Работа «чистая», ибо не требовалось идти в массы, общаться с народом, которого российские буржуа в обличье масонов чурались и боялись не меньше, чем ненавистные им соперники у власти — царская камарилья».

За этой «ложной риторикой» (выражение Н. Яковлева) — ни одного факта и к тому же незнание действительного положения в «тогдашних буржуазных партиях», о которых Н. Яковлев судит так уверенно. Почему, скажем, кадетская партия не создавала у своих членов ощущения причастности к «великому делу»? Наоборот, такие люди, как Милюков, Шингарев, наконец, тот же Некрасов, которого автор считает весьма умным и талантливым человеком, и многие другие, в том числе и знаменитый наш ученый академик В. И. Вернадский, искренне верили в то, что они служат своей стране, а что может быть более великого, чем интересы страны? И как вообще может существовать партия, если она не верит в то, что служит большому делу? Почему, наконец, кадеты Шингарев, Некрасов, Оболенский, все члены своего ЦК, только став масонами (в оставаясь при этом кадетами), стали «серь-

езными людьми»? Приходится только удивляться и разводить руками.

Дальше то же самое. «Методы работы масонов — постепенное замещение царской бюрократии своими людьми на ключевых позициях сначала в военной экономике через «добровольные организации», Союз земств и городов (Земгор), — сулили планомерный переход власти в руки буржуазии». «Верность масонской ложе в глазах посвященных была неизмеримо выше партийной дисциплины любой партии. И когда пришло время создавать Временное правительство, его формирование нельзя объяснить иначе как возможным предначертанием той организации»¹.

Мы попытаемся объяснить это иначе. Замена масонами царских бюрократов своими людьми и роль Земгора — это всего-навсего очередное проявление «ложной риторики», ничего общего с действительностью не имеющей. Что же касается утверждения, что верность ложе была «неизмеримо выше» верности партии, то масонские документы, в которых идет об этом речь, говорят о прямо противоположном тому, в чем нас уверяет Н. Яковлев.

Оставшуюся часть введения автор посвящает ответу на вопрос: «Почему роль масонов в действиях российской буржуазии оставалась вне поля зрения?»² Для этой цели он привлекает показания двух директоров департамента полиции в годы войны —

¹ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. С. 9—10.

² Там же. С. 10.

Е. К. Климовича и С. П. Белецкого. Но, как и рассказ о князе Бебутове, мы их пока оставим, с тем чтобы вернуться к ним позже, в иной связи.

После такого введения естественно было ожидать, что все дальнейшее изложение будет представлять собой конкретное, шаг за шагом, документальное подтверждение тех выводов — посылок о масонах, о которых пишет Н. Яковлев на первых страницах своей книги. Но оказалось совсем не так — две трети книги (165 страниц из 237), идущие вслед за введением, посвящены самым разным сюжетам, в которых ведущей темой является рассказ о пораженческих акциях русской буржуазии.

О масонах в книге снова заходит речь в связи с рассказом о тайном совещании на квартире С. Н. Прокоповича и Е. Д. Кусковой, имевшем место 6 апреля 1916 г. В совещании участвовали представители кадетов, октябристов, меньшевиков и эсеров, и целью его было составить список будущего правительства; это и было сделано. В основном «был воспроизведен список, опубликованный в августе 1915 г.» (автор имеет в виду список, опубликованный в газете П. П. Рябушинского «Утро России» 13 августа. — А. А.). Изменения свелись к замене Родзянко Львовым и трех «либеральных» царских министров. Планировалось правительство, «поголовно» состоящее из кадетов и октябристов, что «поддержали меньшевики и эсеры, сидевшие на сборище». Последним фактом Милюков был очень удивлен, равно и тем, что в правительство «сборище»

наметило и Терещенко. Но тем не менее последний в 1917 г. стал министром.

Кабинет, определенный на совещании 6 апреля, и встал у власти после Февральской революции, с той лишь разницей, что был пополнен Керенским и Чхеидзе. «Что же объединяло этих людей, принадлежавших к разным партиям? — ставит Н. Яковлев главный вопрос. Ответ гласил: «Высокомерный Милюков не разглядел и не понял, что перед ним были руководители масонской организации. Они собрали это совещание и наметили кандидатуры почти поголовно из своей среды». Но чтобы прийти к власти, надо было свалить Штюрмера, и «Милюкову, не посвященному в масонские тайны, выпала роль застрельщика новой вспышки кампании против режима»¹, т. е. выпала роль слепого орудия в руках масонов.

Высокомерный, но глупый Милюков ничего «не разглядел и не понял». Напрашиваются вопросы: каким образом сумел разглядеть и понять это Н. Яковлев, и какими источниками при этом он пользовался?

Рассказ о совещании 6 апреля у Кусковой и Прокоповича автор целиком взял у Мельгунова, но изложил весьма своеобразно. Вот как выглядит этот рассказ у Мельгунова. В своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Милюков сообщил, что состав первого Временного правительства был результатом предварительного сговора между представителями Земского и Городского союзов, Военно-промышлен-

¹ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. С. 184—185.

ного комитета (ВПК) и «Прогрессивного блока», на котором, по словам кадетского лидера, «я было намечено то правительство, которое явилось в результате переворота 27 февраля». «Утверждение это,— пишет далее уже от своего имени Мельгунов,— стало почти общим местом. На это указывал Голицын, писала послевоенная литература. Утверждала то же самое и не раз Кускова».

В связи с этим Мельгунов обратился к ней с запросом и получил следующий ответ: «6 апреля 1916 г. (кажется, так) должен был состояться в Петербурге съезд к.-д. партии». А накануне, 5-го, в 8 часов утра ей позвонил Х. («пропускаю некоторые имена по просьбе автора») с просьбой разрешить ему немедленно приехать. Приехав, заявил, что надо немедленно созвать собрание из «всех» партий и на нем наметить список Временного правительства, который он, Х., отвезет на съезд и там, «на секретных заседаниях», его обсудят. В два часа по телефону Кускова это собрание организовала. Из эсдеков были такие-то (пропуск). Кооператоры. С Юга приехал Л. И. Лутугин. И, к удивлению хозяйки квартиры, как сама она сообщила, стали обсуждать с самым серьезным видом состав будущего кабинета. Председателем Совета Министров был намечен князь Львов, министром иностранных дел — Миллюков (некоторые настаивали на кандидатуре Трубецкого), военным — Гучков, юстиции — Маклаков или Набоков, земледелия — Шингарев, просвещения — Герасимов

или Мануйлов, торговли и промышленности — «не помню», не то Коновалов, не то Третьяков.

«Долго завязли» на министерстве внутренних дел, решили, что надо кого-нибудь из земцев — на него сможет работать весь аппарат земства. Прокопович слохватился, что забыли про министра труда. Поскольку правительство составлялось в рамках октябристы — кадеты, а из их среды такого министра назначать негоже — «избрали» беспартийного Лутугина, в он этот пост «принял». Государственным секретарем наметили Кокошкина. С этим Х., по-видимому, и уехал, потому что далее Кускова сообщала: «Приехавший со съезда сообщил нам, что и там были намечены те же имена (подчеркнуто нами.— А. А.). Вариация была лишь в том, что на каждый пост намечали не одно, а два, иногда три имени... Предполагалось, конечно, что и это министерство будет намечено революционным путем. Но воображение не шло все-таки дальше к.-д. и октябристов». Таковы показания Кусковой. Далее идет комментарий Мельгунова.

В свидетельстве Кусковой, писал он, «много неточностей», в частности, в апреле кадетского съезда не было (он был в феврале.— А. А.). «Но это имеет второстепенное значение», поскольку совершенно очевидно, что обсуждался «возможный состав будущего ответственного министерства, и, надо думать, что собрание происходило в срок значительно более ранний, чем это представляется Кусковой... В 1916 г. для

составления подобного списка будущих министров не требовалось большого напряжения мысли, так как он ходил (с некоторыми вариациями) по рукам». И далее Мельгунов ссылается на список, опубликованный газетой «Утро России» 13 августа 1915 г. «Состав министерства доверия,— продолжал он,— обсуждали в разные времена и в разных кругах». Но левые круги, кроме посетителей квартиры Кусковой, этим не занимались.

«Главной лабораторией (где составлялись списки «министерства доверия». — А. А.) была кадетская среда, более тесно связанная с земским, городским и торгово-промышленным кругами. Н. И. Астров, в свою очередь, вспоминает, как собравшиеся на квартире кн. Долгорукова с карандашом в руках назначали «министерство доверия». И не только там, но и в бюро партии к.-д., в Союзе городов и т. д. На запросы автора видный кадет, член кадетского ЦК Астров сообщил: «Не то чтобы составлялись списки будущего правительства, но неоднократно перебирались имена, назывались разные комбинации имен. Словом, тут работала общественная мысль; в результате этой работы слагалось общественное мнение. Получилось любопытное явление. Повсюду назывались одни и те же имена. Оказалось нечто вроде референдума».

К какому же конечному выводу пришел Мельгунов, приведя рассказы Кусковой и Астрова? «Никакого временного правительства ни в 16 г., ни в 17 г. перед революци-

ей не было выбрано,— решительно заявляет он.— Предусмотрительные общественные деятели,— критически замечает он,— оказались совершенно неподготовленными к событиям, которые наступили в марте... Когда при общей растерянности в кабинете Врем[енного] исп[олнительного] комитета 1 марта стали намечаться будущие министры, естественно было взяться за списки, ходившие уже по рукам...» В результате «старый список пополнился людьми, которых выдвигал момент». К таким случайным людям Милюков отнес Некрасова и Терещенко, считая, что они попали в министры в силу своей «особой близости к конспиративным кружкам, готовившим революцию» (цитата из «Истории» Милюкова.— А. А.). В отношении Некрасова, комментирует эту цитату Мельгунов, Милюков неправ — он фигурировал в списках. В отношении же Терещенко прав. «Но здесь действовали другие флюиды», — добавлял он, имея в виду, конечно, масонов¹.

К вопросу о том, как был сформирован первый состав Временного правительства, мы еще вернемся. Пока лишь отметим, что Мельгунов был абсолютно прав, утверждая, что никакого Временного правительства заблаговременно, до революции, образовано не было. Его не создали ни кадетско-прогрессистско-октябристские оппозиционеры, ни «Прогрессивный блок», ни земско-городская «общественность», ни,

¹ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту: заговоры перед революцией 1917 года. С. 169—178.

якоонец, масоны. Все они по части политической инфантильности стояли друг друга. А сейчас нам снова придется вернуться к Н. Яковлеву.

Пункт первый «диспозиции» уже самого Н. Яковлева гласит, что кабинет, «определенный» на совещании у супругов Прокоповича и Кусковой 6 апреля, «пополненный» лишь Керенским и Чхеидзе, встал у власти после Февральской революции. Для начала отметим, что Чхеидзе никогда не был министром Временного правительства. Он не входил ни в его первый состав, ни в последующие. Во-вторых, первый состав реального правительства и спроектированного 6 апреля отнюдь не идентичны, хотя большинство фамилий, естественно, совпадают, поскольку без конца тасовалась одна и та же колода карт (Кускова, как мы помним, сообщила Мельгунову, что и кадеты выработали аналогичный список): в составе Временного правительства, ставшего у власти, не было ни Маклакова, ни Набокова, ни тем более Лутугина, не говоря уже о Герасимове, Трубецком и Третьякове. И в-третьих, в кабинете, спроектированном 6 апреля, не было... Терещенко! Масоны, собравшиеся у Кусковой, забыли начисто не кого-нибудь, а одного из своих лидеров.

То, что там собралось масонское руководство, утверждаем не мы. Этот второй тезис Н. Яковлева так же несостоятелен, как и первый. Максимум, что можно утверждать, это то, что на собрании 6 апреля наверняка присутствовали три масона —

сами супруги и Лутугин, которого Кускова в известном нам письме объявила своим близким соратником по масонству. Больше ни одной фамилии в рассказе Кусковой не фигурирует, и Яковлев, естественно, не может знать, был ли масоном Х., затеявший весь этот сыр-бор, и являлись ли таковыми приглашенные социал-демократы. Так же он не мог заявлять, что на собрании были эсеры, поскольку Кускова говорит только о социал-демократах и кооператорах. Все, что Н. Яковлев мог себе позволить, оставаясь в пределах науки,— это предположить, что среди собравшихся были и другие масоны.

Третий тезис Н. Яковлева сводится к тому, что масоны, собравшиеся у Кусковой, водили глупого Мялюкова за нос, составив втайне от него масонский кабинет, а его сделав слепым орудием своего замысла. Но из рассказа Кусковой видно, что дело обстояло как раз наоборот: по инициативе именно **кадетов**, собравшихся на свой съезд (которого, правда, не было), приехал Х., чтобы узнать у «левых» (кто под ними разумелся, это еще надо устанавливать), какое правительство они бы хотели иметь. Последние **выполнили их просьбу**, а те в свою очередь сообщили им, что у обеих высоких договаривающихся сторон списки оказались в принципе **одинаковые**: состав проектировавшегося правительства у «левых» и у кадетов оказался одинаковым в партийно-политическом отношении — кадетско-октябристским, что признает и сам Н. Яковлев. А Кускова, в свою очередь, признала, что у них, у «ле-

вых», «воображение не шло» дальше к.-д. и октябристов. На большее у главарей масонов не хватало ни решимости, ни воображения! Иначе говоря, решительные, знающие, куда вести и как вести свою армию, масоны были такие же жалкие филистеры, как и вожди цевзовой «оппозиции». И не удивительно, поскольку они сами принадлежали к ней и совершенно не помышляли выходить за ее рамки.

Читаем дальше. И примерно через полтора десятка страниц знакомимся с новой авторской версией. На этот раз масонские козни направлены не против кого-нибудь, а против... буржуазии, т. е. против того класса, чью авторитарную диктатуру, согласно заявлению Н. Яковлева, они стремились установить, свергнув царя. «Остается добавить немного,— пишет Н. Яковлев, после того как он перед этим подробно изложил доклад начальника Главного артиллерийского управления военному министру от 2 ноября 1916 г.,— имя генерала А. А. Маниковского всегда открывало список военных, входивших в масонскую организацию. Изложенное, надо полагать, в той или иной мере отразило взгляды российского масонства на экономическое развитие страны»¹.

Читателю ничего не надо полагать в данном случае: это очередная натяжка, решительно ни на чем не основанная. Ни Маниковский не был масоном, для такого утверждения нет решительно никаких доказательств, ни тем более не существовало

¹ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914 С. 198.

какого-то списка масонов-военных, который открывался бы фамилией генерала (Керенский, как мы помним, утверждал, что вообще никаких списков не велось). Но что действительно было верно—это то, что Маниковский принадлежал к числу весьма правых генералов (императрица одно время думала даже сделать его военным министром). Он действительно не терпел буржуазию, которая бессовестно наживалась на войне, тем более ее идейных вождей — кадетов в первую очередь. Доклад, который излагает Н. Яковлев, и представлял собой проект **избавления** военной промышленности от хищников — промышленников, которые и дело делают плохо, и казну грабят беспощадно.

Иными словами, Маниковский выступает здесь полностью в унисон с царизмом, как таковым. Несколько странная позиция для масона, да еще входящего в некий зловещий для «верхов» список. К этому добавим, что критика Маниковским своекорыстия буржуазии по своей политической направленности совершенно совпадала с аналогичной критикой Маркова-2 и других ультраправых.

Чувствуя это, Н. Яковлев после цитированного нами отрывка пытается выйти из трудного положения следующим рассуждением: на смену старой власти, доживавшей последние месяцы, «как видно из доклада, шли люди решительные, конечно, не чета дряблой массе русской буржуазии. Но они не оценили той массы, которую двигал примитивный инстинкт обогащения. Последний

оказался сильнее, чем сложные планы, имевшие в виду конечное благо буржуазии и во имя его требовавшие немедленных жертв»¹. Вожди буржуазии против самой буржуазии. Такое в истории бывает. Так было частью и в России; например, кадеты и буржуазная масса, чьи интересы они выражали, не находила до Февральской революции общего языка по многим позициям, в том числе и по вопросу о вакханалии хищнической наживы промышленников, торговцев и спекулянтов за счет народа и армии. Но разница, и весьма существенная, здесь состояла в том, что кадеты были действительными представителями и выразителями интересов русской империалистической буржуазии, а царский генерал Маниковский был представителем и выразителем интересов царского режима, был сторонником не ущемленной всякими там «народными представительствами» царской власти.

В конце книги Н. Яковлев возвращается к своей центральной идее, которую он обозначил во введении: главной ставкой масонов был дворцовый заговор. Им принадлежит этот замысел, они же его собирались осуществить. Таким образом, вырисовывается и сквозной композиционный элемент задуманного труда — масоны и заговор, масоны и сверхконспирация. Но, увы, финал не оправдал надежд. Если вначале у читателя была надежда: впереди еще вся книга, то конец книги явил нам и конец надежд. Камнем преткновения для Н. Яковлева ста-

¹ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. С. 198.

ли здесь, выражаясь его словами, «громадные достижения советской историографии»¹, в число которых входит и разработка вопроса о так называемом «заговоре буржуазии», т. е. о том самом дворцовом заговоре, который автором выдается за масонский.

Наиболее обстоятельно исследовали вопрос об этом заговоре В. С. Дякин² и особенно Е. Д. Черменский³. Они сказали о нем новое слово, доказали несостоятельность имевшей широкое хождение в нашей литературе концепции «двух заговоров», показали мизерность сделанного по части «заговора буржуазии» Гучковым и прочими незадачливыми заговорщиками и, что является главным в данном случае, не нашли ни малейших масонских следов в нем, хотя, конечно, были прекрасно осведомлены о его масонской интерпретации Мельгуновым, прочитав его книгу задолго до того, как Н. Яковлев стал интересоваться русским масонством. Яковлев же и на этот раз поступает точно так, как поступал на протяжении всей книги: то, что противоречит его концепции, как бы исчезает из природы, перестает существовать. Перестали, конечно, существовать и указанные нами работы. Остается, следовательно, только Мельгунов, но и здесь мы имеем дело не с ним, а с вольной интерпретацией его слов и дел.

¹ См.: Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. С. 19.

² См.: Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны, 1914—1917. Л., 1967. С. 298—310.

³ См.: Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 238—248.

«Хотя многое точно установить невозможно,— пишет автор,— главное ясно — в последние недели самодержавия на него (заговор.— А. А.) сделали ставку масоны. По их линии, несомненно, были объединены оба заговора — гучковский и львовский. Образовались конспиративные комитеты». «Сам Гучков,— продолжает автор,— впоследствии признавал, что он подыскивал нужную для переворота воинскую часть, работая в составе «комитета трех» с Некрасовым и Терещенко. Они предложили ему как создать этот комитет, так и войти в него». Параллельно с этим комитетом существовали и другие. Так, Астров рассказывал, что Некрасов упорно, но безуспешно вербовал его стать пятым членом «пятерки», в которой уже состояли Керевский, Терещенко, Коновалов и сам Некрасов¹.

Так излагается версия Мельгунова. У самого Мельгунова она выглядит несколько иначе. На первый взгляд, писал Мельгунов, два центральных проекта заговора — львовский и гучковский — развивались независимо. Но на самом деле связь была, и «преимущественно по масонской линии»². Ни одного доказательства в пользу этого утверждения Мельгунов не приводит. Оно абсолютно голословно и представляет одно из многих «предположений и догадок», о которых он предупреждал в начале своей книги. Вместо доказательства или в каче-

¹ См.: Яковлев Н. Н. 1 августа 1914, С. 218—219.

² См.: Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту: заговоры перед революцией 1917 года. С. 180.

стве такового он на многих страницах ведет рассказ о возрождении масонства в России в начале XX в. и, лишь доведя его до 1915—1916 гг., сообщает нам о «пятерке», о которой пишет Н. Яковлев, вне всякой связи с заговорами Гучкова и Львова.

Главным доказательством существования «пятерки» у Мельгунова являются рассказы Астрова, которые кое-что «разъясняют». Войти в «пятерку» звал Астрова «интимной беседе» Некрасов осенью 1916 г. Он сказал, что в нее входят, помимо него самого, еще Керенский, Терещенко и Коновалов. Астров отказался, и пятым членом стал И. Н. Ефремов. Из всей этой «пятерки», заключает Мельгунов, только Коновалов «мог быть не масоном, но логически приходится заключать, что он принадлежал к составу масонского «ордена» 1915 г.». Таким образом, продолжает он, «наличность «пятерки» как будто бы можно считать установленной. Мысль о конспиративном центре возникла, по-видимому, еще в 15 г. ...». В доказательство идет ссылка, а затем подробный рассказ о... «Диспозиция № 1»¹.

Смысл этого неожиданного перехода от «пятерки» к «диспозиции» может быть только один: автор допускает, что между «Комитетом народного спасения» и «пятеркой» есть какая-то преемственная связь, а возможно, это одна и та же организация.

¹ См.: Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту: заговоры перед революцией 1917 года. С. 188 (подчеркнуто нами. — А. А.).

Сказать это прямо Мельгунов все же не решается, но и одного такого допущения достаточно, чтобы понять, зная теперь о том, что такое на самом деле была знаменитая «Диспозиция № 1», с какой осторожностью надо относиться ко всем его масонским умозаключениям. Его основной способ доказательств, как это он и сам невольно признает, не столько фактический, сколько логический. Кстати, его логическое доказательство возможного масонства Коновалова свидетельствует о том, что его сведения о масонах были очень неполны и отрывочны; Коновалов, как мы теперь знаем, был действительно масоном, и притом активным, а Мельгунову этот факт известен не был.

Но, если Мельгунов все-таки проявляет какую-то осторожность, прибегает к недомолвкам и предположениям, то Н. Яковлев сомнений не испытывает: по его мнению, оба заговора, гучковский и львовский, «несомненно», были объединены масонами в лице пресловутой «пятерки». При этом его утверждение, что Гучков позже признал, что, подыскивая для переворота воинскую часть, делал это в составе «комитета трех» (с Некрасовым и Терещенко, которые и предложили ему создать и войти в этот комитет), не подтверждается. Подобных заявлений Гучков никогда не делал.

Все дальнейшие доказательства Мельгунова о связи заговоров Гучкова и Львова через масонов выглядят очень своеобразно. Он приводит примеры политической активности Некрасова и Коновалова, совер-

шенно не связанной с заговорами, и делает отсюда еще один «логический» вывод: раз они были радикально настроены и проявили энергичную деятельность, значит, принимали участие и в заговорщической деятельности¹. Некрасов и Терещенко действительно суежились и носились с идеей заговора, тому есть свидетельства. Но нет ни одного доказательства, что они что-то сделали конкретное в этом отношении, и уж совсем нет никаких данных, что они были координаторами Гучкова и Львова, тем более что «заговор» последнего вообще очень сомнителен, скорее всего, это еще один миф, которых было так много в то бурное время.

Нельзя отнести к числу научных и дальнейшие доказательства Н. Яковлева. Так, в частности, он приводит рассказ Шульгина о том, что к нему в январе 1917 г. пришел некто Н. и начал «зондировать» по части того, «о чем воробьи чирикали за кофе в каждой гостиной, т. е. о дворцовом перевороте». Шульгин отказался, и Некрасов на этом отбыл. Он не назвал имени зондирующего, но «то,— добавляет Н. Яковлев от себя,— был, конечно, Некрасов»². Этот рассказ взят Н. Яковлевым из известной книги Шульгина «Дни», в которой тот действительно ведет речь о Некрасове. Рассказ этот широко использован в литературе до Н. Яковлева в качестве одного из

¹ См.: Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту: заговоры перед революцией 1917 года. С. 192—195.

² Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. С. 219.

доказательства, что идея дворцового заговора овладела чуть ли не всей оппозиционной «общественностью» в конце 1916 — начале 1917 г. Именно к этому и сводится смысл этой сценки, описанной так живо Шульгиным. Но делать на основании этого рассказа вывод, что Некрасов явился к Шульгину для переговоров в качестве полномочного представителя объединенной заговорщической фирмы Гучков—Львов, ни один серьезный исследователь, конечно, не будет, потому что Шульгин не дает для этого никаких оснований. Все, что можно сказать по этому поводу,— это то, что Некрасов приходил для зондажа. А приходил ли он только по собственной инициативе, или за ним стоял еще кто-нибудь, можно только предполагать, не более.

Наше предположение сводится к тому, что ни Гучков, ни Львов к этому визиту никакого отношения не имели и о нем не знали. Во-первых, потому что, как мы уже писали выше, никакого объединенного заговора Гучков—Львов вообще не существовало. Во-вторых, ни Гучков, ни Львов не были масонами. Тот, кто всерьез изучал политическую биографию Гучкова, его чисто столыпинское мировоззрение, глубокую неприязнь к кадетам, понимает, что он не только не был масоном, но и не мог им быть. Наоборот, он мог быть только ярким антимасоном, ничуть не уступая здесь любому черносотенцу. Для него даже князь Львов был неприемлем, а Некрасов, левый кадет, был для Гучкова в лучшем случае *persona non grata*. Это отлично пони-

мал и Мельгунов, современник Гучкова, поэтому он и не говорит ни слова в своей книге о той или иной причастности Гучкова к масонству.

Точно так же не был и не мог быть по своим убеждениям масоном и князь Львов. Это очень хорошо доказывает книга Тихона Полнера о князе Львове, ближайшим сотрудником и другом которого он был. В ней Львов предстает глубоко религиозным человеком, всерьез думавшим об удалении, во имя спасения души, в Тихонову пустынь, т. е. был по своим глубинным чувствам и настроениям **антизападником**, так сказать мистически-русским. Масонство же было явлением чисто западным, и уже этого одного было достаточно, чтобы для Львова масонство стало абсолютно неприемлемым. Как мы помним, Аронсон в своей книге вынужден был признать, что его утверждение о том, что Львов был масоном, вызвало протест, в котором говорилось, что тот не мог быть таковым именно по своим нравственно-религиозным убеждениям. Аронсон поступил с этим опровержением так, как не позволил бы себе это сделать ни один серьезный, заботящийся о своем добром имени автор: он не ответил на него ни словом. И нетрудно понять почему: у него не было никаких контраргументов.

Вот еще один аргумент Н. Яковлева. «Те, кто входил в масонскую организацию,— пишет он,— горой стали за дворцовый переворот. Они двигали заговор только в этом направлении. Меньшевики Н. С. Чхеидзе, А. И. Чхенкели, М. И. Ско-

белев, а также А. Ф. Керенский, все масоны, одобрили этот образ действия и ради его успеха делали все, зависевшее от них, чтобы парализовать развитие массового движения в стране»¹. Помимо неубедительности (у Н. Яковлева нет и не может быть, поскольку их нет в природе, ни одного факта, говорящего о том, что перечисленные им лица были хоть в какой-то степени причастны к заговору), мы обнаруживаем еще и неправомерное смешение двух разных вещей — дворцового заговора и массового движения. Совершенно очевидно, что можно быть противником массового движения и не иметь ни малейшего отношения к заговорщицким планам о дворцовом перевороте. Так оно в действительности и было.

Все перечисленные Н. Яковлевым деятели, как показывают факты, боялись и не хотели революции. Чхеидзе, о чем далее пишет Н. Яковлев, действительно просил тифлисского городского голову Хатисова передать тамошним меньшевикам — Жордания и пр. — его наказ удерживать рабочих от выступлений. Керенский, как свидетельствует В. Б. Станкевич (это место из его воспоминаний, которое цитирует Н. Яковлев, также широко используется в нашей литературе, в том числе и автором этих строк), действительно отрицательно относился к возможному народному выступлению². Но это говорит только об одном: и перечисленные меньшевики, и Ке-

¹ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. С. 219.

² См. там же. С. 219—220.

ренский превратились на деле в левый фланг думского «Прогрессивного блока» и так же, как и блокисты, считали крайне опасной и нежелательной революцию во время войны. Об участии в заговоре по масонской линии приведенные факты никоим образом не говорят.

Свой последний аргумент Н. Яковлев вновь связывает с именем Маниковского. Приведя слова Шульгина из тех же «Дней» о том, что «перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала, у нас (земцев, блокистов и т. д. — А. А.) кружилась голова и немело сердце», Н. Яковлев далее замечает: «Вероятно, так представлялось дело непосвященным (т. е. тому же Шульгину и тем же блокистам и земцам. — А. А.), но бок о бок с ними были те, кто знал, — российские масоны. Они отделивались общими фразами на многочисленных собраниях и неукоснительно хранили тайну своих планов. Нет сомнения, что только они в **правлящей верхушке России** выступали сплоченной ячейкой, имея достаточно четко проработанный замысел». И далее утверждается, что масоны планировали переход власти в руки буржуазии в форме военной диктатуры, «или, если угодно, хунты, естественно не связанной никакими законами». Кого же планировали масоны поставить во главе хунты? — ставит Н. Яковлев главный вопрос и отвечает: Маниковского. В доказательство он цитирует Мельгунова, который писал: «Вспомним, что Хатисов должен был указать на сочувствие заговору ген. Маниковского», и при-

водит свидетельство Шидловского о том, что 27 февраля 1917 г. в частном заседании Думы не кто иной, как Некрасов, предложил установить военную диктатуру во главе с популярным генералом, каковым, по его мнению, был Маниковский¹.

Слова о правящей верхушке России подчеркнуты нами: в них особый смысл. Причислить масонов Некрасова, Чхеидзе, Керенского и им подобных к правящей верхушке страны смог только Н. Яковлев. Даже сам Маниковский не принадлежал к «правлящей верхушке», ибо не оказывал на политику двора и «верхов» ни малейшего влияния. Что же касается очередной комбинации из имен Маниковского, Хатисова и Некрасова, то здесь перед нами, увы, сочинительство.

Миссия Хатисова имела место летом 1916 г., т. е. не просто задолго до 27 февраля 1917 г., а в совершенно иной политической ситуации. А главное, о чем Яковлев не может не знать, раз он читал Мельгунова, в задачу этой миссии входило пригласить к участию в заговоре великого князя **Николая Николаевича**, с тем чтобы ему, в случае успеха, передать власть и тем самым сохранить не только монархию, но и **династию Романовых**. Если такова была истинная цель масонов, то что общего она имеет с передачей власти из рук царизма в руки хунты? И как вообще можно объединить эти два взаимоисключающих начала: новый самодержавный или полусамодер-

¹ См.: Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. С. 222.

жавный царь и хунта — форма власти, обычно возникающая на базе свержения законного правительства?

Что же касается свидетельства Шидловского, то это всего-навсего еще один пример полной растерянности оппозиционных масонов и немасонов — Некрасова и Милюкова, Керенского и того же Шидловского и иже с ними перед лицом народной революции, сметавшей царизм и угрожавшей тем же в ходе своего дальнейшего развития, как они все это достаточно хорошо понимали, всем этим горе-спасителям России. Каждый предлагал свои проекты спасения монархии, остановки революции на рубеже «ответственного министерства», которые тут же отметались как совершенно неосуществимые и запоздавшие. К числу таких прожектов, не проживших и часа, надо отнести и предложение Некрасова, политический вес и роль которого в оппозиционной думской и земской среде, не говоря уже о масонской, Н. Яковлев непомерно преувеличивает. Каждый хватался за свою соломинку — вот все, к чему в конечном итоге свелась вся грозная как для царизма, так и для революции в изображении Н. Яковлева деятельность русских масонов.

Глава 4

МАСОНЫ И ОБРАЗОВАНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

К Некрасову в книге «1 августа 1914» вообще особое отношение. Он один из главных героев повествования. Заклю-

чение книги еще более это подтверждает: здесь уже Некрасов выступает в качестве главного козыря автора в его усилиях доказать тайную и зловещую роль масонов, ту «страшную опасность, которую представляли для судеб Отчизны замыслы буржуазии»¹. С удовольствием отметим, что на этот раз Н. Яковлев имеет в своем распоряжении действительный, реальный козырь, в отличие от тех, которые мы подвергли рассмотрению. Более того, это реальный вклад в науку, который состоит в том, что автор впервые ввел в научный оборот выдержки из двух показаний Некрасова, которые представляют определенную научную ценность.

Но вот надежды Н. Яковлева на то, что свидетельство Некрасова явится последним сокрушающим ударом по скептикам, не желающим признавать масонского могущества накануне и в ходе Февральской революции, он явно не оправдывает. Посмотрим, к чему сводятся показания Некрасова. Первое его свидетельство относится, судя по всему, к началу 20-х гг. Некрасов начинает рассказ со своих разногласий с Милюковым и руководимым им большинством кадетской партии в годы войны. Милюков настаивал на примирении с властью, а он, Некрасов, — на продолжении оппозиционной тактики. Эти разногласия увеличились настолько, что Некрасов вышел из президиума кадетской фракции в Думе, отошел от думской работы и цели-

¹ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. С. 226.

ком посвятил себя работе в Земгоре. Это продолжалось больше года. Только в конце 1916 г., когда отношения Думы и правительства обострились, его кандидатура, «как резко оппозиционная», была выдвинута на место товарища председателя Думы, каковым его и застала Февральская революция.

Рост революционного движения в стране, объяснял далее Некрасов, к концу 1916 г. заставил призадуматься даже таких защитников гражданского мира, как Милюков, и других вождей думского блока. Под давлением земских и городских организаций произошел сдвиг влево. Если еще недавно требования Некрасова в ЦК кадетской партии «ориентироваться на революцию» встречались ироническим смехом — «теперь дело дошло до прямых переговоров земско-городской группы и лидеров думского блока о возможном составе власти, «на всякий случай». Впрочем, представления об этом «случае» не шли дальше дворцового переворота, которым в связи с Распутиным открыто грозили некоторые великие князья и связанные с ними круги». Предполагалось, что царем будет провозглашен малолетний Алексей, регентом — Михаил, министром-председателем — князь Львов, а министром иностранных дел — Милюков. «Единодушно все сходились на том, чтобы устранить Родзянко от всякой активной роли».

Параллельно этому курсу со ставкой на дворцовый переворот, объединившему в один лагерь, согласно Некрасову, великих

князей, «Прогрессивный блок» и земгородские круги, развивался и набирал силу другой блок, делавший ставку на революцию. «Рядом с этими верхами буржуазного общества,— сообщал далее Некрасов,— шла оживленная работа и в кругах, веривших и жаждавших настоящей революции. В Москве и Петрограде встречи деятелей с.-д. и с.-р. партий с представителями левых к.-д. и прогрессистов стали за последние перед революцией годы постоянным правилом. Здесь основным лозунгом была республика; а важнейшим практическим лозунгом — «не повторять ошибок 1905 года», когда разбитая на отдельные группы революция была по частям разбита царским правительством. Большинство участников этих встреч (о них есть упоминания в книге Суханова) оказались важнейшими деятелями февральской революции, а их предварительный сговор сыграл, по моему глубокому убеждению, видную роль в успехе февральской революции»¹.

Таково содержание первого показания Некрасова. Как же комментирует его Н. Яковлев? «В сущности то, о чем тогда говорил Некрасов, являлось перефразом самых популярных книг о России тех лет. Причем он правильно расставлял акценты, поносил Милюкова и не уставал подчеркивать, что сам, во всяком случае, имеет революционные заслуги — боролся с монархией. Образно говоря, он описал верхушку

¹ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. С. 228—229 (подчеркнуто нами.— А. А.).

айсберга политической деятельности своих единомышленников, остальное пока оставалось скрытым»¹.

Это заключение свидетельствует прежде всего о том, что для Н. Яковлева остается скрытым ряд важных вещей, имевших место в описываемый им период. В противном случае его оценка показаний Некрасова не была бы столь пустой и бессодержательной. К тому же она и на этот раз содержит порцию прямого вымысла. В самом деле, «разоблачать» Некрасова, доказывая, что он не был революционером,— это значит ломиться в открытую дверь. Что касается «верхушки айсберга», то трудно понять, что, собственно, имеется в виду: то ли указание Некрасова, что великие князья замыслили дворцовый заговор, то ли частые встречи левых кадетов и прогрессистов, с одной стороны, и социал-демократов и эсеров — с другой. Относительно же «самых популярных книг о России тех лет», «перефразом» которых являются «рассказы» Некрасова, то мы, каясь в своем невежестве, скажем, что таких книг не знаем, и было бы очень интересно узнать, что здесь конкретно автор имел в виду.

На самом же деле показания Некрасова представляют собой гораздо более хитрое и тонкое сплетение лжи и правды, чем это подано в книге Н. Яковлева. Он действительно был умным человеком. Это признает и Милюков, который Некрасова, как и

¹ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. С. 229.

ряд других членов кадетского ЦК, терпеть не мог, считая интриганом и двурушником. Сам Некрасов подтвердил свою такую репутацию и на этот раз. Ум его выразился в тонкой незаметной подтасовке, которую неспециалисту невозможно заметить.

Не соответствует действительности уже первая фраза Некрасова о том, что он оказался в разногласии с Милюковым и др. «с первых дней войны». На самом деле вся кадетская партия, **включая и Некрасова**, с полным одобрением и энтузиазмом встретила речь Милюкова на «исторической» однодневной сессии Государственной думы 26 июля 1914 г., в которой он заявил, что во имя общей победы над врагом кадетская партия прекращает свою оппозиционную деятельность против правительства, не ставя перед ним никаких условий. Разногласия Некрасова начались (вернее, возобновились, поскольку они имели место и до войны) с Милюковым и ниже с ним значительно позже, в 1915 г., в связи с весенне-летним отступлением царской армии. Действительно, Некрасов, будучи левым кадетом, вступил в серьезный и затяжной конфликт с кадетским ЦК, вышел из его состава, прекратил работать в думской фракции и перенес свою деятельность в Москву, где находились центральные органы земского и городского союзов. Это полностью соответствует истине. Впрочем, Некрасов забыл упомянуть, что в 1915 г. и Милюков покончил с гражданским миром и призвал партию к оппозиционной борьбе, что и было сделано. Некрасов же отодви-

гает переход Милюкова на оппозиционные рельсы чуть ли не к концу 1916 г., причем прямо об этом не говорит, но строит свой контекст так, что для другого толкования просто не остается места.

Некрасов утверждает, что причиной «сдвига влево» Милюкова и К^о было давление земских и городских организаций. Это тоже неверно. Подлинной причиной были объективные условия, сложившиеся в ходе войны: развал экономики страны и распутинщина, с одной стороны, углубление революционного кризиса — с другой. По этой же причине левели и земгоровцы. Разница была лишь в том, что где-то к концу 1916 г. они заняли несколько более левую позицию, чем «Прогрессивный блок» и Милюков, продолжавшие настаивать на лозунге «министерства доверия», в то время как «общественники», включая и часть **московских кадетов**, стали уже требовать с разной степенью решительности «ответственного министерства». Что же касается состава власти «на всякий случай», то этим занималась **вся оппозиция**: и петроградская, и московская, и Милюков, и Некрасов, но не благодаря усилиям последнего, а под влиянием того же хода вещей, который воспринимался и правыми и левыми оппозиционерами, начиная от Шульгина и кончая Керенским и Чхеидзе, совершенно одинаково — как преддверие апокалиптической развязки всеобщего хаоса и разрушения государства.

Свидетельство Некрасова о том, что «некоторые великие князья» и связанные с ни-

ми круги «открыто грозили» дворцовым переворотом, планируя возвести на престол Алексея при регентстве брата царя Михаила, премьером сделать Львова, а министром иностранных дел — Милюкова, полностью не соответствует действительности. Ни один великий князь не помышлял об этом. Они все, в том числе и «храбрец» Николай Николаевич, были для этого слишком ничтожны. Этот рассказ Некрасова перекликается с известным нам письмом Кусковой к Вольскому, в котором она утверждала, что среди масонов была куча «князьев и графьев», которые с ней, Кусковой, были заодно.

Так же сознательно и тонко соединяет Некрасов правду с ложью, когда говорит о московско-петроградских встречах левых кадетов и прогрессистов с социал-демократами и эсерами. Утверждение, что участники этих встреч были якобы сторонниками революции и республики, по крайней мере в отношении кадетов и прогрессистов, является стопроцентной выдумкой. Сам Некрасов был весьма далек тогда от этой идеи — он был таким же сторонником конституционной монархии, как и его недруг Милюков. Он стал республиканцем, как и вся кадетская партия, только тогда, когда Февральская революция смела монархию, показала, что возврат к ней больше невозможен.

Впрочем, верный своей собственной хитрости, Некрасов прибегает к одной уловке, которая оставляет ему возможность в случае нужды с достоинством отступить от

«революционного» рубежа к тривиально оппозиционному. Хитрость эта спрятана в словах о горячем стремлении не повторять ошибок 1905 г., когда «отдельные группы революции» дали себя разбить по частям. Смысл этого заявления состоит в том, что революция 1905 г. потерпела поражение потому, что революционеры отмежевывались от либералов, а если бы они выступали вместе, революция бы победила. Этот аргумент был главным у Милюкова, когда он хлопотал по части создания «Прогрессивного блока». Последний, по его многочисленным разъяснениям в собственной партийной среде, и является реальным и важным шагом по преодолению этой ошибки. Некрасов, несмотря на всю свою левизну, был таким же горячим сторонником этой идеи (так же как и «Прогрессивного блока», который он оценивал как великое политическое достижение своей партии), как и вождь кадетской партии. Разница лишь в том, что Некрасов не хотел «повторять ошибок 1905 г.», укрепляя свой союз с правым флангом, а Милюков настаивал на том, что нельзя забывать и левый, под которым он разумел «революционеров» типа Керенского и Чхендзе.

Что же касается последней фразы о том, что большинство участников этих встреч оказались важнейшими деятелями Февральской революции, а их «предварительный сговор» сыграл, «по глубокому убеждению» Некрасова, «видную роль в успехе Февральской революции», то здесь перед нами **явный** намек на важную роль,

которую эти участники сыграли в формировании первого состава Временного правительства, о чем у нас речь впереди, и глухой намек на то, что они были масонами. Здесь Некрасов действительно приоткрывает нам верхушку айсберга, и, если именно это имеет в виду Н. Яковлев, мы с ним полностью согласны.

Второй рассказ Некрасова, как сообщает Н. Яковлев, относится уже к 30-м гг. В нем, если судить по приведенным автором обширным выдержкам, речь идет почти исключительно о масонах, другими словами, масонский айсберг предстает перед нами уже в полном объеме. И, увы, несмотря на это, а вернее, благодаря этому несостоятельность концепции Н. Яковлева подчеркивается еще сильнее. Тот, на кого он больше всего рассчитывал, меньше всего его выручает.

Что же нам поведал Некрасов? Он был принят в масонство в 1908 г. ложей под председательством графа А. А. Орлова-Давыдова на квартире М. М. Ковалевского. Ложа эта, политического характера, была сначала французской ложей «Grand Orient de France», но уже с 1910 г. русское масонство отделилось и прервало свои связи с заграницей, создав свою организацию «Масонство народов России». В 1909 г., для того чтобы избавиться от «опасных по связям с царским правительством» и просто нечистоплотных людей, «организация была объявлена распущенной и возобновила свою работу уже без этих элементов (князь Бебутов, М. С. Маргулиес — внос-

ледствии глава белого «северо-западного правительства»)). Новая организация была строго законспирирована и состояла из лож по 10—12 человек. «Во главе стоял верховный совет, выбиравшийся на съезде тайным голосованием, состав которого был известен лишь трем особо доверенным счетчикам. Председателям лож был известен только секретарь верховного совета, таким секретарем был я в течение 1910—1916 гг.». Организация имела печатный устав, зашифрованный в книжке под названием «Итальянские угольщики 18 столетия» в издании Семенова.

«Масонство народов России», так Некрасов называет масонскую организацию, сразу поставило себе боевую политическую задачу: «бороться за освобождение родины и за закрепление этого освобождения». Имелось в виду не допустить повторения ошибок 1905 г., когда прогрессивные силы раскололись и царское правительство легко их по частям разбило. «За численностью организации не гнались, но подбирали людей морально и политически чистых, а кроме и больше того, пользующихся политическим влиянием и властью». По его, Некрасова, подсчетам, к кануну Февральской революции «масонство имело всего 300—350 членов, но среди них было много влиятельных людей. Показательно, что в составе первого временного правительства оказались 3 масона — Керенский, Некрасов и Коновалов, и вообще на формирование правительства масоны оказали большое влияние, так как масоны оказались во всех

организациях, участвовавших в формировании правительства». Организация была надпартийной — в нее входили члены «разнообразных» партий, «но они давали обязательство ставить директивы масонства выше партийных». «Народнические группы» были представлены Керенским, Демьяновым, Переверзевым, Сидамом-Эристовым, который был исключен в 1912 г. по подозрению в связи с азефщиной. Меншевики и близкие к ним группы «имели» Чхеидзе, Гегечкори (правильно — Гегечкори. — А. А.), Чхенкели, Прокоповича, Кускову. Из кадетов были Некрасов, Колюбакин (правильно — Колюбакин. — А. А.), Степанов В. А., Волков Н. К. и «много других». Среди прогрессистов «отмечу» Ефремова И. Н., Коновалова А. И., Орлова-Давыдова А. А. «Особенно сильной» была украинская организация, которую возглавляли барон Ф. Р. Штейнгель, Григорович-Борский (правильно — Барский. — А. А.), Василенко Н. П., Писаржевский Л. В. «и ряд других видных имен до Грушевского включительно».

Далее следует абзац, который, на наш взгляд, является самым важным во всем рассказе Некрасова: «...переходя к роли масонства в февральской революции, скажу сразу, что надежды на него оказались крайне преждевременными, в дело вступили столь мощные массовые силы, особенно мобилизованные большевиками, что кучка интеллигентов не могла сыграть большой роли и сама рассыпалась под влиянием столкновения классов. Но все же некото-

рую роль масонство сыграло и в период подготовки февральской революции ...когда оно помогло объединению прогрессивных сил под знаменем революции».

«Незадолго до февральской революции,— продолжал Некрасов,— начались и поиски связей с военными кругами. Была нашуплена группа оппозиционных царскому правительству генералов и офицеров, сплотившихся вокруг их и Гучкова (Крымов, Маниковский и ряд других), и с ними завязана организационная связь. Готовилась группа в с. Медыха, где были большие запасные воинские части, в полках Петрограда... и другие». Когда началась Февральская революция, всем масонам был дан приказ встать на защиту сперва Временного комитета Государственной думы, а затем Временного правительства. «Во всех переговорах об организации власти масоны играли закулисную, но видную роль. Позже, как я уже указывал выше, начались политические и социальные разногласия, и организация распалась. (Допускаю, однако, что взявшее в ней верх правое крыло продолжало работу, но очистилось от левых элементов, в том числе от меня, объявив нам о прекращении работы, т. к. к этому приему мы и раньше прибегали.)».

Н. Яковлев указывает, что Некрасов «еще и еще раз подчеркивал сверхконспиративный характер организации». Многие попытки проникнуть в нее «пресекались с порога». Так, например, Некрасов свой рассказ о попытке польских масонов связаться с ними закончил следующими сло-

вами: «Но мы на это не пошли», так как представитель польских масонов «был связан с французскими масонами, среди которых было много агентов охраны»¹.

Таков этот рассказ. С первого взгляда видно, что в нем много общего со свидетельством Оболенского. Но есть различия и новые моменты. К вопросу о фиктивном самороспуске организации с целью очиститься от подозрительных людей, вроде Бебутова и Маргулиеса, и связи с французским «Великим Востоком» мы еще вернемся, а сейчас остановимся на главном: работает ли рассказ Некрасова на масонскую концепцию Н. Яковлева или же, наоборот, развеивает ее? Нет никаких сомнений в правильности второго ответа.

Совершенно ясно и определенно, как и в первый раз, Некрасов заявляет, что главной целью масонской организации было осуществление все того же лозунга — «не повторять ошибок 1905 г.», не допустить раскола «прогрессивных сил», т. е. реализация главной тактической линии Милюкова в военные годы. То, что Некрасов повторяет эту мысль спустя многие годы, служит лишним подтверждением, что так все оно и было. Но отсюда следует, что не масоны стояли над всеми буржуазными партиями, в том числе и над кадетами, а, наоборот, они были орудием последних, одним из механизмов осуществления милюковской идеи, смысл которой состоял в захвате гегемонии в освободительном движе-

¹ Яковлев Н. Н. | августа 1914, С. 230—232.

ния, с тем чтобы не допустить революционного, предлагавшегося большевиками пути «освобождения родины» и «закрепления этого освобождения». В этой связи уместно вспомнить известное нам письмо Кусковой Вольскому, которому она, в числе прочего, сообщала также, что Милюков знал о существовании их масонской организации и время от времени давал ей поручения, которые та и исполняла.

О дворцовом заговоре, главной цели масонов, по уверениям Н. Яковлева, у Некрасова вообще нет речи как в первом, так и во втором случае. Только в конце своего рассказа он сообщает, что лишь незадолго до Февральской революции «начались» поиски связей с военными кругами — с Крымовым, Маниковским и др. Но из этого с непреложностью следует, что оба эти генерала, в том числе Маниковский, которого, как мы помним, Н. Яковлев характеризовал как масона № 1 в военной среде, не были масонами. В противном случае зачем было искать с ним связь, да еще под занавес событий, предшествовавших революции: Некрасов бы просто получил соответствующее задание по части заговора от масонского руководства задолго до кануна Февраля. Во-вторых, сам этот факт поисков связей изложен Некрасовым намеренно туманно и непонятно: была нащупана группа офицеров и генералов, «сплотившихся вокруг их и Гучкова». Вокруг каких «них»? Истинный смысл этой невнятицы состоит, по-видимому, в том, что Некрасов хотел «примазаться» к Гучкову по части завязывания этих связей. Гучков действи-

тельно имел широкие связи и пользовался определенным авторитетом в офицерской и генеральской среде, которые и определили его известные контакты с Крымовым и другими военными. Некрасов же здесь был совершенно ни при чем. Но даже если поверить ему, что он был столь же причастен к поискам этих связей, как и Гучков, то и это обстоятельство не колеблет вывода о том, что к дворцовому заговору масоны как организация не имели отношения. Какая-то причастность Некрасова и Терещенко к подготовке, а точнее, к болтовне о заговоре была как бы их личным делом, и не более.

Некрасов очень настаивал на том, что масонская организация вовлекла в свои ряды прежде всего таких членов, которые, помимо высокого нравственного ценза, пользовались **политическим** влиянием и властью. Очевидно, имеется в виду влияние и власть в правительственных сферах, если не в самом правительстве, в противном случае эта фраза просто не имеет смысла. Но ни одного такого лица, пользующегося властью и влиянием, в числе довольно обширного перечня названных им фамилий он не привел. И не мог привести, даже если бы захотел, по той простой причине, что их не было. Это свидетельство Некрасова, как и уверение Кусковой, что среди масонов «графьев и князьев» было навалом, не заслуживает доверия.

Чувствуется, что Некрасову явно хочется сделать своих масонов позначительней, по-solidней, но это ему плохо удастся. Поэтому он стал особенно подчеркивать то, что подчеркивали и Н. Яковлев, и В. И. Старцев:

масоны сыграли большую роль если не в революции, то в формировании Временного правительства. Он особенно подчеркивает, что в первом его составе были три масона — Керенский, Некрасов и Коновалов. Это действительно реальный факт, но из него вовсе не следует, что они попали туда именно благодаря усилиям масонской организации, а не по другим причинам, не имеющим к масонству никакого отношения. Понимая это, Некрасов уверяет, что во всех переговорах об организации власти масоны, хотя и действовали закулисно, тем не менее играли в них видную роль. Но, как увидим дальше, это утверждение более чем сомнительно.

Зато настоящей сенсацией для Н. Яковлева, весьма неприятной, является утверждение Некрасова, что во Временном правительстве было всего три, а не пять, как считает последний, министров-масонов. Некрасов не упоминает в этой связи не только князя Львова, но и **Терещенко!** А уж кому как не ему, одному из масонских руководителей, да к тому же соратнику Терещенко по Временному правительству, было знать, кто масон, а кто не масон.

Все усилия исследователя показать масонское всемогущество в итоге оказались ненужными.

Сам Некрасов, так же как и Оболенский, фактически признает в конце своего рассказа, что надежды на масонов «оказались крайне преждевременными»; когда наступила революция, в дело вступили такие силы, что «кучка интеллигентов» не сыграла никакой значительной роли и вся масонская

организация «рассыпалась под влиянием столкновения классов». Более того, когда в масонской организации начались разногласия (о которых так выразительно писал Оболенский), то ее левая часть, включая и самого Некрасова, была просто изгнана отсюда. Это значит, что большинство ее составили деятели не типа Некрасова, а кадеты типа Шингарева. Правое крыло «очистилось от левых элементов», заявив о роспуске организации. Некрасов допускает, что это, возможно, был фиктивный роспуск. Но, как свидетельствует Оболенский, дело обстояло иначе — партийные связи оказались намного сильнее масонских, и организация просто распалась. Так что свое обязательство «ставить директивы масонства выше партийных» масоны явно не выполняли, если, конечно, такое обязательство вообще давалось, в чем мы не совсем уверены.

Помимо рассказа Некрасова, Н. Яковлев приводит еще свидетельство кадеты Л. А. Велихова, депутата IV Думы. «В 4-й Государственной думе, — сообщил Велихов, — я вступил в так называемое «масонское объединение», куда входили представители от левых прогрессистов (Ефремов), левых кадетов (Некрасов, Волков, Степанов), трудовиков (Керенский), с.-д. меньшевиков (Чхеидзе, Скобелев) и которое ставило своей целью блок всех оппозиционных партий Думы для свержения самодержавия»¹. Таким образом, Н. Яковлев ввел в научный оборот еще один документ, за который мы должны ему быть

¹ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. С. 234.

признательны, хотя, к сожалению, он не датирован и неизвестно, что это такое — воспоминания, письмо или что-либо другое. Новым в свидетельстве Велихова являются два момента, которые надо отметить: 1) другое название масонской организации, чем оно дано у Некрасова и Оболенского; 2) заявление, что целью масонов было свержение самодержавия. Последнее в свете всего изложенного нет просто надобности опровергать: несостоятельность его очевидна. Что касается названия, то мы пока возьмем это на заметку.

Такие факты не укладываются в концепцию Н. Яковлева. Тем не менее и после свидетельства Некрасова о том, что Терещенко не был масоном, он по-прежнему числит его в одной масонской компании с Керенским, Коноваловым и Некрасовым¹, а несколько выше рассказывает о личной беседе с 96-летним Шульгиным, в ходе которой тот заверил автора книги, что «организация (масонов. — А. А.) была весьма серьезная», хотя перед этим на вопрос Н. Яковлева: чего масоны добивались? — честно ответил, что «не был посвящен», но зато припоминает «удивительные слова» кадета и масона В. А. Маклакова, которые он однажды, еще в кулуарах III Думы, раздраженный очередной скандальной выходкой Пуришкевича, «громко» сказал ему, Шульгину: «кабак», а потом, «понижив голос», добавил: «Вот что нам нужно: война с Германией и твердая власть». «Вы (т. е. Н. Яковлев. — А. А.), —

¹ См.: Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. С. 237.

заключает после этого Шульгин, — делайте выводы...»¹

Какие выводы сделал Н. Яковлев еще задолго и помимо беседы с Шульгиным, нам уже известно. Но автор задал почтенному старцу еще один вопрос: «...скажите, правли я, когда считаю, что в правившем лагере за кулисами четко обнаружилась тенденция к правой автократии?» Обращаем внимание читателя на специфическую формулировку вопроса: Н. Яковлев спрашивает о стремлении к автократии «в правившем лагере», а не в масонском. Мы думаем, что даже Н. Яковлев не скажет, что масоны уже правили в это время, они, по Н. Яковлеву, как мы помним, собирались еще только править автократическим образом, да так и не собрались.

Старик дал ответ, как свидетельствует Н. Яковлев, не сразу, а подумав, пожевав бескровными губами и погладив седую с желтизной бороду. Ответ сводился к одному слову: «наверное». И дальше шло рассуждение в пользу этого «наверное»: власть слишком дорогая вещь, чтобы ее делить между партиями, а люди, о которых говорит Н. Яковлев (масоны), «были кремень и, раз схватив власть, ее бы не уронили». О каких конкретно людях говорил Шульгину Н. Яковлев, мы не знаем. Отметим потому лишь два момента: Шульгин не согласился с Н. Яковлевым, что у масонов «главным» был Некрасов, таковым был, по его мнению, скорее Маклаков (и далее идет приведенный

¹ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. С. 234.

нами рассказ о реакции Маклакова на выступление Пуришкевича). Маклаков же принадлежал к числу самых правых кадетов; он вел неустанную борьбу на протяжении всего третьейюньюнского периода, и в годы войны в особенности, с курсом Милюкова, казавшимся ему слишком левым. Уже в эмиграции он выступил с резкими нападками на Милюкова, обвиняя его и кадетскую партию в том, что они сыграли на руку революции, борясь с властью в то время, когда с ней надо было не бороться, а сотрудничать, несмотря на распутинщину и т. п., на чем он, Маклаков, все время настаивал, но, увы, его не послушались. И вот этого человека Шульгин считает тем человеком — «кремнем», который, «схватив» власть, ее бы уже не выпустил.

Что касается второго момента, то зачем, спрашивается, Шульгину было гадать и предполагать: ведь «кремни» реально «схватили» власть в феврале 1917 г., а не предположительно, и очень хорошо показали, чего они стоят по части этой самой кремневой прочности. Но есть еще и третий момент в этой беседе Н. Яковлева и престарелого Василия Витальевича, который очевиден: худо дело у того, кто прибегает к подобного рода аргументам. Непозволительно выдавать за важное открытие реплики человека, для которого разговор о масонах был совершенно неожиданным (к тому же, как это видно из беседы, он решительно ничего не знал о них).

И. И. Минин по поводу этого рассказа Н. Яковлева о его беседе с Шульгиным со-

слался на М. Касвинова, который также, но несколько позднее беседовал с Шульгиным. На вопрос о масонах Шульгин ответил: «Никакой я тут не свидетель. Масонов не видел, с ними не встречался, что за люди — не знаю... Что болтуны они были и шуты гороховые, пялили на себя дурацкие колпаки, это еще у Толстого показано»¹.

Со своей стороны автор этих строк может сообщить, что он тоже встречался несколько раз с Шульгиным и беседовал с ним на равно интересовавшие нас обеих темы, связанные с борьбой «Прогрессивного блока» и земско-городской оппозиции с правительством и придворными кругами в драматические 1915—1917 гг. Ни о каких масонах Шульгин, естественно, речи не заводил по той простой причине, что он о них ведать не ведал, слышать не слышал.

Теперь, как нам представляется, наступил момент для того, чтобы выполнить свое обещание: показать, как было в действительности сформировано Временное правительство. Ведь, в конце концов, единственный действительно серьезный аргумент как у Н. Яковлева, так и у В. И. Старцева в пользу того, что масоны сыграли — определяющую у первого, существенную у второго — роль в захвате власти буржуазией в результате Февральской революции, это первый состав Временного правительства, в котором половина министров были масонами, факт, который нельзя считать ни случайным, ни

¹ Касвинов М. Двадцать три ступени вниз. М., 1973. С. 305.

маловажным. Ему необходимо дать обоснованное объяснение. Попытаемся это сделать.

Для начала установим, кто из министров был действительно масоном. Как мы уже знаем, в источниках и в литературе по этому вопросу имеются расхождения. Если следовать за Аронсоном и Н. Яковлевым, то министров-масонов было пять из одиннадцати — князь Львов, Некрасов, Керенский, Коновалов и Терещенко. А если учесть, что председатель Совета министров Львов одновременно был и министром внутренних дел, то уже шесть из одиннадцати министерских портфелей, т. е. больше половины, находились в руках масонов. Если мы сюда еще добавим Шингарева, а мы обязаны это сделать, так как из факсимильной публикации Элькина с неопровержимостью следует, что Шингарев был членом масонской ложи «Полярная звезда»¹, то министров-масонов будет шесть с семью портфелями. В. И. Старцев называет только четырех министров-масонов — в его списке нет Терещенко. У Некрасова, как мы видим, кроме последнего, отсутствует еще и Львов, и таким образом число министров-масонов сокращается до трех. Примечательно, что ни Н. Яковлев, ни В. И. Старцев не вспомнили о Шингареве, хотя, казалось, такое пополнение списка им явно на руку. Не сделали они это, на наш взгляд, по одной причине: включение Шингарева наносит удар по идее обоих авторов о том, что министры-масоны составляли в правительстве сплоченную группу, интриго-

¹ The Slavonic & East European Review, 1966, V, 44, N 103, P. 71.

вавшую в первую очередь против Милюкова, Шингарев же был самым близким и преданным соратником Милюкова.

К отсутствию Терещенко в перечне Некрасова мы еще вернемся. Что же касается Львова, то, как уже указывалось, он масоном не был и не мог быть. Тем не менее основной аргумент Н. Яковлева и В. И. Старцева пока остается в силе: четыре министра, считая Шингарева, были действительно масонами.

Н. Яковлев и В. И. Старцев рассуждают в этой связи просто и внешне совершенно логично: кто же иной мог протолкнуть в правительство масонов, как не стоящая за ними влиятельная, тайно действующая масонская организация? Иную ситуацию просто трудно себе представить. Отдавая должное простоте этого построения, мы тем не менее вынуждены отметить один его существенный недостаток — оно не находит подтверждения в фактах. Более того, все известные науке факты, связанные с формированием Временного правительства, противоречат ему, а общие и туманные, не основанные на доказательствах рассуждения Н. Яковлева о таинственной руке масонов всюду и везде этих фактов ни заменить, ни отменить не могут.

На самом деле история первого состава Временного правительства началась задолго до февральских событий: с августа-сентября 1915 г., когда появился знаменитый лозунг помещичье-буржуазной оппозиции о «министерстве доверия». Как только раздался этот боевой клич цензовой «обществен-

ности», так тут же в разных местах и на разных уровнях стали прикидываться, обсуждаться и составляться списки будущего и скорого, как полагала «общественность», принципиально нового кабинета министров. Вспомним приведенное выше интервью Кусковой, взятое у нее Мельгуновым. Последний приводит также свидетельство Астрова о том, как собравшиеся на квартире князя Долгорукова с карандашом в руках назначали «министерство доверия». Перед этим Мельгунов подчеркнул, что «главной лабораторией», где составлялись подобные списки, была кадетская среда, тесно связанная с земским и городским союзами и торгово-промышленными кругами.

В этой связи вспомним также широко известный в литературе список министерства, опубликованный газетой Рябушинского «Утро России» 13 августа 1915 г. Таких списков было очень много. Но на сегодняшний день нам известно только пять, включая, помимо списка «Утра России», и опубликованный Мельгуновым список, составленный в квартире Кусковой. Остальные три нашел в личном фонде Николая II и опубликовал Е. Д. Черменский¹. Сравнительный анализ всех этих списков дает весьма любопытную картину.

Начнем со списка «Утра России». Н. Яковлев, конечно, выдает его за дело рук масонов, хотя газета начинает его со следующей преамбулы: «Сегодня в думских кулуарах

¹ См.: Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. С. 98. Здесь же приведен и список «Утра России».

циркулировал следующий список в состав кабинета обороны». Далее идет перечень: премьер — Родзянко, министр внутренних дел — Гучков, министр иностранных дел — Миллюков, министр финансов — Шингарев, путей сообщения — Некрасов, торговли и промышленности — Коновалов, главноуправляющий земледелием и землеустройством — Кривошеин, военный министр — Поливанов, морской — Савич, Государственный контролер — Ефремов, министр просвещения — гр. Игнатьев, обер-прокурор синода — В. Львов.

Три списка в бумагах Николая II выглядят следующим образом:

Министры	Кадетский	Октябристский	Государственного совета
Пред. Сов. миш.	Г. Е. Львов	А. И. Гучков	Щербатов
внутренних дел	Г. Е. Львов	Г. Е. Львов	В. И. Гурко
иностран-ных	Миллюков	Сазонов	Миллюков
военный	Поливанов	Гучков	Поливанов
морской	Савич	Савич	—
юстиции	Маклаков	Манухин	Манухин
народного просвещения	Игнатьев	Ковалевский	Игнатьев
обер-про-курор	В. Н. Львов	В. Н. Львов	В. Н. Львов
торговли и промышленности	Коновалов	Коновалов	Коновалов
путей сообщения	Добровольский	Немешаев	Немешаев
финансов	Покровский	Шингарев	Шингарев

Н. Яковлев и эти три варианта приписывает, конечно, масонам.

Для полноты картины снова воспроизведем список Кусковой. Председатель Совета министров — князь Львов, министр иностранных дел — Милюков, военный — Гучков, юстиции — Маклаков или Набоков, земледелия — Шингарев, просвещения — Герасимов или Мануйлов, торговли и промышленности — «не помню», либо Коновалов, либо Третьяков. На министре внутренних дел «завязали», решили кого-нибудь из земцев, министром труда — Лутугина.

Прежде всего обращает на себя внимание, что все списки, кроме последнего, представляют собой проекты коалиционного кабинета — такого, куда наряду с «общественными деятелями» входили бы и царские министры. Это очень важный факт. Все эти списки относятся к августу-сентябрю 1915 г., когда оппозиция не только не хотела своего кабинета, составленного целиком из их среды, но всячески **противилась** этой идее. И в числе главных противников были **кадеты во главе с Милюковым**, включая и часто упоминаемого Н. Яковлевым масона Некрасова, не говоря уже о масоне Шингареве. Нам нет необходимости подробно останавливаться на этом факте, отметим только вслед за Е. Д. Черменским, что это было обусловлено **страхом буржуазии перед ответственностью власти, «властебоязнью»**, как выразился Е. Д. Черменский¹.

¹ См.: Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. С. 82—85.

В списке Кусковой царских министров уже нет, и это легко объяснимо. Он был составлен в 1916 г., когда идея коалиционного кабинета уже полностью обанкротилась не только в радикальном крыле оппозиции, к которому принадлежала Кускова и ее окружение, но и в земско-городской среде.

Вторая важная особенность этих списков состоит в том, что все до единого кандидата в министры из общественной среды в партийном отношении не выходили за рамки «Прогрессивного блока», начиная от фракции «центра» (В. Н. Львов) и кончая кадетами. Не только в 1915, но и в 1916 г., как отметила Кускова, воображение не шло дальше кадетов и октябристов.

Наконец, третьей характерной чертой этих списков является тот факт, что, несмотря на варианты, объясняемые как политическими, так и личными мотивами, костяк имен, принадлежавших к «общественности», определился сразу, и совершенно твердо. Это в первую очередь оба Львова, Гучков, Милюков, Коновалов, Шингарев. Не будет ошибкой, если мы, учитывая обострение обстановки в стране и процесс «левения» оппозиции, прибавим сюда и Некрасова, итого — семь человек. Вне всякого сомнения: в других, не дошедших до нас вариантах фигурировали фамилии Маклакова, Мануйлова и др. все в тех же пределах ограниченного октябристско-кадетского воображения. Это — то самое, о чем поведал Астров спустя ряд лет Мельгунову. Приведем его слова еще раз: неоднократно в кадетской среде,

союзе городов и т. д. перебирались имена в разных комбинациях, и «в результате этой работы слагалось общественное мнение. Получилось любопытное явление. Повсюду назывались одни и те же имена. Оказалось нечто вроде референдума»¹.

Замечено очень точно и верно. Тасовалась одна и та же колода. Такой «референдум» происходит и в среде футбольных болельщиков в наши дни, когда они составляют сборную своей страны. Хотя этих болельщиков миллионы, но тем не менее варианты сборной, которые они предлагают, не выходят из рамок примерно 30 имен, причем тренеры сборной также в основном будут исходить из этих 30 фамилий. Иными словами, состав Временного правительства был **предопределен** в своей основе задолго до 2 марта 1917 г., а изменения и дополнения, которые произошли, были обусловлены радикально изменившимися условиями. Никакого участия в этом референдуме-процессе масонская организация, как таковая, не принимала. Это было, если так позволительно выразиться, некое стихийное антиреволюционное творчество октябристско-прогрессистско-кадетских и земско-городских масс.

Точно так же масоны были в нетях и тогда, когда Временный комитет Государственной думы уже непосредственно формировал первый состав Временного правительства.

Прямые и косвенные участники этого действия оставили нам свидетельства, которых

¹ Подчеркнуто нами. — А. А.

вполне достаточно, чтобы после соответствующего анализа представить, как все это произошло. Милюков свою версию формирования Временного правительства начинает с образования Временного комитета Государственной думы, который, как известно, был создан по его предложению. «В основу этого выбора (Временного комитета.— А. А.), **предопределившего отчасти** и состав будущего министерства,— пояснял он,— положено было представительство партий, объединенных в прогрессивном блоке. К нему были прибавлены представители левых партий, частью вышедших из блока (прогрессисты), частью вовсе в нем не участвовавшие (трудовики и с.-д.), а также президиум Гос. думы». Керенский, хотя и с оговорками, согласился участвовать в работе комитета, Чхендзе отказался. Оставим на совести Милюкова зачисление прогрессистов в левую партию (отсюда вытекает, что кадеты были еще более левые) и пойдем дальше. «Намечен был даже состав будущего правительства. Из этого намеченного состава кн. Г. Е. Львов не находился в Петрограде, и за ним было немедленно послано. Именно эта необходимость ввести в состав первого революционного (!) правительства руководителя общественного движения, происходившего вне Думы, сделала невозможным образование правительства...» И далее: «Во главе первого революционного правительства, по состоявшемуся еще до переворота уговору, было поставлено лицо, выдвинутое на этот пост своим положением в российском земстве,— кн. Г. Е. Львов, мало из-

вестный лично большинству членов Временного комитета...»¹

Из приведенного отрывка видно, что еще до отречения Николая II, еще до победы революции Временный комитет, надеясь, что монархия все же уцелеет и все окончится образованием ответственного министерства, загодя прикинул его возможный состав. Словечко «даже» как раз и подтверждает, что прикидка произошла сразу же после образования Временного комитета. На этом этапе о кандидатурах Керенского и Чхеидзе речи, конечно, не было. Считалось, как и прежде, что кабинет будет образован в рамках «Прогрессивного блока».

Милюков специально и настойчиво объясняет, почему в премьеры был намечен именно князь Львов. И это не случайно. Почти до самой Февральской революции в думских и земско-городских руководящих кругах считалось само собой разумеющимся, что возглавит будущее «министерство доверия» или ответственное министерство председатель Думы Родзянко. Последний также был совершенно уверен, что именно он, и никто другой, должен стать и станет премьером «общественного» кабинета. Но где-то в конце 1916 г. руководители «Прогрессивного блока», и прежде всего Милюков, сочли, что Родзянко не годится. Неприемлемость его вначале была обусловлена чисто личными свойствами председателя Думы. По общему мнению (и это соответствовало действитель-

¹ *Милюков П. Н. История второй русской революции. Киев, 1919. Т. 1, вып. 1, С. 25—27 (подчеркнуто нами. — А. А.).*

ности), Родзянко был человеком неумным и в то же время упрямым и доминантным. Долгое время с этим мирились, поскольку казалось, что в глазах «общественности» председатель Думы — естественная и понятная для более или менее широких кругов кандидатура в премьеры. Но с течением времени несоответствие уровня Родзянко уровню событий стало уже настолько явным, что Милюков решил и убеждал остальных руководителей блока в необходимости подумать о более подходящей фигуре. Таковой, также само собой разумеющейся, как и раньше Родзянко, стал князь Львов.

И причина этого лежит на поверхности: Львов был самый известный не только в широких слоях населения, но и в армии человек. Последнее обстоятельство для руководителей «оппозиции» было особенно важно. Более популярной фигуры у нее не было. Кандидатура Львова возникла еще до революции. После же ее победы выдвижение Родзянко, богатейшего помещика и домовладельца, камергера, человека весьма правых взглядов, в премьеры «революционного» правительства, как его величал Милюков, стало просто невозможным. Отсюда видно, что выдвижение Львова в премьеры ничего общего с масонскими происками не имело. Масоны были здесь абсолютно ни при чем. Кандидатура Львова была просто предопределена ходом вещей.

Акцентирование внимания читателя на истории выдвижения Львова имеет у Милюкова глубокий подтекст. Дело в том, что Львов в качестве министра — председателя первого

состава Временного правительства вызвал глубокое разочарование как у самого Милюкова, так и у читателя, к которому он обращался. Обнаружилось, что для своей новой роли Львов оказался совершенно непригодным. Проявив себя великолепным организатором в качестве главы всероссийской земской организации и заработав на этом действительно широкую популярность, на посту премьера он все время пребывал в состоянии растерянности и беспомощности. Одним словом, с точки зрения Милюкова и К^о, выдвижение Львова оказалось ошибкой. Поскольку было широко известно, что именно он, Милюков, сыграл главную роль в переориентации с Родзянко на Львова, он и старается объяснить, что тут личной его вины нет: так сложились обстоятельства.

Однако позже кадетский лидер признался, что его терзают сомнения: правильно ли он поступил, устранив Родзянко и настояв на Львове. «В избрании Львова для занятия должности министра-председателя — и в отстранении Родзянко — деятельную роль сыграл Милюков, — писал Набоков, — и мне пришлось впоследствии слышать от П. Н., что он нередко ставил себе мучительный вопрос, не было ли бы лучше, если бы Львова оставили в покое и поставили Родзянко, человека во всяком случае способного действовать решительно и смело, имеющего свое мнение и умеющего на нем настаивать»¹.

¹ Набоков В. Д. Временное правительство — Архив русской революции. Берлин, 1922, Т. 1, С. 40.

Много лет спустя Милюков так объяснял причину своего разочарования Львовым: «Я уже упомянул о своем разочаровании — при первой встрече с кн. Львовым в роли премьера. Нам нужна была во что бы то ни стало сильная власть. Этой власти кн. Львов с собой не принес»¹. Приведенное выше свидетельство Набоков дополнил следующей фразой: «Тяжелое впечатление производило на меня (управляющего делами Временного правительства.— А. А.) и отношение кн. Львова к Керенскому... часто было похоже на какое-то робкое занскивание»².

Объективности ради отметим, что Мельгунов в своей книге пытался дезавуировать свидетельство Набокова. «Никакой деятельной роли «в избрании Львова и в устранении Родзянко» — вопреки утверждению Набокова,— писал он,— Милюков не играл»³. Однако никакими аргументами Мельгунов свое категорическое суждение не подтвердил, оно совершенно голословно. Так обстояло дело с назначением Львова.

После него Милюков сразу называет себя и Гучкова, а затем перечисляет и остальных. «П. Н. Милюков и А. И. Гучков, в соответствии с их прежней деятельностью в Г. думе, были выдвинуты на посты министров иностранных дел и военного (а также морского министерства, для которого в ту минуту не

¹ Милюков П. Н. Воспоминания (1859—1917). Т. 2. С. 326.

² Набоков В. Д. Временное правительство — Архив русской революции. Т. 1. С. 10.

³ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту: заговоры перед революцией 1917 года. С. 177.

нашлось подходящего кандидата). Два портфеля, министерства юстиции и труда, были намечены для представителей социалистических партий». Керенский согласился, Чхеидзе отказался. «Н. В. Некрасов и Н. И. Терещенко,— продолжал он,— два министра, которым суждено было потом играть особую роль в революционных кабинетах, как по их непосредственной личной близости с А. Ф. Керенским, так и по особой близости к конспиративным кружкам, готовившим революцию, получили министерства путей сообщения и финансов. Выбор этот остался непонятным для широких кругов. А. И. Шингарев, только что облеченный тяжелой обязанностью обеспечения столицы продовольствием, получил министерство земледелия, а в нем не менее тяжелую задачу — столкнуться с левыми течениями в аграрном вопросе. А. И. Коновалов и А. А. Мануйлов получили посты, соответствующие социальному положению первого и профессиональным знаниям второго,— министерство торговли и министерство народного образования. Наконец, участие правых фракций прогрессивного блока в правительстве было обеспечено введением И. В. Годнева и В. Н. Львова, думские выступления которых сделали их бесспорными кандидатами на посты Государственного контролера и обер-прокурора синода». «Самый правый» Шульгин тоже мог бы войти в правительство, но он не захотел¹.

¹ См.: Миллюков П. Н. История второй русской революции. Т. I. вып. I. С. 27.

Как видим, все кандидатуры, кроме двух, Милюковым мотивированы совершенно убедительно: кабинет был составлен, как и намечалось, в партийных рамках «Прогрессивного блока». Мотив включения Керенского и Чхендзе очевиден: исторический опыт XIX в. показывает, что буржуазия, встав у власти в результате победы буржуазно-демократической революции, тут же, не мешкая, начинает подыскивать своих Луи-Бланов. Что дело обстояло именно так, доказывается тем, что Чхендзе предложили министерство, которого не было и которое, в случае его согласия, было бы специально для него создано. Керенскому пришлось отдать министерство юстиции, которое, конечно, в других условиях было бы отдано Маклакову или Набокову, которые считались самыми видными кадетскими юридическими авторитетами. Набоков писал, что был изумлен, узнав о назначении министром юстиции Керенского, поскольку он полагал, что этот портфель будет, как и ожидалось, отдан Маклакову¹. Мелкотравчатый и тщеславный Керенский согласился войти в состав псевдо-революционного правительства, Чхендзе, который был на порядок выше своего «социалистического» союзника и в моральном и в политическом отношении, отказался.

Требуется некоторое объяснение назначение Годнева. Ни в одном из пяти известных списков его фамилия не фигурировала. Вероятнее всего, его не было и в других спис-

¹ См.: *Набоков В. Д.* Временное правительство — Архив русской революции, Т. 1, С. 15.

ках, не дошедших до нас. Но в четырех списках «Государственный контроль» вообще отсутствует. Объясняется это второстепенностью самого поста. Только в списке «Утра России» в качестве Государственного контролера назван Ефремов. Почему же все-таки предпочли Годнева, человека гораздо менее авторитетного в блоковских кругах, чем председатель думской фракции прогрессистов? На наш взгляд, это объясняется двумя причинами: в годы войны Ефремов, по мотивам, изложенным нами в специальной статье¹, возглавил борьбу против Милюкова, стремясь отколоть от него даже часть кадетской партии. В качестве основного орудия борьбы он избрал требование ответственного министерства, которое было противопоставлено «министерству доверия», рьяно защищаемому кадетским лидером. Вторая причина — выход прогрессистов из «Прогрессивного блока» 1 ноября 1916 г. под предлогом очередного отказа блока принять прогрессистский лозунг, демонстрация, которая, несомненно, также носила в основном антикадетский характер. Поскольку решающую роль при формировании Временного правительства играл Милюков, он, надо полагать, расплатился с Ефремовым за его козни.

Трудно понять, почему выпал из тележки Савич в качестве кандидата на пост министра по военно-морским делам, поскольку он фигурировал в двух списках из трех, най-

¹ См.: *Аврех А. Я. Прогрессизм и проблема создания партии «настоящей» буржуазии*// *Вопросы истории*. 1980. № 9.

денных в бумагах Николая II. Возможно, потому, что этот пост с политической точки зрения также считался второстепенным, и блокеры решили на этом основании объединить его с военным министерством. Может быть, Милюков считал, что вводить трех октябристов в кабинет многовато. А возможно, и потому, что Савича, человека откровенно правого, было неудобно вводить в «революционное» правительство. Правда, В. Н. Львов в партийном отношении стоял еще правее, но здесь решающую роль сыграло соображение о полноте блоковского представительства, а также и то, что Львов считался в Думе самым крупным специалистом по части церковных дел.

Совершенно правомерной, находящейся в рамках блоковских границ, является и кандидатура Некрасова. Действительно непонятной и немотивированной с этой точки зрения является только кандидатура Терещенко. Однако лидер кадетов совершил здесь маленький подлог, объявив «непонятными» обоих — не только Терещенко, но и Некрасова, намеренно объединив их в одно целое. Эту уловку подметил еще Мельгунов, указав, что Милюков в отношении Некрасова в своей «Истории» был неправ, поскольку тот фигурировал в списках. С Терещенко же дело обстояло именно так, как писал Милюков¹.

Вне всякого сомнения, вхождение в состав Временного правительства Терещенко

¹ См.: Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту: заговоры перед революцией 1917 года. С. 178.

в качестве министра финансов, человека до этого момента не фигурировавшего на политической сцене вообще, с точки зрения блокнистской обусловленности и т. п. было абсолютно «незаконным». Набоков писал, что назначение Терещенко было для него полнейшей «неожиданностью». И, конечно, это было неожиданным не только для него одного. Естественно, возникает мысль о какой-то другой силе, которая протолкнула его в правительство. Для Мельгунова, Н. Яковлева и В. И. Старцева вопрос ясен: без малейших колебаний они объясняют это делом рук масонов. Но возникает вопрос, почему только одного и именно его, поскольку, как мы видели, все другие, вошедшие во Временное правительство, стали министрами отнюдь не благодаря масонам. Масонская организация не имела к их выдвижению никакого отношения. Не имела она отношения и к выдвижению Терещенко. В этом нас полностью убеждает красочный рассказ Шульгина о том, как непосредственно и в какой обстановке создавалось Временное правительство. Он был не только свидетелем, но и прямым участником этого действия.

Шульгин начинает свой рассказ с того, как он 1 марта пристал к Милюкову с ножом к горлу: «...довольно этого кабака... Надо правительство. Он (Милюков.— А. А.) подумал: Да, конечно, надо... Но события так бегут... Это все равно,— возразил Шульгин.— Надо правительство и надо, чтобы Вы его составили... Только Вы можете это сделать, подумаем, кто да кто... Подумать не

дали». Тем не менее несколько позже приступили к делу. «Между бесконечными разговорами с тысячей людей, хватающих его за рукава, принятием депутатий; речами на нескончаемых митингах в Екатерининском зале; сумасшедшей ездой по полкам... Милюков, присевший на минутку где-то на уголке стола, писал список министров...»

И далее Шульгин описывает, как Милюков и остальные стали в тупик, когда дошла очередь до кандидатуры на пост министра финансов. Со всеми остальными кандидатами все обстояло просто и ясно, и здесь все было решено быстро и без всяких трений. Только с министром финансов произошла заминка, и Шульгин очень ясно и убедительно объясняет, почему это произошло. «Министр финансов?.. Да вот, видите... это трудно. Все остальные как-то выходят, а вот министр финансов... А Шингарев? Да нет, Шингарев попадает в земледелие... А Алексеенко умер... Кого же? Мы стали думать. Но думать было некогда. Надо было спешить... Мысленно несколько раз пробежав по расхлябанному морю, знаменитой «общественности» пришлось убедиться, что в общем плохо». С остальными все было более или менее ясно. «Но вот министр финансов не давался, как клад... и вдруг каким-то образом в список вскочил Терещенко». Очень мил, хорошо водит автомобиль, образован, денди, в последнее время делал «что-то» в Военно-промышленном комитете. «Кроме того, был весьма богат. Но почему, с какой благодати он должен был стать министром финансов?»

«Так, на кончике стола,—закключал Шульгин,— в этом диком водовороте полусумасшедших людей родился этот список из головы Милюкова, причем и голову эту пришлось сжимать обеими руками, чтобы она хоть что-нибудь могла сообразить. Историки в будущем, да и сам Милюков, вероятно, изобразят это совершенно не так: изобразят как плод глубочайших соображений и результат «соотношения реальных сил». Я же рассказываю, как было»¹.

Шульгин, конечно, неправ, когда иронизирует по части соотношения сил и прочего. Исходили из обусловленных кандидатур, и сам он это подтверждает своим рассказом о Терещенко. Совершенно очевидно, что заминка с министром финансов произошла случайно: кандидата номер один на этот пост — Шингарева — Временному комитету пришлось срочно «бросить» на обеспечение продовольствием столицы — это повлекло за собой и назначение его на пост министра

¹ Шульгин В. В. Дня. Белград, 1925. С. 210—211, 223—224, 226—227 (подчеркнуто нами.—А. А.) Шульгин оказался прав. Гессен свидетельствует, что на его «недоуменный» вопрос, как Терещенко, «никому не известный чиновник при императорских театрах, сын миллионера», оказался министром финансов, Милюков отвечал: «Нужно было ввести в состав правительства какую-нибудь видную фигуру с юга России» (Гессен Н. В. В двух веках. Жизненный отчет. С. 217). Несостоятельность этой версии очевидна хотя бы потому, что никакой такой видной фигурой с юга Терещенко не был. Все его знали и представляли именно таким, каким он выглядел в глазах Гессена. Несомненно, Милюков все это придумал позже для себя: не мог же он признать, что мудрый вождь кадетской партии сделал такой явный промах, с точки зрения своих соратников и современников.

земледелия. В противном случае таковым, скорее всего, стал бы Мануйлов, считавшийся у кадетов специалистом по аграрному вопросу, а вместо него пост министра народного просвещения, вероятнее всего, занял бы Ковалевский, главный октябристский авторитет в области образования. Вторым кандидатом в министры финансов у «общественности» был, безусловно, октябрист Алексеенко, бессменный председатель бюджетной комиссии в третьей и четвертой Думах. Но, к несчастью «Прогрессивного блока» и своему собственному, он умер в самый разгар революции.

И вот, воспользовавшись затруднением, в которое попал Временный комитет в обстановке крайней усталости и спешки, кто-то из присутствовавших назвал Милюкову фамилию Терещенко. Сказал, вероятно, тихо, чтобы никто другой не слышал: Шульгин не мог понять, как это имя «вскочило» в список. Шепнуть могли либо Некрасов, либо Коновалов — друзья и соратники Терещенко. Больше было некому, поскольку Керенского на этом заседании не было. Скорее всего, это сделал Некрасов — он был человеком настырным и пройдошистым. Милюков быстро прикинул и решил: на худой конец подойдет. Подумай он иначе, и не видать бы Терещенко портфеля министра финансов, как своих ушей, ибо в тот момент слово Милюкова было действительно решающим. Впоследствии, вероятно, и сам Милюков, и Некрасов решили об этом эпизоде помалкивать. Первый — потому, что не хотел сознаться в своем промахе, а вто-

рой — потому, что Терещенко накануне Октябрьской революции резко порвал с ним.

Но самое главное здесь состоит в том, что и Терещенко нельзя записать в актив российским масонам при формировании первого состава Временного правительства по той простой причине, что он, как свидетельствует Мельгунов, **не был масоном**. Отнюдь не масонская организация, как таковая, а масон Некрасов, воспользовавшись случаем, протащил в министры своего личного друга, а не тайного кандидата тайных масонов.

По части обусловленности всех других министров Шульгин полностью подтверждает Милюкова. Констатируя, что «в общем плохо», Шульгин далее писал: «Князь Львов, о котором я лично не имел никакого понятия, а «общественность» твердила, что он замечательный, потому что управлял «Земгором», непременно въехал в мильюковском списке на пьедестал премьера... Итак, Львов — премьер... Затем министр иностранных дел — Милюков, это не вызывало сомнений. Действительно, Милюков был головой выше других и умом, и характером. Гучков — военный министр. Гучков издавна интересовался военным делом, за ним числились несомненные заслуги... Шингарев как министр земледелия тоже был признанным авторитетом... Прокурор святейшего синода? Ну, конечно, Владимир Николаевич Львов. Он такой «церковник» и так много что-то обличал с кафедры Государственной думы... С министром путей сообщения было несколько хуже, но все-таки оказалось, что инженер Бубликов... «явно прогрессист», — подходит.

Но вот министр финансов не давался, как клад¹.

Как видим, аргументация у Шульгина, если исключить иронию, та же, что и у Мялюкова. По странной забывчивости Шульгин перепутал Некрасова с Бубликовым.

Что же остается после всего сказанного от масонской концепции Н. Яковлева? Фактически ничего. Масонские экзерциции Аронсона—Каткова — своего рода образец белоэмигрантской и буржуазной исторической литературы. По сравнению с ними Мельгунов — образец научной объективности, хотя и ему отнюдь не чужды подтасовки, необоснованные домыслы, а порой и явная недобросовестность. И тот и другой далеко ушли от их предшественника по части грубой фальсификации, сопряженной с профессиональной несостоятельностью.

Мы уже приводили примеры по этой части, говоря о сочинении Аронсона. Было обращено внимание на его неумение или нежелание отметить и объяснить противоречия в приведенных им источниках, уход от ответа на вопросы там, где этот уход для добросовестного исследователя недопустим, и т. д. Для полноты картины проиллюстрируем тенденциозность и некачественность сочинения этого автора еще двумя-тремя примерами.

Чтобы крепче было, Аронсон в число масонов зачисляет бывшего директора департамента полиции А. А. Лопухина, известного тем, что он разоблачил Азефа. Более

¹ Шульгин В. В. Дни. С. 224—226.

того, всю историю этого разоблачения он объявил делом рук масонов. В качестве главного доказательства Аронсон сослался на то, что встреча члена ЦК эсеров Аргунова, нелегально приехавшего из Парижа в Петербург для встречи с Лопухиным, была устроена на квартире Е. Е. Кальмановича не кем иным, как А. И. Браудо, который был масоном. «Как мог А. И. Браудо... — торжествующе восклицает автор, — еврейский общественный деятель, устроить эту встречу? Только по масонской линии. И хотя в упоминаемых эпизодах (речь идет о статьях Бурцева и Аргунова в книге, посвященной памяти Браудо. — А. А.) масоны ни разу не называются, совершенно очевидно, что Лопухин и Браудо были связаны по линии масонства. Иначе даже нельзя понять этот эпизод, в котором скромный общественник — еврей Браудо мог располагать непосредственным контактом с главой политической полиции»¹.

Как видим, вместо конкретных доказательств — вариации на тему: а что могло быть иначе? На самом же деле все было иначе. Начать с того, что Лопухин в 1908 г., когда происходила указанная встреча, был таким же частным лицом, как Браудо и Кальманович. Он был, как теперь бы выразились, снят со своего поста в 1905 г., притом без пенсии, и поступил на службу в Соединенный банк. Более того, еще в 1906 г., вскоре после ухода, он выступил в прессе

¹ Аронсон Г. Россия накануне революции: Исторические этюды. Монархисты, либералы, масоны, социалисты. С. 113—114.

с разоблачением о печатаемых в департаменте полиции погромных прокламациях, а его зять, С. Д. Урусов, **кадет**, повторил эти разоблачения в своей речи в I Государственной думе. Политические настроения Лопухина в 1908—1909 гг. были таковы, что он подумывал о вступлении в кадетскую партию. Этого уже одного достаточно, чтобы понять, что Лопухин действовал не под влиянием масонов, а по собственному внутреннему побуждению.

В качестве второго аргумента в пользу того, что Лопухин был масоном, Аронсон ссылается на то, что тот на суде отказался «по соображениям нравственного свойства» назвать двух лиц, которых он ознакомил со своим письмом к Столыпину с просьбой оградить его от угроз департамента полиции, узнавшего о его намерении разоблачить Азефа. Третье и последнее доказательство, которое приводит Аронсон, — это ссылка еще на одно место из показаний Лопухина на суде. Объясняя мотивы своего разоблачения, Лопухин заявил: «...выступил так в исполнение долга каждого человека не покрывать молчанием гнуснейшее из преступлений, к числу которых относятся совершенные Азефом»¹. Иными словами, по Аронсону, элементарная человеческая порядочность, несовместимая с предательством и выдачей, равно как и убеждение, что провокаторы типа Азефа — опасное и гнусное явление, требующее однозначной реакции

¹ Аронсон Г. Россия накануне революции: Исторические этюды. Монархисты, либералы, масоны, социаллисты. С. 114.

со стороны мало-мальски честного и понимающего человека, даже если он выходец из того круга людей, которые культивируют политическую провокацию в борьбе с революционным движением, — все это доступно только масонам, а обычные смертные, не масоны, до таких моральных высот подняться не способны.

Знакомство со статьями Бурцева и Аргунова в сборнике, посвященном Браудо, показывает, что сочинительство Аронсона относительно масонской подоплеки дела Лопухина самого дурного свойства. В этом может убедиться всякий, кто прочтет их. Из них с полной очевидностью следует, что масонством тут и не пахнет, а все дело было в случае — в давнем личном знакомстве Бурцева и Аргунова с Браудо и Кальмановичем, а тех — с Лопухиным, с которым Кальманович жил в одном доме¹.

Очень показательной для оценки объективности и доказательности сочинения Аронсона является его ссылка на воспоминания Андрея Белого. Объясняя свои переживания в годы первой мировой войны, Белый писал: «В созерцании этого зрелища я и стал «мистиком», ибо я пережил свой полон, как «мистический» заговор неведомых «оккультистов», отравляющих своей эманацией все; прикоснешься утром к поданной чашке чая, отравленной «ними», и — ка-

¹ См.: Браудо А. И. 1864—1924: Очерки и воспоминания. Париж, 1937. С. 93—95, 99—101. См. также: Дело А. А. Лопухина в особом присутствии правительствующего сената: Стенографический отчет. Спб., 1910. С. 20—21, 25, 28.

менеешь от ужаса. Ужасы капитализма осознавал и всегда; но теперь я пережил эти ужасы с новой, прямо-таки сумасшедшею яркостью, как нечто, направленное на меня лично: и не совсем верил я, будто ужасы эти — механический результат социального строя; мне виделся заговор; чудилось: нечто крадется со спины, виделся почти «лик», подстерегающий в тенях кабинета; и слышался почти шепот: — я, я! Я — гублю без возврата!»

Пропустим несколько таких же бредовых строк и приведем еще один отрывок, продолжающий первый. «Есть еще, стало быть, что-то, присевшее за капитализмом, что ему придает такой демонский лик; мысль о тайных организациях во мне оживала; об организациях каких-то капиталистов (тех, а не этих), вооруженных особой мощью, неведомой прочим, заработала мысль о масонстве, которое ненавидел я; будучи в целом неправ, кое в чем был я прав; но попробуй заговорить в те годы о масонстве как темной силе с кадетами! В лучшем случае получил бы я дурака: какие такие масоны? Их — нет... Теперь, из 1933 г., — все знают: Милюков, Ковалевский, Кокошкин, Терещенко, Керенский, Карташев, братья Астровы, Баженов, мрачивший Москву арлекинадой «кружка», т. е. люди, с которыми мне приходилось встречаться тогда или позднее, оказались реальными деятелями моих бредей, хотя, вероятно, играли в них жалкую, пассивную роль; теперь обнаружено документами: мировая война и секретные планы готовились в масонской кухне, припахи кух-

ни я чувствовал, переживая их как «окультурный» феномен»¹.

И вот этот больной бред крайне возбудимого поэта-мистика, намеки, догадки, галлюцинации Аронсон выдает в качестве одного из доказательств действительности и силы масонской организации в России в годы первой мировой войны.

Войдя в фальсификаторский раж, Аронсон решил подключить к масонам, большевиков, посвятив этому сюжету специальный раздел: «Большевики и масоны». На вопрос о том, были ли среди масонов большевики, вещает он, «следует ответить положительно». Почему же? Доказательство первое: Н. Д. Соколов, «всегда тяготевший к большевикам и находившийся с ними в связи, был масоном». Доказательство второе: «Можно предполагать», что И. И. Скворцов-Степанов «был также масоном». Больше доказательств нет. Сам автор признает: «И тут следует поставить точку». Но тем не менее точку не ставит, а продолжает: «Сейчас мы задержим внимание читателя на эпизоде, относящемся к периоду до первой мировой войны, в котором замешан Ленин и который имеет некоторые признаки, дающие возможность отнести его к масонству». И далее Аронсон, в подтверждение этой возможности, ссылается ни много ни мало на одну из публикаций в «Вопросах истории КПСС». Эта публикация в третьем номере журнала за 1957 г. принадлежит

¹ *Белый Андрей*. Между двух революций. Л., 1934. С. 315—316 (подчеркнуто нами.— А. А.).

М. В. Стешовой. В ней приводится ответ В. И. Ленина на письмо Яковлева, в котором тот рассказывает о своей встрече с неким буржуазным деятелем о его рассуждении о возможности сотрудничества с большевиками. Письмо Яковлева не приводится, только пересказывается публикатором в некоторых местах, фамилия деятеля не приводится (Ленин величает его «экземпляр»), но такого автора, как Аронсон, этим не смутить. «И независимо от того, — пишет он, — подозревал ли Ленин, что инициатива «встреч» идет из масонских кругов (да и знал ли он что-нибудь о масонах), — можно допустить, что попытка, о которой рассказывает Яковлев в своем письме Ленину и которая встретила положительное отношение Ленина, была акцией масонов»¹.

С Аронсоном нам еще придется иметь дело. Что же касается Каткова, то даже американские историки и советологи не желают компрометировать себя солидарностью с таким заведомым фальсификатором и дурным сочинителем². Н. Яковлев пытается откреститься от Каткова тем, что награждает его, по выражению Е. Д. Черменского, «нелестными эпитетами», но как

¹ Аронсон Г. Россия накануне революции: Исторические этюды. Монархисты, либералы, масоны, социалисты. С. 130—133; Вопросы истории КПСС. 1957. № 3. С. 176—177 (подчеркнуто нами. — А. А.).

² См.: Минц И. И. Метаморфозы масонской легенды. С. 119. За более подробной критикой Каткова автор отсылает читателя к работам Ю. И. Игрицкого, Г. З. Иоффе, Б. Марушкина, Г. Иоффе и П. Романовского, указанным в статье И. И. Минца.

это может удаться, если, как справедливо констатирует тот же Е. Д. Черменский, он «почти дословно позаимствовал» у Каткова его версию о «масонском заговоре»¹.

Более того, Н. Яковлев достаточно энергично защищает Каткова на страницах своей книги от... советолога Лакера. Приведя его слова: «Предположение о том, что масоны коллективно сыграли важную роль в революции, не разделяется большинством специалистов по советским делам», он парирует их следующим образом: «Но и Лакер решительно ничего не доказал, не отношение к войне и миру в 1917 г. отличало масонов от других в правящем классе, водораздел проходил не там, масонов объединяло стремление взять власть в руки буржуазии, частью которой они и являлись. Все остальное было сферой тактики»². Как видим, Н. Яковлев уходит от ответа на прямой вопрос, подменяя его другим.

Подчеркивание своей классовой позиции, с тем чтобы откреститься от Каткова, помочь Н. Яковлеву не может, ибо метод исследований и Каткова, и Н. Яковлева ненаучен.

Читатель вправе предъявить претензию: версия Н. Яковлева вас не устраивает, какова же ваша собственная? Попытаемся дать свое объяснение.

Появление в России масонских лож где-то в 1908—1910 гг. было несомненной ре-

¹ См.: Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. С. 9.

² Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. С. 17.

акцией части буржуазной интеллигенции на поражение революции и воцарение в стране столыпинского режима, причем реакцией трусливой и приспособленческой. Люди, искренно считавшие себя хотя и не революционерами, но левыми и демократами, а на самом деле дюжинные либералы, также искренно себя обманывали, полагая, что, становясь масонами, они не прекращают, а лишь видоизменяют борьбу за «свободу». Массонство соблазняло их (а также оправдывало) тем, что центр тяжести переносился на тайную деятельность в смысле смены прямых действий закулисными ходами, привлечения влиятельных в эшелонах власти людей («графьев и князьев»), воспитания «братства», идей справедливости и пр. Кроме того, те, кто были, скажем, кадетами и прогрессистами, могли дополнительно оправдывать себя в собственных глазах и тем, что они по-прежнему остаются в партийных рядах, а участие в масонском движении лишь дополняет и помогает их основной политической деятельности. Что же касается беспартийных членов лож, то здесь, на наш взгляд, едва ли не определяющим мотивом вступления был чистый снобизм. Не подлежит сомнению, что масонское поветрие совершенно не коснулось тех, кто стоял правее прогрессистов и кадетов: в числе масонов не было ни одного октябриста.

Более или менее близка, по-видимому, к истине и названная Некрасовым цифра в 300—350 человек. Вероятно, наряду с ложами, так сказать, широкого профиля, бы-

ли созданы и думская, и журналистская, и, возможно, другие ложи, организованные по профессиональному признаку. Несомненно, помимо столиц, имелись ложи в некоторых провинциальных городах, например в Киеве.

Главный вопрос и по трудности, и по значению, который возникает перед исследователем в свете имеющихся материалов, это вопрос о том, была ли одна масонская организация, объединенная одним руководителем, или их было две, как свидетельствует Кускова, настаивая на том, как и Некрасов, что их организация не имела ничего общего с традиционными масонскими ложами французского происхождения? На наш взгляд, была все-таки одна организация.

Прежде всего обращает на себя внимание расхождение в показаниях членов второй, якобы не связанной или порвавшей с первой, организации относительно времени ее возникновения. Кускова явно имеет в виду 1905—1906 гг., и нет сомнения, что она (и на это уже обращалось внимание) по старости лет путала масонов с «Союзом освобождения». Некрасов датой окончательного разрыва с прежним, французским масонством называет 1910 г., объясняя это необходимостью очиститься не только от морально нечистоплотных, но и опасных по своим связям с царским правительством людей, таких, как князь Бебутов и М. С. Маргулиес. С этой целью, свидетельствует он, масонская организация в 1909 г. была объявлена распущенной, но на деле

взамен нее в следующем году была создана новая. Забегая вперед, скажем, что Некрасов здесь подменяет одну историю другой. Как будет показано в другом месте, разрыв масонов с указанными двумя лицами имел другой характер и не был связан с процессом выделения в особую организацию, сознательно порывающую с французским «Великим Востоком», как уверял Некрасов¹.

Мельгунов же упорно настаивает на 1915 г. как на дате рождения отличной от прежней масонской организации. Это свидетельство для нас столь же обязательно, как и предшествующее, потому что Мельгунов в данном случае выступает не как историк, а как осведомленный современник: его самого звали в эту организацию².

На наш взгляд, более точной датой будет 1912 год. Как Ихсандзе и Гальперн, так и Керенский и Оболенский называют именно этот год. Мельгунова, по-видимому, не столько подвела память, сколько неверное умозаключение: раз его, Астрова и других звали в эту ложу именно в 1915 г., значит, тогда она и возникла. На самом же деле она, по-видимому, просто повысила в это время свою активность, что было вполне объяснимо, учитывая такие события, как образование «Прогрессивного блока» и закрытие царским правительством, несмотря

¹ См.: Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. С. 230.

² См.: Мельгунов С. П. На путях к дворцовому переизбору: заговоры перед революцией 1917 года. С. 185.

на протесты последнего и всей ценизовой общественности, сессии Думы.

То, что новая масонская организация появилась где-то в 1912 г., а не раньше и не позже, также вполне объяснимо. Объединяющим стимулом для части либералов и оппортунистов от «социализма» послужили разочарование в III Думе, пятилетняя деятельность которой по части «реформ» окончилась полным провалом, и новый мощный революционный подъем.

Отметим, однако, что звали Мельгунова, а также Астрова в эту безритуальную организацию вполне старые, традиционные, ритуальные масоны: В. П. Обвинский (член кадетского ЦК, покончил самоубийством в 1916 г.—А. А.), Н. Н. Баженов, С. А. Балавинский¹. Следует в связи с этим обратить внимание и на то, что Некрасов порвал с Бебутовым и Моргулясом вместе с М. М. Ковалевским, князем Орловым-Давыдовым и им подобными, т. е. в одной компании с традиционными масонами.

В отличие от других, указывал Мельгунов, это была чисто политическая организация. «Так, по крайней мере, мне ее изображали входившие в нее члены. Как чисто политическая, эта организация считалась правовеерными масонами ложей «нерегулярной», т. е. не зарегистрированной по статуту»².

Иными словами, правовеерные масоны сознательно создали «незаконную» ложу, при-

¹ См.: Мельгунов С. Л. На путях к дворцовому перевороту: заговоры перед революцией 1917 года. С. 185—186.

² Там же, С. 186. (подчеркнуто нами.—А. А.).

дав ей исключительно политический характер. Незаконность состояла в том, что ее создание не было санкционировано «Великим Востоком Франции». Как уже указывалось, на какие бы течения ни разбивалось всемирное масонство, для всех их бесчисленных толков и направлений существовал и существует и поныне один общий закон: всякая новая ложа считается истинно масонской только в том случае, если она создана с согласия и уполномочия вышестоящей масонской организации. В противном случае она для масонов просто не существует. В этом и заключается смысл словечка «нерегулярная». Это была ложа, созданная в нарушение основного масонского правила.

Кто же ее создал и кто в нее вошел? И здесь Мельгунов дает вполне определенный ответ. «Итак, — писал он дальше, — целью ее как будто было политическое объединение. Кто входил в основной кружок? Это трудно точно восстановить, так как масоны 15 года и по сие время скрывают свое участие, сохраняя «клятву» о конспирации. Но шила в мешке не утаишь. Секрет полишинеля, что в центре были как Некрасов и Терещенко, принимавшие столь близкое участие в организации дворцового переворота, так и Керенский, о котором почти не приходилось еще говорить (в 1915 г. — А. А.), так как левый фланг русской общественности — социалистический — стоял в стороне от непосредственного участия в заговоре»¹. Из послед-

¹ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту: заговоры перед революцией 1917 года. С. 187.

них слов видно, что базой объединения, по Мельгунову, поглощенному своей «заговорщической» концепцией, была идея заговора. Но в данном случае это не имеет значения. Главное состояло в том, о чем говорилось выше: масоном Некрасовым и др. была образована псевдомасонская ложа совместных политических действий с «социалистическим», эсеро-меньшевистским, флангом русской общественности.

Спрашивается, почему же «новое масонство» избрало еретический путь своего становления, тогда как совершенно доступен был правоверный способ появления на свет божий? Несмотря на войну, получить санкцию из Франции было не так уж трудно. А кроме того и скорее всего, право учреждения новых лож было дано «Великим Востоком» какой-нибудь возникшей под ее эгидой ложе, скажем, столичной «Полярной звезде» или даже отдельным масонам высших степеней. Такой порядок также входил в правила масонской игры.

Это подтверждает и Мельгунов. «Маклаков, не скрывающий своего участия в более ранних масонских ложах, рассказывал мне, что, узнав от Кедрина о возникших в 15 году ложах, он не отказывался, как посвященный в соответствующие степени, открыть ложу, согласно закону. Но формально ложа открыта все-таки не была»¹.

Вероятно, тем же мотивом они руководствовались, потребовав доступа в организацию не только мужчинам, как это принято у на-

¹ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту: заговоры перед революцией 1917 года. С. 187.

стоящих масонов, но и женщинам. Скорее всего, прямым или косвенным «виновником» этой идеи была Кускова, роль которой и состояла в том, чтобы наводить мосты между либеральным и «социалистическим» берегом. Странно было бы не принять в организацию человека, который активно способствовал ее рождению. Не исключено, что она была единственной женщиной, вошедшей в нее. Соображением неловкости и даже некоторого стыда перед своей публикой объясняется, на наш взгляд, и то обстоятельство, что именно «социалистическое» крыло нового масонства ревностнее, чем их коллеги справа, хранило клятву молчания уже после того, когда все было давно кончено, особенно если учесть, каков был конечный результат всей этой затеи.

Кто же в таком случае воспротивился «регулярности»? Надо полагать, те, для которых эта новая ложа создавалась, — те же Керенский и Чхендзе, та же Кускова. Как-никак они все-таки были «революционерами» (по крайней мере в собственных глазах), а для революционеров прямое приобщение к такому пошлому архибуржуазному по самой своей сути предприятию, каким стало масонство в XX в., было неуместно, ибо в случае огласки это было бы расценено в революционной среде как настоящее падение. Поэтому они и выдвинули условие: никаких масонских штучек, кроме конспирации, а последняя обеспечивается клятвой; это единственное, что они согласны позаимствовать у масонов. «Нерегулярность» лож-бастарда обнаруживается и в том, что никто из ее

участников и даже руководителей не запомнил спустя годы точного названия как самой организации, так и ее высшего органа, объединяющего «регулярных» с «нерегулярными» — масонскую гвардию с масонским ополчением. Оболенский именовал этот орган «Высшим советом», Некрасов — «Верховным советом», а саму организацию — «Масонством народов России», Чхендзе же — «Союзом народов России».

Псевдомасонская форма организации была очень удобна для обеих договорившихся сторон. Во-первых, организация была внепартийной; тем самым ее участники в случае чего могли снять с себя обвинение со стороны своих партийных единомышленников в предательстве, несанкционированных шагах и т. д. — масонство было их личным делом. Во-вторых, такие же удобства она создавала и для партийных боссов — они всегда могли откреститься от нее, заявив, что ничего о ней не знали. Главное же состояло в том, что решения ее региональных и общероссийских конгрессов никого ни к чему конкретно не обязывали. Не случайно, как свидетельствует Керенский, никакой документации на этих конгрессах не велось, и дело здесь было не в конспирации, а в консультативном, информационном по своему существу характере организации. Прикидывали, на чем можно согласиться, пытались сблизить позиции и т. п. и на этом расходились восвояси.

Какую же цель преследовали кадетско-прогрессистские масоны, создав такую своеобразную организацию? Ответ нам уже известен. Показательно, что Мельгунов дает на

этот вопрос точно такой же ответ, как и Некрасов. «В 1915 г., — писал он, — явилась мысль о возрождении масонских организаций, инициатива исходила из Киева. И цель была чисто политическая, под внешним масонским флагом хотели достигнуть того политического объединения, которое никогда не давалось русской общественности. Объединение должно было носить характер «левый». В сущности, органического отношения к «уснувшему» масонству эта организация не имела, за исключением личных связей. Так, активную роль играл, между прочим, один из прежних масонов, член Думы Некрасов. В организацию, по моим сведениям, входили представители разных политических течений, до большевиков включительно»¹.

Дело обстояло именно так. Некрасов и другие хотели дополнить правый «прогрессивный» блок левым. Разница была лишь в том, что первый был главным и явным, а второй — вспомогательным и тайным, чтобы не мешать Милюкову вести свою «прогрессистскую» игру в Думе, не рассорить его с союзниками справа, которые могли просто взорвать блок, если бы узнали, что кадеты как партия ведут одновременно политическую игру с Чхеидзе и Керенским, которые для них были абсолютно неприемлемы. Второй блок Некрасов с киевлянами создавал на случай «неожиданного», революционного, развития событий.

Поскольку псевдомасонский блок был «ле-

¹ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту: заговоры перед революцией 1917 года. С. 185.

вым», естественно, что главную роль в нем со стороны кадетов стали играть левые кадеты — Некрасов и его друзья киевляне. Утверждению Мельгунова, что инициатива новой организации исходила из Киева, можно верить. Дело в том, что по ряду причин, о которых здесь нет нужды говорить, киевская кадетская организация весь период между двумя революциями находилась в оппозиции к кадетскому ЦК, занимая более левые позиции, чем он. Нередко столкновения между киевлянами и кадетской верхушкой на конференциях и VI съезде кадетской партии в феврале 1916 г. принимали довольно резкий характер. Недаром Некрасов в своих показаниях так хвалит масонов-киевлян. Сам Некрасов также был левым кадетом и на базе своей левизны в 1915 г. вышел из ЦК, занял особую позицию в думской фракции и практически полностью переключился на земскую работу. Прогрессировавшее левение Некрасова, его «республиканизм» и послужили причиной его разрыва с кадетским руководством, завершившегося, правда, уже после Февральской революции.

Неприязнь Милюкова, Шингарева и др. к Некрасову была давней и глубокой. Неудивительно поэтому, что Некрасов обрел новых политических друзей в лице Коновалова, Терещенко, Керенского. Не исключено, что именно нежеланием следовать курсом Некрасова объясняется внезапный отказ в 1916 г. Оболенского, правоверного кадета, от своей прежней руководящей роли в новомасонской организации, как он сам пишет об этом, не называя причин.

В заключение необходимо ответить еще на два вопроса. Чем, во-первых, объяснить совершенно непонятную нервную реакцию Кусковой и Керенского на известное нам замечание Милюкова в его воспоминаниях о неблагоприятной деятельности против него Некрасова, Терещенко и Коновалова на базе их масонской общности. Как нам представляется, причиной волнения служил тот факт, что вождь кадетов имел в виду их козни против него не до и во время Февральской революции, а после нее, когда вся троица вошла в состав Временного правительства. Объясняется это тем, что в эмиграции Милюков снова завоевал позиции идейного лидера, причем не только либеральной, но и в значительной мере радикальной части русской политической эмиграции. Поэтому его осуждение деятельности Керенского наносило последнему и его политическим друзьям определенный морально-политический ущерб.

Что дело обстояло именно так, подтвердил сам Керенский. Как мы помним, он договорился с Кусковой, что даст свои объяснения в книге, которую он тогда еще только собирался писать. Это как раз та книга, которую мы уже цитировали, опустив пока начало и конец его объяснений по части масонства. Теперь мы их процитируем. Начал он, как мы помним, с фразы, что он не хотел писать о русском масонстве, но его вынудили изменить свое решение некоторые «разоблачения», появившиеся в последние годы в русской и нерусской печати по части масонов. Что же его конкретно в этих разоблачениях не устраивало? То, как они связывают «па-

дение монархии и формирование Временного правительства с тайной деятельностью лож». В силу этого «в интересах исторической истины» он считает «своим долгом опровергнуть эту абсурдную интерпретацию великих и трагических событий, которые привели к величайшему повороту русской истории...». Как же на самом деле обстояло дело? «Существует миф, — писал Керенский после того, как дал уже известную нам характеристику масонской организации, — который принимается как факт хулителями Временного правительства, что загадочная тройка масонов навязала свою программу правительству вопреки общественному мнению.

В действительности ситуация в России и задачи, которые стояли перед страной, обсуждались людьми, которые не старались конкурировать друг с другом, а руководствовались единственным желанием найти лучшее решение»¹.

Обращает на себя внимание, что и Керенский, как и Некрасов, говорит о тройке масонов, тогда как Милюков писал о **четырех**. Разумеется, они оба (Керенский и Некрасов) лучше, чем Милюков, знали, кто из министров Временного правительства был масоном, а кто не был. Таким образом, Керенский подтверждает показание Некрасова о том, что Терещенко масоном не был.

Что же касается игры в прятки Милюкова со словом «масон», то тут приходится только

¹ *Kerensky A. Russia and History's Turning Point*. P. 86—89 (подчеркнуто нами — А. А.).

гадать. Может быть, потому, что он знал о «нерегулярности» нового масонства, а возможно, и потому, что решил пощадить Коновалова, который в эмиграции стал его близким политическим единомышленником. Но в любом случае это всего лишь мелкая деталь, не имеющая серьезного значения.

Второй вопрос связан определенным образом с первым. Почему, спрашивается, Кускова и Керенский так настаивали на сохранении тайны своей организации под совершенно несостоятельными предложениями, тогда как на самом деле она целиком уже стала достоянием истории? По-видимому, в истории все дело. Они боялись предстать перед ней в смешном виде, а это непременно произошло бы, если бы они подробно рассказали, чем занимались и кто входил в эту секретную организацию, в деятельности которой на самом деле не было не только ничего секретного, но и чего-либо значительного.

Результаты и финал деятельности «лево-масонской» организации были просто жалкими. Да и как могло быть иначе? Сам факт избрания такой формы союза левых либералов и правых «революционеров» для борьбы с царизмом означал на деле отказ от этой борьбы, бегство от нее. Единственное, на чем согласились высокие договаривавшиеся стороны, был тезис о том, что во время войны революция непримемлема. Таков был действительный «республиканизм» новых масонов.

Встав на путь масонства, Чхендзе, Скобелев, Соколов, Керенский и др. сами приговорили себя перед историей. Масонство XIX в.

уже ничего не имело общего с прогрессом, свободомыслием и пр., как это было некогда в некоторых странах. Карбонарский дух на него, как и дух лекабризма, выстрелел давным-давно. Основные составляющие современного масонства — это давняя традиция, снобизм, благотворительность, наивный идеализм, неблаговидное политиканство и просто жульничество. Подлинно прогрессивный человек, если он не чужак и не бегущий от жизни человек, вряд ли изберет для своей деятельности масонскую ложу. Керенский и Чхеидзе ее избрали. Избрали в годы острейшего революционного кризиса, когда решалась судьба страны на столетия вперед. Финал закономерен.

Часть II МАСОНЫ И ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ

Глава 5 МАСОНЫ ВЫХОДЯТ НА СВЯЗЬ

Точка, поставленная перед этим, могла бы стать последней, если бы не один вопрос: а как же департамент полиции? Неужели вездесущая охранка не подозревала, что у нее под носом, на протяжении без малого десяти лет, создавала центральные органы и периферийные ячейки, созывала региональные и всероссийские съезды, налаживала межпартийные контакты и т. д. организация, одно название которой должно было привести департамент полиции в крайнее возбуждение, ибо слово «масон» было для него даже более страшным, чем «революционер». В. И. Старцев таким вопросом не задается, Н. Яковлев же ставит его на первых страницах своей книги, но... с единственной целью доказать, что идти в архив, именуемый сокращенно ЦГАОР СССР, где хранится фонд департамента полиции (ф. 102), не нужно. Главным аргументом для обоснования этой ненужности служит история с неким князем Д. О. Бебутовым, очень красочно рассказанная автором на страницах его книги.

«Обстоятельства основания лож «Северная звезда», «Возрождение» и других,— пишет Н. Яковлев,— носили определенно коми-

ческий характер, не говоря уже о том, что охранка прекрасно знала о происходившем и даже попыталась завести подпольское масонство. Движение масонов в это время было связано с именами петербургского адвоката М. С. Маргулиеса и пресловутого князя Д. О. Бебутова». Далее идет характеристика последнего. «Изрядно потасканный, преждевременно постаревший в великосветских салонах фат Бебутов с возникновением партии кадетов предложил ей свои услуги, вознамерившись пройти в Центральный комитет к.-д.». Узнав, что кадеты хотят создать свой партийный клуб, «он со слащавой обходительностью навязал 10 тысяч рублей». Пораженные либералы «остолбенели»: откуда такая большая сумма? «Острословы» решили, что он украл их у своей богатой жены. Деньги пустили в дело, и «одиннадцать лет лидеры кадетов вели душевные разговоры в клубе, основанном и на бебутовские деньги».

За князем, продолжает свой рассказ Н. Яковлев, значилась «масса лихих поступков». «То, что он самовлюблен и глуп, было видно невооруженным глазом». Но налицо была и «неслыханная политическая дерзость». Бебутов «со смаком» ругал царя, надел за границей и провез в Россию альбом злых карикатур на Николая II, украсил ими свою квартиру, продолжал жертвовать деньги и т. д. Все же в ЦК кадеты Бебутова не взяли, «усложнив его» депутатским местом в Думе от своей партии. После Февральской революции «выяснилось», что князь был агентом охранки, щедро ссужавшей его

деньгами, на которые, помимо прочего, был основан кадетский клуб. Бебутов не выдержал разоблачения, «старика хватил удар, и он умер».

Но и это еще не главное. «Поразительная история кавказского князя имеет прямое отношение к нашему рассказу. В разгар своей деятельности Бебутов соблазнял кадетов и перспективами, которые откроет перед ними масонство. Он не преуспел, ибо П. Н. Милюков отличался складом ума холодным и рассудительным. На все предложения — и не только Бебутова — завести еще масонскую ложу он, посверкивая пенсне, отвечал просто и внушительно: «Пожалуйста, без мистики, господа!» Узнав о заключении приват-доцента Милюкова, именовавшего себя профессором, великие умы в охранке, все же уважавшие ученость, решили, что масонство — пустой номер, и потеряли к нему всякий интерес, как и сам Милюков... Промахнулись как сыск, так и знаток отечественной истории»¹.

Вот как все просто, дорогой читатель. Провокатор Бебутов доложил куда надо, что вождь кадетской партии не интересуется масонством, и охранка, «уважавшая ученость», поверила Милюкову, а поверив, масонством не стала заниматься — сыск «промахнулся» вместе с Бебутовым, и, следовательно, идти на Большую Пироговку, где находится здание архива, нет никакой надобности.

Пойдем, однако, по порядку. Ложа «Се-

¹ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914, С. 5—7 (подчеркнуто нами. — А. А.).

верная звезда» называлась «Полярная звезда». Как создавались эти первые ложи в Петербурге и Москве, нам уже известно из публикации Элькина. Ничего комического в ней мы не обнаруживаем. Охранка, заявляем это со всей ответственностью, и ниже это будет подробно показано, решительно ничего не знала об образовании двух указанных Н. Яковлевым лож, равно как и других подобного рода. Мы отвергаем и суждение Н. Яковлева о том, что та же охранка пыталась завести полицейское масонство, так же как и характеристику, данную Н. Яковлевым князю Бебутову и его деятельности. На самом деле он понятия не имеет ни о том, был ли князь в действительности «язрядно потасканным», ни о том, принимали ли его в великосветских салонах, ибо об этом нигде нет никаких сведений. Откуда автор взял, что князь был фатом, тоже неизвестно. Говорить о его самовлюбленности и глупости у автора также нет никаких оснований.

Бебутов действительно дал 10 тысяч рублей на кадетский клуб, и злые языки, подозревавшие князя в сотрудничестве с охранкой, утверждали на этом основании, что именно она дала ему эти деньги. Как мы документально установили, эти домыслы совершенно не соответствуют действительности.

Кстати заметим, что клуб существовал не одиннадцать лет, как считает Н. Яковлев, а всего два года: с воцарением столыпинской реакции он был закрыт. Из-за границы Бебутов привез не альбом карикатур на царя, а издающую при его активном участии в Берлине книгу «Последний самодержец», при-

уроченную к празднованию 300-летия дома Романовых. Никаких денег, кроме указанных 10 тысяч, князь больше кадетам не жертвовал. Во всяком случае, об этом нет никаких данных. Не был он и депутатом Думы.

И, наконец, последнее по счету, но первое по важности: **Бебутов никогда не был агентом охраны**. Отсюда следует, что заключение Н. Яковлева о попытках князя соблазнить «посверкивавшего пейсие» Милюкова масонством с последующим осведомлением охраны о постигшей его в этом предприятии неудаче — проявление, другого определения не подберешь, его некомпетентности¹.

Князь не только не был агентом охраны, но, наоборот, был у нее на очень плохом счету. Наблюдением за ним как за неблагонадежным в политическом отношении человеком было начато еще в 1883 году.

23 февраля 1913 г. заведующий заграничной агентурой чиновник особых поручений при министре внутренних дел Красильников сообщил из Парижа директору департамен-

¹ Сведения о том, что Бебутов был агентом охраны, Н. Яковлев некритически заимствовал у Аронсона, который, не имея на этот счет решительно никаких данных, тем не менее утверждал: «Бебутов был одним из деятелей русского масонства и в 1917 году разоблачен как сотрудник департамента полиции, освещавший либеральные круги русского общества». В доказательство он ссылается на биографическую справку о Бебутове в именном указателе, опубликованном в VII томе «Падения царского режима», где о сотрудничестве Бебутова не говорится даже в намеке (см.: Аронсон Г. Россия накануне революции: Исторические этюды. Монархисты, либералы, масоны, социалисты. С. 102).

та полиции следующее. В Париж на несколько дней приезжал князь Бебутов, где имел свидание с Марком Натансоном и «частные сношения» с Лениным-Кобызовым. Цель приезда — войти в соглашение с делегацией партии с.-р. относительно проектируемого им устройства в Берлине революционного музея, в котором должно быть собрано все интересное по революционному движению с момента его зарождения (по-видимому, речь идет только о России.— А. А.). Немецкие социал-демократы готовы предоставить для этого музея бесплатное помещение, «все же остальные расходы на его устройство князь Бебутов делает из своих средств»¹. Спустя два дня Красильников послал дополнительное донесение, в котором сообщал об отъезде Бебутова в Женеву для той же цели². Прошло еще три дня, и 1 марта Красильников доложил, что 13 января на многолюдном собрании русских студентов в Берлине, где было собрано 4200 марок в кассу, предназначенную для освобождения политических заключенных, в числе других присутствовал и князь Бебутов³.

19 июня того же года Красильников дополнительно сообщил, что на описанном собрании в Берлине Бебутов пожертвовал 1000 марок. После этого он с Вяземским (?) выехал в Нерви и Сан-Ремо, на обратном пути посетил Париж и Женеву, где виделся со многими революционерами, а по возвраще-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1913, д. 9, т. 3, л. 57—57 об.

² Там же, л. 68.

³ Там же, л. 71.

нии в Берлин он посетил Бебеля, «с коим он находится в приятельских отношениях»¹.

Департамент полиции в связи с этими доносениями потребовал дополнительные сведения о Бебутове у начальника столичной охранки. В записке от 15 марта 1913 г. последний сообщил следующее. В начале 1912 г. в отделении были получены сведения, что к 21 февраля 1913 г. — дню 300-летнего юбилея царствования дома Романовых — фракция партии «Народной свободы» «предполагает выпустить в свет какое-то юбилейное издание тенденциозного содержания». В октябре 1912 г. этот замысел был осуществлен. В Берлине вышла книга под названием: «Последний самодержец. Очерк жизни и царствования Николая II», объемом в 661 страницу. Далее шла характеристика «преступного содержания» книги. В числе прочего указывалось, что в книге помещены портреты «представителей партии кадетов, в том числе князя Д. И. Бебутова, с надписью: «инициатор и председатель первого политического клуба в России — «клуба народной свободы» (к.-д.)» — и снимок пепельницы с надписью: «прославившаяся пепельница». А дальше рассказывалась история с этой пепельницей так, как она была описана в книге.

После разгона I Думы полиция жестоко штрафовала к.-д. за всякое созванное ими собрание. Адвокат Кедрин, устроивший такое собрание, был оштрафован на 1000 рублей. За невзнос штрафа его имущество было

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1913, д. 9, т. 3, л. 280.

описано и выставлено для продажи. На аукцион явился Бебутов и заплатил за продававшуюся пепельницу 1001 рубль, иначе — штраф. После этого, говорилось в книге, штрафовать стеснялись, поскольку положение администрации стало смешным.

По агентурным сведениям, «ближайшее участие» в издании книги приняли Милюков, Гессен и князь Д. И. Бебутов. Начиная с зимы 1911/12 г. Бебутов стал приобретать в большом количестве фотографии для книги в двух столичных фотомастерских. Пепельницу он принес лично, чтобы ее сфотографировали, и рассказал ее историю. Кроме того, он приносил для снимков рисунки и газеты. Служащий одной из фотомастерских опознал в предъявленной книге массу снимков, воспроизведенных с негативов этого заведения.

Одновременно со справкой Петербургского охранного отделения справку на Бебутова, во исполнение резолюции директора департамента полиции, представил ему заведующий особым отделом департамента. В ней, помимо того, что сказано в первой справке, приводятся данные о предшествовавшей деятельности князя, начиная с указанного 1883 г. В ней сообщалось, что в 1905 г. Бебутов входил в состав Петербургского городского комитета кадетской партии. В январе 1909 г. он устроил вечер на квартире известного банкира Д. Л. Рубинштейна, на котором после концерта было дано политическое обозрение, где в карикатурном виде изображались многие высшие административные лица. На вечере присутствовала почти в полном составе кадетская фракция

Думы, другие виднейшие кадетские деятели и... несколько правых. Бебутов скрыл от хозяина квартиры, что целью вечера была входная плата в пользу основанного недавно общества «Культурной борьбы с правительством». Сбор составил 4 тысячи рублей¹.

Весной 1911 г. наблюдением в столице были установлены сношения «выдающегося французского масона Шарля Лебука с Бебутовым, 82 лет (ошибка, князю в это время было 52 года.— А. А.), при котором находятся две его дочери — Варвара 25 лет и Милена 23 лет». В октябре и ноябре 1911 г. поступили сведения, что известный Бурцев все денежные средства получил от присяжного поверенного князя Давида Бебутова, «человека очень богатого, проживающего частью в С.-Петербурге, а частью в Берлине и предполагавшего выехать в Америку. Бебутов в последнее время (в 1911 г.— А. А.) разочаровался в розыском таланте Бурцева». В феврале сего года (1913 г.— А. А.) Бебутов выехал в Париж².

Все эти сведения были посланы директором департамента полиции С. П. Белецким

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1913, д. 9, т. 3, л. 73—77. Из этого видно, насколько беспочвенным является утверждение Аронсона о том, что Бебутов примерно в 1910 г. (?) издал, ввез и распространил в России, «вероятно» при содействии охраны, книгу «Последний самодержец» (Аронсон Г. Россия накануне революции... С. 117). Кто в действительности написал эту книгу, неизвестно, во всяком случае не Милюков и Гессен, как уверял начальник столичной охраны. Ходил слух, что автором ее был Обнинский, но и это не доказано.

² ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1913, д. 9, т. 3, л. 137—138.

30 марта 1913 г. товарищу обер-прокурора уголовного кассационного департамента правительствующего сената М. В. Литовченко с запросом, достаточны ли они для того, чтобы привлечь Бебутова к суду. 3 апреля поступил отрицательный ответ: одного факта с фотографиями мало. Участие же в издании книги известно только по агентурным данным, и само охранное отделение признает их недостаточными. Кроме того, по ее же сведениям, в издании участвовали Милюков и Гессен, а вопрос возбужден только об одном Бебутове. После этого ответа жандармским офицерам на пограничных пунктах был разослан секретный циркуляр от 11 апреля 1913 г., в котором предписывалось «тщательное наблюдение за прибытием из-за границы во вверенный вам пункт отставного коллежского советника, ныне присяжного поверенного князя Давида Иосифовича Бебутова, 82—84 лет, которого, в случае его прибытия, надлежит сопровождать наблюдением, о чем телеграфировать департаменту полиции с указанием направления пути князя Бебутова»¹.

Циркуляр был принят к неукоснительному исполнению. Каждый приезд Бебутова из-за границы, как и его отъезд, сопровождался наружным наблюдением. В июне 1913 г. департамент полиции, сообщив начальнику столичной охраны, что 16 июня Бебутов прибыл в Петербург из-за границы, потребовал установить за ним «тщательное

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1913, д. 9, т. 3, л. 141—141 об., 152.

наблюдение». 7 августа того же года уже начальник Петербургского охранного отделения доносил департаменту полиции о том, что Бебутов, 53 лет, прибыл из-за границы 22 мая, снял сперва одну квартиру, затем сменил на другую, перевез туда имущество, «а сам выбыл за границу».

28 сентября помощник начальника Вержболовского отделения жандармского полицейского управления северо-западных железных дорог донес начальнику Виленского губернского жандармского управления (а последний — директору департамента полиции), что он, в соответствии с циркуляром от 11 апреля, командировал 25 сентября в Петербург филера для сопровождения и наблюдения за прибывшим Бебутовым. На станции Вильно ему в помощь был дан другой филер. По прибытии в Петербург Бебутов был передан ими двум столичным филерам. На эту поездку было израсходовано 44 рубля¹. На другой день столичная охранка донесла, что Бебутов взят под наблюдение².

Прошло три года, большую часть которых князь, судя по всему, прожил за границей, и розыскные органы дают о нем новый пакет сведений, причем в наблюдение за ним включаются и военные власти. 9 августа 1916 г. Главное управление Генерального штаба (отдел генерал-квартирмейстера. Особое делопроизводство) под грифом «секретно» сообщило департаменту полиции следующее: «Из Берлина приехал в Копенга-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1913, л. 9, т. 3, л. 279, 291, 381—381 об.

² Там же, ч. 57, л. 1, л. 48.

ген. откуда собирается выехать в Россию, некто князь Бебутов, который, по имеющимся в Главном управлении Генерального штаба сведениям, по приглашению евреев стоял во главе общества вспомоществования русским подданным, оставшимся в Германии после объявления войны. Занимаясь этим делом, князь Бебутов вместе с германским евреем Каном и русским евреем Вязненским допустил ряд злоупотреблений, как то: несправедливое распределение пособий, выдача их только евреям, расход благотворительных денег на кутеж и т. п.». Уведомляя об этом, Главное управление просит, в случае прибытия Бебутова в Россию, сообщить ему об этом¹.

Департаментом полиции были немедленно даны соответствующие указания², и вот 11 октября 1916 г. заведующий жандармским надзором на финляндской границе донес департаменту, что за день до этого из-за границы на станцию Белоостров прибыл Бебутов и, согласно отношению департамента полиции от 17 августа сего года, подвергнут тщательному досмотру. Однако в багаже князя «ничего предосудительного» обнаружено не было, и под наблюдением агента Петроградского охранного отделения князь отбыл в столицу. Помимо досмотра с князя был снят допрос, копия которого была послана с донесением. Князь дал такие показания: в июле 1914 г. он выехал в Карлсбад для лечения, но задержался в Берлине в

¹ ЦГАОР СССР, ф. д-во, оп. 17, 1916, д. 211, ч. 1, л. 261—261 об.

² Там же, л. 364.

связи с войной до июля 1916 г., когда ему разрешили наконец выехать из страны. Он выехал в Стокгольм, где заболел «склерозом сердца», из-за чего вынужден был лечь «в санаторий», в котором пробыл вплоть до выезда в Россию¹. 18 октября о прибытии Бебутова было сообщено Главному управлению Генштаба².

За Бебутовым было установлено наружное наблюдение, но, поскольку оно не давало никаких результатов, начальник Петроградской охраны запросил 20 октября свое начальство: надо ли его продолжать. Ему было отвечено спустя 10 дней, что пока надо. Неизвестно, сколь долго оно бы еще продолжалось, если бы в дело не вмешалась военная контрразведка. 19 ноября 1916 г. начальник охраны сообщил в департамент полиции, что наблюдение за Бебутовым им прекращено, «ввиду установления такового за ним со стороны контрразведывательного отделения при штабе Петроградского военного округа»³.

Конец всей этой истории приходится уже на послефевральское время. После революции Бебутов был посажен под домашний арест и им занялась Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства. По окончании расследования он 15 апреля 1917 г. был освобожден с подпиской о невыезде, а по докладу следователя «о произведенном им расследовании о шпионской дея-

¹ ЦГАОР СССР, 6 д-во, оп. 17, 1916, д. 211, ч. 1, т. 2, л. 115—116 об.

² Там же, л. 118.

³ Там же, л. 126, 130, 137.

тельности кн. Д. И. Бебутова» 28 июня 1917 г. было постановлено послать акт расследований прокурору Петроградской судебной палаты¹.

Для целей данного исследования не имеет значения, был или не был Бебутов немецким шпионом². Важно то, что он не был агентом охраны, как уверял нас Н. Яковлев, пытавшийся доказать, что департамент полиции не занимался масонами.

Как показывают документы, Бебутов принадлежал к тому сорту людей, которые были и, вероятно, будут во все времена: на наш взгляд, они лучше всего характеризуются словом «около». Есть такая категория людей, которая жаждет бурной деятельности в той или иной общественной сфере. Для этой цели они и начинают вращаться в окололитературных или околополитических кругах. Такие люди что-то всегда устраивают, организуют, достают деньги, оказывают услуги, разъезжают, встречают, влезают в интимную жизнь знаменитостей и т. д. и т. п. Одни из них делают это с единственной целью хоть бочком присоединиться к их славе. Таков был и Бебутов. Среди подобной категории людей встречаются и иные — скромные, помогающие и участвующие не для ради шума и треска, а исходя из интересов дела. Таким был, например, упомянутый выше Браудо, неустанный и бескорыст-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, д. 64, л. 3—4.

² Аронсон считает, что был (см.: Аронсон Г. Россия накануне революции; Исторические этюды. Монархисты, либералы, масоны, социалисты. С. 102—103, 108).

ный ходатай по всяким либеральным делам. Правда, таких, как Браудо, меньше, Бебутовы составляют большинство.

Диапазон околополитических связей и деятельности Бебутова, как мы убедились, был достаточно широк — от кадетов до Бебеля¹. Участие в мелкой кухонной политике, причем неважно в какой — либеральной или эсеровской, было для него смыслом жизни: он действовал, проявлял кипучую энергию, не давал о себе забыть. Вдобавок ко всему у князя было много денег (богатая жена, как видим, здесь ни при чем; полицейские донесения свидетельствуют, что при нем были только две его дочери), и это позволяло ему жить и политиканствовать в свое удовольствие. И уж для полного счастья он еще занялся масонством, но об этом дальше.

Занявшись вопросом «охранка — масоны», Н. Яковлев привел и прокомментировал две обширные выдержки из допросов двух бывших директоров департамента полиции, произведенных Чрезвычайной след-

¹ Знакомство Бебутова с Бебелем не вызывает сомнений. «Пишущему эти строки известно, — сообщал Аронсон, — что он (Бебутов, — А. А.) основал довольно обширную русскую библиотеку в Берлине, которую передал на хранение правлению Германской социал-демократической партии (по договору, подписанному с А. Бебелем, Германом Мюллером и др. в 1911 году), с тем чтобы библиотека после освобождения России была передана русским социал-демократам, но при условии, если большевики объединятся с меньшевиками в одной партии» (Аронсон Г. Россия накануне революции... С. 117). Как видим, энергия князя была через край. Даже судьбой большевиков и меньшевиков он был весьма озабочен.

ственной комиссией, в которых был затронут вопрос о масонах.

В ходе допроса Е. К. Климовича, бывшего недолго директором департамента полиции в 1916 г., пишет Н. Яковлев, «всплыли имена агентов полиции Ратаева и Лебедева, о которых спросили Климовича». Климович сказал, что Ратаев ему известен, а Лебедев нет. На вопрос Родичева, следует ли отсюда, что Ратаев был подчинен департаменту полиции, Климович ответил, что Ратаев когда-то был во главе бюро заграничных агентов. На повторный вопрос Родичева, кем он был в 1916 году, бывший директор сказал, что Ратаева, «кажется», взяли еще до его вступления в эту должность. Ему платили «небольшие деньги, и он должен был по масонству написать какое-то целое сочинение, но он прислал такую чепуху, что я даже не читал». Родичев был весьма удивлен таким ответом: «По какому масонству?» Председатель комиссии был удивлен не менее: «По чьей инициативе департамент полиции заинтересовался масонством?» На это Климович сказал, что не может ответить, это было еще до него. При нем посылались (Ратаеву. — А. А.) не то 150, не то 200 «добавочных рублей по старому распоряжению». Ратаев прислал какую-то тетрадь, которую ему принес заведующий (особым) отделом, и сказал, что читать не надо, потому что это «чепуха». Климович тоже «сказал «чепуха» и не стал читать».

Но Родичев продолжал свое. Милюков называл эти два имени в своей речи (1 ноября 1916 г.), в потом он сам видел письмо воен-

ного министра Шуваева к Родзянко, где тот называл их как агентов. Климович в ответ высказал предположение: «Может быть, они по военной разведке работали. Может быть, по шпионажу. Я с этим вопросом не знаком, эта область меня не касалась». Дальше уже идет комментарий Н. Яковлева: «На этом расспросы о масонстве прекратились, без всякой связи перескочили к другим делам. Что бы ни утверждал Климович, Ратаев не был мелкой сошкой в лабиринте охранки»¹.

Н. Яковлев проявляет незнание дела. Об этом говорит уже его первая фраза, в которой он утверждает, что Лебедев и Ратаев были агентами полиции. На самом деле они были военными агентами, служившими под началом русского военного представителя во Франции (начальник русского отдела Союзнического бюро в Париже) генерала Игнатьева, автора известной книги «Пятьдесят лет в строю». Климович сказал чистую правду, уверяя комиссию, что совершенно не знал, чем занимались эти два человека. Н. Яковлев не понял также, почему на допросе возникла эта тема. Дело в том, что Мялюков тоже, не зная дела, в своей знаменитой речи в Думе 1 ноября 1916 г. назвал Лебедева и Ратаева агентами полиции и связал с ними Штюрмера, которого вместе с царицей обвинял в «измене» и стремлении заключить сепаратный мир с Германией. В ответ на это Игнатьев прислал официальный документ, в котором, в свою очередь,

¹ Яковлев Н. Н. 1 августа 1941. С. 11—12; Падение царского режима. Л., 1925. Т. 1. С. 90—91.

обвинял Милюкова в разглашении государственной тайны, заявив, что все действия Лебедева и Ратаева целиком исходили из его, Игнатьева, указаний и приказов¹. Та-

¹ Документ этот представляет собой рапорт Игнатьева на имя генерал-квартирмейстера штаба армии Юго-Западного фронта, посланный им из Парижа 28 декабря 1916 г. Вот его текст: «Член Государственной думы П. Н. Милюков в заседании Государственной думы 1-го ноября 1916 года произнес речь, стенограмма коей сначала распространилась как в России, так и за границей в литографских оттисках. 2-го января 1917 года и, ст. полный текст ее был напечатан во французской газете.

В этой речи г. Милюков, разоблачая председателя Совета министров Штюрмера в его стремлениях вступить в переговоры с Германией о сепаратном мире, указывает как на агентов департамента полиции по исполнению этого поручения в Швейцарии на г. Ратаева и чиновника Лебедева. Эти два лица якобы часто ездят в Швейцарию с «косыми поручениями», как выразился г. Милюков.

Считаю своим нравственным долгом доложить нашему превосходительству, что г. Ратаев и чиновник Лебедев руководят каждый отдельной организацией в нашей агентурной разведке и каждая поездка их, равно и сношения их в Швейцарии мне всегда известны. Я категорически утверждаю, что г. Милюков, называя с трибуны Государственной думы эти два имени, имеет ложные донесения о их деятельности и что ни г. Ратаев, ни г. Лебедев никаких подобных поручений ни от кого не получали. Выдавая так опрометчиво наши военные секреты, член Государственной думы Милюков принес нам вред, о размерах коего сейчас судить еще нельзя. Донося о всем вышезложенном, ходатайствую перед вашим превосходительством принять зависящие меры об ограждении впоследствии честных имен моих сотрудников от брошенного в них позорного обвинения. Доношу, что мною будут приняты все меры, чтобы по возможности уменьшить вред, принесенный г. Милюковым делу нашей агентурной разведки». Текст этого рапорта и направил Шуваев уже в качестве письма от своего

ким образом, Милюков попал впросак. Естественно поэтому стремление Родичева задним числом выгородить главного кадетского лидера, и он попытался соответствующими вопросами добиться у Климовича ответа, что они, эти два агента, были еще агентами департамента полиции; это в корне меняло бы ситуацию в пользу Милюкова. Но желаемого ответа не получил. Масонская же тема, как мы видели, которую Климович затронул в связи с Ратаевым, Родичева, как и председателя, совершенно не заинтересовала. И здесь Климович был совершенно правдив, кроме одного пункта. Ратаев действительно прислал обширный доклад о масонах, но Климович не только не сказал «чепуха», но прочитал его самым внимательным образом, о чем подробно пойдет речь дальше. К этому добавим, что Ратаев ряд лет заведовал заграничной агентурой, с постоянным местопребыванием в Париже, но уже в 1903 г. вышел в отставку и остался жить во Франции¹. Так что его сотрудничество с департаментом полиции по части масонства, которым он решил заняться на покое, было основано, как теперь бы сказали, на общественных началах, правда,

имени Родзянко как председателю Думы, о чем Родичев говорил Климовичу. С копии рапорта в Думе были сняты свои копии, и одна из этих копий с копии оказалась в личном архиве Милюкова, откуда мы ее и извлекли (ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. I, д. 3073, л. 1—16.).

¹ На том же допросе Климович показал, что «Ратаев был пенсионером департамента полиции, что звучит, что он выслужил пенсию и жил на покое». Но об этом Н. Яковлев умалчивает.

за известное вознаграждение. Заодно, и тоже, конечно, не бесплатно, Ратаев разоблачал масонов на страницах «Нового времени».

Теперь о рассказе Н. Яковлева о масонских показаниях Белецкого. Во время допроса Белецкого, пишет он, «прояснилось кое-что, о чем не сказал Климович». Что же выяснил Белецкий? Он сообщил, что раньше, до назначения его директором департамента полиции, он не был знаком конкретно с вопросом о масонстве, знал только литературу о нем. Впервые он с ним познакомился тогда, когда его спросил о масонах великий князь. Тогда Белецкий потребовал справку и все материалы о масонах, имевшиеся в департаменте. Получив их, он «натолкнулся» на три большие записки. Они представляли собой историю масонства «в общих чертах», написанную довольно живо чиновником департамента Алексеевым, окончившим с медалью лицей. Курлов находился в этом вопросе под влиянием черносотенной прессы, которая считала, что все события в России в последнее время были результатом деятельности масонских организаций. Курлов «секретно от департамента полиции» сосредоточил у себя все материалы о масонах. «Департамент полиции имел только одного офицера, который вел это дело и который получал случайного характера справки из-за границы». Председатель переспросил: значит, имелся «особый офицер» по масонам? Белецкий в ответ повторил: «Да, был специальный офицер, я забыл фамилию, потом он ушел из департамента».

Изучая материалы, Белецкий «натолкнулся на схему одной из масонских организаций», никем не подписанную, без сопроводительной бумаги. «Из этой схемы ясно можно было понять, что будто бы сдвиг всего настроения в пользу общественности при... Витте был обязан тому, что Витте являлся председателем одной из лож, заседавших в Петрограде». Из того, что Белецкий слышал из департаментских рассказов, от самого Курлова, «автора записки», он узнал, что «эти записки» должны были быть доложены царю. Столыпин был убит в Киеве, а Курлов, по слухам, исходящим от чиновников департамента (Белецкий тогда еще в нем не служил.— А. А.), «хотел указать», что «и Столыпин принадлежал к одной из масонских лож».

Став директором, Белецкий «внимательно» изучил все бумаги, которые были в департаменте полиции, и «пришел к заключению, что ни о каких масонских ложах, которые могли играть политическую роль в Петрограде, не могло быть и речи. Оказалось, что это не что иное, как оккультные кружки». Вопрос о масонах интересовал его постольку, поскольку «великий князь» дал ему сведения, будто среди гвардейских офицеров частей Петроградского гарнизона имелись масонские ложи. Для проверки Белецкий потребовал сведения от заграничной агентуры, в том числе и от Ратаева, «но (это уже слова Н. Яковлева) ничего не выяснилось». «Комиссия все слушала,— продолжал Яковлев,— но председатель прервал словоохотливого Белецкого: «Я хотел бы ус-

тановить связь с главной темой, которая нас интересует. К чему Вы ведете Ваш ответ?» Белецкий, надо думать, был напряжен как струна и моментально отреагировал: «Я хочу быть только правдивым, я хотел сказать Вам все, что знаю по вопросу о заграничной агентуре, где работал Ратаев».

Комиссию это, однако, не заинтересовало, комментирует Н. Яковлев, и, не переводя дыхания, как при допросе Климовича, она обратилась к другим делам. Белецкий был вознагражден за свою «правдивость»: по распоряжению министра юстиции А. Ф. Керенского брошен в карцер. «Один из немногих, если не единственный из допрошенных, с которым столь сурово обошлись»¹.

Такова версия Н. Яковлева, с которой трудно согласиться.

Начнем с того, что во время допроса Белецкого Керенский уже не был министром юстиции². Во-вторых, нигде никогда не бросают в карцер по приказу министра юстиции, ибо это целиком компетенция тюремного начальства. В-третьих, Белецкого вообще не сажали в карцер ни после этого допроса, ни в какое другое время. Этого не нужно было делать потому, что Белецкий был лучшим «клиентом» Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (ЧСК), дававшим ей наиболее подробные и ценные сведения, в надежде таким путем смягчить свою участь. Более

¹ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. С. 12—15. Падение царского режима. Т. 3. С. 332—334.

² Допрос Белецкого имел место 15 мая 1917 г., а Керенский 5 мая стал военным министром.

того, помимо официальных допросов, он совершенно добровольно давал дополнительные показания, в виде ряда записок, составивших три четверти IV тома семитомной публикации П. Е. Щеголева.

Все это далеко от истины¹.

¹ Цель этой выдумки состояла в том, чтобы доказать, что ЧСК крайне ослеплась масонской темой, боясь разоблачения масонского происхождения Временного правительства. Именно поэтому так, мол, сурово был наказан Белецкий, по неосторожности затронувший запретную тему. Но если бы Н. Яковлев дал себе труд познакомиться со стенограммой допроса И. Ф. Манасевича-Мануйлова, именного место 10 апреля 1917 г., более чем за месяц до допроса Белецкого, он бы убедился, что именно сам председатель ЧСК по собственной инициативе задал Мануйлову массу вопросов о князе Бебутове, зная, что он масон. Ответы на них занимают две страницы. Вот первые из них.

Председатель. Какие у Вас были отношения с князем Бебутовым?

Мануйлов. Князя Бебутова я много лет знаю. Были отношения самые хорошие. Никаких других не было.

Председатель. Да. Вы виделись с ним в России или и за границей?

Мануйлов. Я его видел в Париже тоже.

Председатель. Чем занимался князь Бебутов?

Мануйлов. Вот для меня всегда было тайной, чем занимался князь Бебутов.

Председатель. А эта тайна не была подозрительна?

Из дальнейшего видно, что все эти вопросы задавались для того, чтобы получить от Мануйлова подтверждение, что Бебутов работал на министра внутренних дел В. К. Плеве. Председатель прямо спросил об этом Мануйлова: «А Вам неизвестно, что князь Бебутов был осведомителем министра внутренних дел?» Мануйлов ответил отрицательно, и из дальнейшего видно, что Бебутов действительно осведомителем у Плеве не был, хотя и был знаком с ним (Падение царского режима, Т. II, С. 74—75).

Если бывший директор департамента полиции, весьма опытный в своем деле человек, утверждает, что никакого политического масонства в России не было, а существовали всего-навсего оккультные кружки, то Яковлев, доказывающий обратное, обязан был **опровергнуть** Белецкого, чего он не делает ни здесь, ни на протяжении всей своей книги. Во-вторых, из показаний Белецкого, а также Климовича видно, что в департаменте полиции **велось** дело о масонах, **имеются документы** о них, к этому делу был приставлен специальный офицер. Почему же, спрашивается, нас уверяют, что департамент полиции, клюнув на удочку Милюкова, перестал интересоваться масонами?

К сказанному пока добавим, что действительно масонами в департаменте полиции занимался специальный офицер, и, когда дойдет до него очередь, мы назовем его фамилию и чин. «Великий князь», которого дважды упоминает Белецкий, был Николай Николаевич, командовавший до войны гвардией. И, наконец, из контекста приведенного отрывка допроса видно, что комиссия и ее председатель совершенно не заинтересовались сообщением Белецкого о масонах, не придавая ему, как и при допросе Климовича, никакого значения, так что сердиться ей и Керенскому на Белецкого было совершенно незачем.

Как в действительности относилось полицейское ведомство к масонской проблеме? Документы показывают, что с исключительной серьезностью и тщанием. Уже сам подбор документов говорит об этом. Это специ-

альное дело, посвященное исключительно масонам, под следующим заголовком: «Переписка о последователях различных сект и религиозных учений, деятельность коих носит противоправительственный характер. О масонах». Дело состоит из семи томов, которые в общей сложности содержат не менее трех тысяч страниц машинописного и рукописного текста, не считая других дел, хранящихся в том же фонде департамента полиции, в которых также имеются сведения о масонах. Самые ранние документы дела относятся к 1905 г., последние датированы 1915 г.

Однако первое соприкосновение с масонской проблемой оказалось для департамента полиции совершенно неожиданным и даже шокирующим. Вместо ожидаемых масонов — зловредных разрушителей христианства и монархии — департамент натолкнулся на масонов совсем иного толка. В деле имеется копия письма за подписью магистра и секретаря масонской ложи, именовавшей себя «ложей Мезори ордена Розенкрейцеров», адресованного не кому-нибудь, а самому Николаю II. Именно это письмо повергло в недоумение полицейское ведомство, ибо оно было написано с ультраправых позиций, т. е. с позиций, разделяемых им самим.

«Пользуясь дозволением Верховного совета ордена, предоставившего С.-Петербургской ложе свободу действий во всем, что касается России, и принимая во внимание события последнего времени, — говорилось в нем, — Великий магистр ложи Мезори счел

необходимым созвать чрезвычайное собрание для обмена мнений по текущим вопросам внешней и внутренней политики нашего отечества, с тем чтобы о некоторых заключениях сего собрания доведено было до сведения Вашего Величества». Далее шли эти «заключения», из которых первым и главным было следующее: «Основным положением более или менее всеми присутствовавшими на собрании членами была установлена необходимость поддержать во что бы то ни стало начала, по коим до сих пор строилось и на коих зиждилось благополучие и процветание империи, а именно господство: православия, самодержавия и народности (русской)».

Из письма вытекало и все остальное. «Между тем,— продолжали магистр и секретарь ложи Мезори,— еврейско-масонской партией, насчитывающей многих сочленов среди правящих сфер, в том числе даже особ императорской фамилии, и в тайне преследующей цель ниспровержения начал монархического и христианского, для водворения повсеместно самодержавного иудейства, были измышлены, а затем Вами утверждены некоторые законоположения и мероприятия, коими нарушается изъясненный выше исторический уклад Российской империи». Далее идет их перечень: указ о веротерпимости, наносящий удар по «главенствующей» религии; вершение дел в Государственной думе «несомненно» перейдет в руки «если не самих евреев», то «в руки либеральной плутократии, поддерживаемой жиновскими капиталами, несмотря на кажу-

щееся численное превосходство русского элемента, и особенно крестьянства, в Думе».

Далее следовал прямой выпад в адрес... масонов. Не только русско-японская война, говорилось в письме, но «и внутренняя смута» поддерживается «извне тем же масонством...». Подверглись обвинению в тяжких грехах такие высокопоставленные сановники, как великий князь Алексей Александрович и «его пособник» Авелан. Осуждалась «трусливая и вредная политика в Финляндии князя Оболенского». Порицались варшавский генерал-губернатор генерал Максимович и кавказский наместник Воронцов-Дашков. Нарушенное царем обещание не заключать мира с Японией в момент, когда она полностью «изнурена», делает его в глазах народа «как бы потворщиком лихих людей». Письмо требовало больше твердости в связи с предстоявшим созывом Думы.

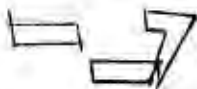
Из письма следовало, что оно уже второе по счету. «В нашем первом послании, разосланном в половине с. г., мы с возможной ясностью указали на тех правительственных лиц, деятельность которых оказалась уже или могла оказаться в ближайшем будущем наиболее вредной для страны. За минувший период времени некоторые из поименованных лиц удалились от дел, другие в случае крайней необходимости будут устранены нами, но многие и поныне благополучно здравствуют, совместно с главою их С. Ю. Витте — будущим, может быть, канцлером Российской империи».

Письмо формулировало и внешнеполити-

ческую программу, которой должен придерживаться царь. Она предлагала, как это ни странно на первый взгляд, союз с Англией — «сближение с ней наиболее полезно» — и резко восставала против Германии, которая всегда была «исконным врагом России и всего славянства». Что же касается Австрии, то «мы глубоко убеждены, что альфа и омега русской политики заключается в удачных действиях среди австрийских славян и на Балканском полуострове».

Письмо заканчивалось ссылкой на историю Франции, которая выглядела как плохо скрытая угроза. «Чтобы не утомлять далее внимания Вашего Величества, собрание наше решило ограничиться вышеприведенными соображениями». Мы убедительно просим обратить внимание «на вышеизложенное заключение». «В подтверждение» собрание «осмеливается привести пример французской революции XVIII века, когда слепота правительства оказалась роковой как для страны, так и для царствующей династии».

Подпись великого магистра выглядела так:

Подпись секретаря ложы была не менее импозантной:

Письмо не датировано, но красным карандашом сверху помечено: 29/IX 905¹.

Мы склонны думать, что имеем дело с мистификацией. По всему своему тону, содержанию, перечню виновных, по мнению авторов письма, в военных неудачах и пособничестве революции лиц, выдвинутым требованиям цитированный документ представляет собой типичный для того времени продукт черносотенного творчества. Именно так рассуждали и требовали тогда ультраправые. Для них главным виновником всех неприятностей был Витте, которого они люто ненавидели и считали масоном. Для них «масон» был такой же жупел и объект преследования, как и пресловутый «жид», и не случайно они эти два понятия объединили в одно — «жидомасоны». Уже это обстоятельство заставляет усомниться в том, что письмо исходило действительно от масонов. Во-вторых, в письме прямо осуждаются масоны; вещь немыслимая для масонского документа. В-третьих, в письме нет никаких внешних признаков масонского письма (стиль, своеобразие формулировок, определенные штампы), которые легко узнаются и неспециалистами.

Реакция департамента полиции также указывает на подделку: оно оставило письмо без всяких последствий — вещь также невозможная, если бы речь шла действительно о масонах, даже если последние придерживались бы того же *profession de foi*

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, л. 42—43 об.

(исповедание веры), что и сами жандармы и охранники. Все черносотенные организации, с которыми охранка тесно сотрудничала, находились тем не менее под тщательным контролем и наблюдением всевидящего полицейского ока. И, наконец, во все последующие годы ложа Мезори не проявила ни малейших признаков жизни.

Спрашивается, для чего же правым понадобилось прибегнуть к столь необычной маскировке? Дело, видимо, заключалось в том, что обращение от масонского имени позволяло авторам письма разговаривать языком угроз и чуть ли не ультиматума, в то время как обращение от своего собственного имени начисто исключало такую возможность. Черносотенцы из своего верно-подданничества сделали предмет шегольства, уверяя царя и других, что только они являются действительными верными подданными своего государя, в то время как бюрократия и прочие давно продались либералам и... масонам. Возможно, они рассчитывали также на то, что на царя больше подействует обращение от масонского имени, так как для него масоны были таким же жупелом, как и для них самих.

Следующий масонский пассаж был полной противоположностью первому. 8 января 1906 г. Российское телеграфное агентство распространяло следующее сообщение, исходившее из Москвы: «Некоторые из обывателей столицы получили приглашения вступить в возрождающееся общество масонов. В приглашении говорится, что общество возникает в силу прав, дарованных россий-

скому населению манифестом 17-го октября, и в том объеме, в котором оно существовало в 16—18 веках. Вступить в общество приглашаются все честные и нравственные люди, без различия вероисповедания. Ответы о согласии вступить в члены общества должны посылаться в 17-е почтовое отделение, предъявителю штемпеля «В. М.». Когда таких заявлений будет получено от 500 желающих вступить в общество, будет объявлено об общем собрании».

Эффект от этого объявления был подобен взрыву бомбы в собственном кабинете директора департамента полиции. Ознакомившись с ним, он на другой день лично составил телеграмму, гласившую: «Срочно. Москва. Прошу выяснить совершенно негласно автора приглашений вступления общество масонов котором говорится вечерних телеграммах российского агентства восьмого января. Прислать экземпляр приглашения и по возможности определить значение этого предприятия». 18 января он шлет новую шифрованную телеграмму московскому градоначальнику: «Благоволите ускорить представлением сведений по депеше 9 января по поводу общества масонов». Спустя четыре дня суровая телеграмма отправляется им начальнику Московского охранного отделения: «Предлагаю немедленно исполнить требования департамента полиции на имя градоначальника по вопросу о масонстве».

Но уже за день до этого за подписью градоначальника и исполняющего обязанности начальника охранного отделения были отправлены первые полученные сведения;

текст приглашения о вступлении в масоны и материалы перлюстраций. Приглашение было почти идентично тому, которое распространило телеграфное агентство. Дополнительно в нем указывалось, что о первом собрании масонов будет объявлено в «Русских ведомостях», а члены общества будут приглашены на него повестками.

«Перлюстрационные сведения, касающиеся предполагаемого возрождения «общества масонов», очень интересны. Всего было прислано 63 письма с изъявлением желания стать масоном. Содержание 57 писем ограничивалось только этим. Но авторы других шести писем пошли дальше, высказав дополнительные свои соображения о том, как они себе представляют будущую масонскую организацию.

Особенно любопытно в этом отношении письмо из Нижнего Новгорода от 10 января 1906 г. за подписью Ю. Г. Е. «В разных газетах», писал он, опубликованы сообщения о том, будто «некий комитет» намерен создать масонскую организацию, как только число желающих достигнет 500 человек. «В качестве мастера-масона одной из иностранных лож я, конечно, с полной готовностью вступил бы в русскую ложу, если бы последняя возникла законным порядком (с точки зрения масонских уставов), несмотря на столь необычное начало». Далее объясняется, что это значит — возникнуть законным порядком. Новая ложа может быть основана только с разрешения Великой ложи. Так как в России масонских лож нет, то таковое может быть получено только из-за

границы, например у французской В[еликой] Л[ожы]. «Думаю, имея намерение несколько лет тому назад учредить М[асонскую] Л[ожу] в России и говоря об этом с некоторыми членами В[еликого] В[остока], я услышал, что М[асонские] Л[ожы] могут быть открываемы [разрешаемы] лишь в странах свободных людей, а не рабов». Во-вторых, по масонскому уставу для открытия новой ложи требуется всего пять мастеров-масонов, так что число 500 — «чистейшая фантазия». Если число желающих даже превысит эту цифру — они будут всего-навсего «профанами», а не масонами. Это будет какой-то союз, но не законная ложа. «Так как первое требование масонства, — развивает автор письма дальше свою мысль, — внутреннее совершенство, то в ложи не набираются люди с бору, да сосенки, как во все прочие союзы».

Далее автор предлагал свою квалифицированную помощь в затеянном предприятии. «По-видимому, — заключал он, — предложение исходит не от масонов, но от профанов, желающих сделаться масонами. Дело очень серьезное, но я могу лишь горячо аплодировать благородному желанию и содействовать учреждению законной русской ложи. На днях (через 2—3 дня) я буду в Москве, а потому прошу сообщить о времени и месте для свидания письменно». Далее указывался адрес до востребования: автор был не только членом французской ложи, но и прошедшим выучку российским обывателем. Манифест манифестом, рассуждал он, а береженного бог бережет.

В отличие от него другой автор (вернее, два автора), также указавший на некомпетентность учредителей, дал свой точный адрес и подписался полным именем. В одном конверте им было отправлено два письма. Первое гласило: «Заявляю, что желаю участвовать в восстановлении в России масонских лож. Дворянин Дмитрий Петрович Казначеев. 1906 года, января 12 дня». Второе подтверждало первое, а далее говорилось, что 500 человек для учреждения ложи не нужно. Для этого достаточно семи братьев. Автор 30 лет изучает масонство, имеет обширную масонскую библиотеку и готов вступить в переписку с инициаторами. Далее шел адрес: Владимир, Троицкая ул., д. Даниловых, Петру Михайловичу Казначееву. Мы привели этот адрес и имена обоих Казначеевых, потому что нам с ними придется еще неоднократно иметь дело.

Три письма были преисполнены самого искреннего и наивного энтузиазма. «Подразумевая под понятием «масоны» религиозное общество людей, имеющих целью нравственное совершенствование человека и единение людей на началах правды и братской любви, без преследования каких-либо иных целей, в особенности политических,— писал некий Я. Ляпищев из Царского Села,— прошу включить меня в число членов общества масонов и дать мне соответствующие наставления, чтобы стать достойным звания масона».

Москвич с Больших Грузин, некий А. В. Гольдштамм, на другой же день выразил свое «горячее желание поступить во

вновь возникающее о-во масонов», тем более что «это было моей постоянной мечтой со времени ранней юности (писал Гольдштамм). Я — поэт по профессии, но по горькой необходимости принужден служить в затхлом государственном учреждении. Мои предки, со стороны моей матери, были ма-сснами. Очень желательно получить поскорее от Вас более подробные сведения об живо интересующем меня деле».

Если автор этого письма уже расстался со своей юностью, то автор другого только вступил в нее. 8 января, писал И. А. Опарин из Вологды, он прочитал соответствующее объявление в «Русском слове» и очень хочет «примкнуть к этому обществу». Поэтому просит выслать ему устав и программу. Однако на первое собрание, если оно состоится до июня сего года, он приехать не сможет, так как весной держит экзамен на аттестат зрелости. С масонством он несколько знаком по литературе. Обязуется все хранить в тайне. «Я от души желаю,— заканчивал юный Опарин,— чтобы состоялось первое общее собрание; если же и не соберется 500 желающих, неужели Вы бросите мысль о возрождении масонства?» После адреса и подписи с именем и отчеством шла фраза: «одня из ищущих света и истины», а затем шел постскрипtum, где сообщалось, что автор посылает 7-копеечную марку и вышлет дополнительно еще, если потребуется больше.

В отличие от восторженного и преисполненного радостных ожиданий вологжанина, неизвестный москвич был настроен весьма

сурово и скептически. В объявлении, писал он, указано, что в масоны будут принимать всех, «следовательно, и евреев; в таком случае не будет честности в Мос[ковском] мас[онстве], потому что где еврей, там одна низость и подлость, что они и доказали своими поступками относительно России. Ни один порядочный русский не примет участия в названном «обществе», если к нему примкнут еврей. К тому же заграничное масонство состоит сплошь из «членов» этого гнусного племени, а потому является подозренье и относительно народившегося Московского масонства».

Наконец, последнее письмо было окрашено в пессимистические тона, но все же выражало надежду. «Мне кажется, что в наш век упадка нравственности и веры и отсутствия почти всех принципов истины,— писал еще один москвич, скрывшийся за инициалами В. Л. Н.,—возрождающееся масонство будет единственной опорой для человека, жаждущего и стремящегося всеми фибрами души к истине. Может быть, создаваемое общество ставит себе иную цель. Тогда, увы, удовлетворения автор в нем не найдет»¹.

Из остальной части «списка лиц, изъявивших желание вступить в число членов общества масонов», мы можем узнать города, откуда были эти «желающие лица», их имена и адреса в тех случаях, когда они были указаны. Из этих имен, помимо упомянутого Казначеева, следует запомнить еще москвича Н. Н. Баженова, поскольку он потом

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, л. 156—162, 165—172.

стал действительно одним из известных русских масонов. Больше всех «изъявили желание» москвичи — таковых оказалось 27 человек. И это естественно, поскольку инициатива о создании масонской организации шла из Москвы. На втором месте был Петербург — 9 человек. Симферополь и Екатеринослав дали по два человека. Остальные 17 городов, география которых оказалась достаточно пестрой, — по одному (Саратов, Рыбниск, Харьков, Воронеж, Кронштадт, Бельцы, Бессарабской губ., Царицын, Торжок, почт. ст. Орехово Костромской губ., Тамбов, Воронеж, Красноводск, Великие Луки, Одесса, Кромь, Орехово-Зуево, Барановичи) ¹.

Мы так подробно изложили все эти письма потому, что, на наш взгляд, они дают возможность сделать кое-какие предварительные выводы.

Прежде всего следует отметить, что к началу 1906 г. Россия по части масонства была абсолютно незаселенной страной. Русских масонских лож на территории России (исключая Польшу и Финляндию) не было ни одной ². Один из первых русских масо-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, л. 163—164.

² 24 января 1906 г. русский посол в Риме Муравьев послал в свое министерство текст постановления миланской ложи «Разум», принятого на собрании ложи, состоявшемся «на днях». В нем говорилось: «Ложа «Разум», посылая братский привет новой русской масонской семье, которая мужественно начинает свое существование в печальную минуту для страны и среди все более и более свирепствующей реакции, выражает пожелание, чтобы новая масонская ложа, вы-

нов Баженов стал таковым лишь в конце 1906 г. Из всех приславших письма только один оказался масоном, но членом не русской, а французской ложи. Во-вторых, ничтожное количество лиц, откликнувшихся на призыв стать масонами, свидетельствует о том, что почвы для сколько-нибудь значительного распространения масонства в стране не было. В-третьих, все изъявившие желание стать масонами, за одним-двумя исключениями, были рядовыми российскими обывателями, имевшими самое смутное представление о существе масонства и усматривавшими в нем исключительно нравственные начала. Ни один автор письма не связывал масонство с политикой. Наоборот, одно письмо прямо, а другие косвенно отвергали политику в масонстве. Наконец, инициатор (или инициаторы) масонского предприятия, давший объявление в газетах, оказался таким же несведущим в масонстве человеком, как и большинство его корреспондентов. Это достаточно убедительно показал автор письма из Нижнего Новгорода,

шедшая из народа и стоящая за народ, скоро получила возможность водрузить свое зеленое знамя над освобожденным отечеством и благородно отплатить за бесчисленные жертвы теократической реакции». По мнению посла, «это обращение итальянских масонов к русским включает в себе прямое подтверждение появившихся недавно в различных газетах известий о том, что в России (в С.-Петербурге и в Москве) образовались и действуют масонские организации» (ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, л. 155). Но, на наш взгляд, это, вероятнее всего, отклик на то самое объявление, которое так всполошило департамент полиции и так слабо аукнулось в стране.

не говоря уже о том, что в объявлении говорится о русском масонстве XVI в., которого не было и не могло быть. Масонство, как известно, впервые появилось в Англии лишь в начале XVIII в.

Тем не менее объявление 8 января вызвало сильнейшую тревогу не только в департаменте полиции, но и на самом верху. Директор департамента за собственноручной подписью послал подробный отчет министру внутренних дел П. Н. Дурново. Последний наложил резолюцию, в которой указывалось, что это дело «интересует государя императора». В связи с этим была составлена «специальная всеподданнейшая записка по поводу возрождения в России общества масонов», копию которой министр внутренних дел послал председателю Совета Министров С. Ю. Витте. Было предписано установить лиц, рассылавших приглашение о вступлении в масонское общество, а также расшифровать инициалы, которыми было подписано письмо из Нижнего Новгорода. Но ни то, ни другое сделать не удалось¹. Нет надобности объяснять, что затея авторов объявления от 8 января 1906 г. осталась нереализованной.

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, л. 173—177.

Следующий масонский переполох произошел в департаменте полиции почти три года спустя — в ноябре 1908 г. Поводом к нему послужила статья в газете «Русское слово» от 8 ноября 1908 г., автором которой был уже известный нам Е. И. Кедрин. В этой статье он открыто признавал себя масоном и сожалел, что минувшая революция была совершена не масонами. В связи с этим у департамента полиции возникла, так сказать, своя внутренняя проблема. Дело в том, что исходной позицией в оценке любого масонского течения не только у полицейского ведомства, но также и у правительства и верхов была идея о том, что масоны, во-первых, всегда и везде соблюдают строжайшую тайну и конспирацию, а во-вторых, одна из их конечных целей — ниспровержение монархических режимов. Здесь же не рядовой обыватель, а видный кадет (что тоже было злом, правда меньшим, чем масонство), недавний депутат I Думы совершенно открыто, на всю страну, объявил, что является масоном, и выразил уверенность, что при масонском руководстве революция 1905—1907 гг. носила бы «культурный», т. е. либерально-монархический, характер. Решено было такую не укладывающуюся в схему неожиданность осмыслить собственными силами. Поручено это было сделать жандармскому подполковнику Г. Г. Мецу, тому самому офицеру, который специально и ис-

ключительно ведал в департаменте полиции масонами и масонством. Именно его фамилию запомнил Белецкий.

Справедливости ради следует сказать, что Мец заслужил свое назначение. Раньше он, исключительно в силу собственной антимасонской одержимости, исходя, так сказать, из идейных побуждений, занялся изучением масонства. Так как в России масонов, к его несчастью, не было, ему пришлось заняться изучением зарубежного масонства, и, конечно, не практически, а по литературе. В докладной записке от 8 октября 1908 г. на имя директора департамента полиции он счел нужным обратить на этот факт внимание своего высокого начальства. «Интересуясь вопросом о масонстве в смысле связи его с революционным движением,— писал он,— я в течение последних пяти лет выписывал из-за границы и прочитывал литературу, разоблачающую их тайную, весьма искусно прикрытую деятельность, направленную к разрушению государственного строя во всех странах мира».

Из этого отрывка с полной очевидностью следует, что перед нами типичный маньяк, помешавшийся на масонстве. Но, как увидим далее, он был в этом отношении совсем не одинок. «Литература эта,— продолжал он,— к сожалению, совершенно запрещена в России, и, чтобы получать ее, мне приходилось каждый раз подавать прошение в цензурный комитет с обязательством не давать эти книги никому для прочтения. Подобное положение привело к тому, что не только публика, но даже и власти, под влиянием

газетных статей, сочувственно отзывающихся об этом тайном Всемирном сообществе, имеют о нем совершенно превратное представление. За этот период масонство было мною изучено по следующим источникам». Этих «следующих источников» оказалось всего-навсего 12 названий, преимущественно на французском языке. Для пяти лет изучения явно не густо. «Ввиду несомненного натиска, которому уже подвергается Россия со стороны масонства с установлением конституционного строя и стремления этого тайного общества к легализации, для чего достаточно проведения в Думе закона о свободе собраний и союзов,—бил тревогу жандармский подполковник,—я взял на себя труд составить записку о масонстве, которую и представляю на благоусмотрение Вашего превосходительства. Записку о масонстве в России предполагаю составить по получении необходимых документальных данных относительно запрещения масонства в России»¹.

С этой запиской, как и с другими того же автора, нам еще придется иметь дело. Эту же мы привели только для того, чтобы читатель получил достаточно полное представление о том, кто, как и на каком уровне готовил для полицейского начальства материалы о масонах, которые потом докладывались правительству и царю. Записка по поводу статьи Кедрина это представление развивает и углубляет.

Начинает ее Мец с исторического очерка

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 1, л. 102—102 об.

и перечня «обширной литературы», включающей всего несколько названий на французском и немецком языках, иными словами, излагает историю западноевропейского масонства. Не говоря уже о совершенно жалком, истинно полицейском уровне этого очерка, который не имеет никакой цены, отметим лишь, что все свои многочисленные записки о русских масонах Мец всегда начинал с истории — с нелепого пересказа прочитанных им полутора десятков антимасонских книг и брошюр, изданных за границей, и только потом переходил к делу. Он мог танцевать только от печки.

Добравшись, наконец, до статьи Кедрина, эксперт по масонству писал: «Обращаясь к статье «Масоны», вызвавшей настоящую записку, можно сказать, что и статьи корреспондентов «Биржевых ведомостей», и беседы различных корреспондентов с Кедриним, и его якобы откровенные показания совершенно понятны. Это обычный масонский пробный шар. Заявляя, что он масон, Кедрин испытывает почву. В лице его масонству интересно знать, как на это будет реагировать власть и что скажет печать, умеренная и правая. Такое выступление привлекает и заинтриговывает публику и дает возможность левым газетам лишний раз написать статьи о «братьях каменщиках», которые имеют всего «3» звания, и то самых невинных, и работают на пользу человечества, ведя его к «свету». Кедрин даже открыто говорит, что очень жаль, что революция прошла в России при недостаточном участии масонов. С его точки зрения, это совершенно

верно. Массонство тогда не хотело «замарать рук» (как символ «чистоты рук» масоны в известном звании получают перчатки) и рассчитывало, что чернь сама сделает для него все дело и сама пригласит их к власти, но вышло не так — наступила реакция».

Неизвестно, почему «чернь» в случае победы должна была добровольно отдать завоеванную власть масонам, о которых она, будучи «чернью», никогда и не слыхивала, тем более что масонов во время революции вообще не было, за исключением нескольких членов французских лож, включая сюда и Кедрина. Полицейская мысль и полицейская логика Меца, когда шла речь о масонах — а ни о чем другом он говорить и писать не мог, — сильно отличалась от нормальной человеческой логики, того, что принято называть здравым смыслом. Но пойдем дальше.

Масоны, однако, знают, что все это не надолго, развивал свою мысль Мец. «Теперь можно заранее убежденно сказать, что вторая вспышка и второй удар в России произойдут при полном напряжении сил со стороны масонства, которое **только в России не имеет права гражданства**. Движение, вызываемое им, характеризуется полной внезапностью. Имея организацию столь конспиративно обставленную, что общество это может в самых неблагоприятных обстоятельствах работать столетия, не вызывая и тени подозрений, оно подготавливает события так, что они вырастают выше головы правительства в условленный день и час и справиться с ним бывает уже невозможно. В известный

момент является новое правительство, которое открыто вступает в управление всеми функциями страны». В качестве примера приводилась младотурецкая революция, сделанная якобы масонами.

Это была настоящая паранойя, почерпнутая автором из жадных и глупых книг, ибо никаких фактов реальной политической деятельности масонов в России у Меца не было и не могло быть. Но он был не из тех, кого можно смутить подобными пустяками. «Действительно,— продолжал он свои глубоко-мысленные умозаключения,— Кедрину жаль, что революцию делали мужики и рабочие — Россия двинулась бы гораздо быстрее по пути к «прогрессу». Вся наша полиция, имевшая в течение долгих лет дело с революционными партиями, ни разу не наталкивалась на след чего-либо масонского. Из этого прямой вывод, что масонства нет и что это плод воображения. Между тем это глубокая ошибка. Основной принцип масонства — осторожность: «брат никогда не должен дать припутать себя к каким-либо бунтам» — это компрометирует, брат должен уметь заставлять работать на себя, «он всегда должен быть в стороне и всегда в тени». В случае провала он от всего отрешивается и даже «клеветает... для отвода глаз. В ту сферу, где работают «братья», не может проникнуть ни один агент» (полицейский.— А. А.).

Как же это достигается? Конспирацией и зачастую высоким общественным положением масонов. Свои документы они тщательно скрывают в банках. «Они неуязвимы... Несомненно, что в России ложи существуют и

работают — существуют же они под прикрытием самых благонадежных учреждений, филантропического или научного характера, редакций газет и различных обществ самосовершенствования». Выходит, дело безнадежно — масонов обнаружить невозможно. Мец понимает: если это так, то зачем нужен он, Мец, и другие мецы, равно как и департамент полиции в целом? Все же надежда обнаружить и обезвредить масонов есть. Автор записки так или иначе снимает тяжесть с сердца своего начальства: масонская ложа как «святое место» должна иметь атрибуты масонства (три колонны, три жертвенника, святую картину и пр.), и таким образом существование ее может быть доказано.

Конец записки достойно завершает все предыдущее изложение. «Последняя телеграмма из Порт-о-Пренса от 16 сего ноября еще раз подтверждает все сказанное» — там вспыхнула и победила революция. «Прилагаемая фотография с масонского диплома Марджиота доказывает существование там Великого Востока Гаити», его же разоблачения указывают, что в Порт-о-Пренсе находится управление 26-го треугольника провинцией Гаити, «Лотус» которой — род «Лотус Мексики и центральной Америки» — находится в городе Мексико»¹.

Однако сказать, что записка Меца нелепость и только, — значит ничего не сказать. Главное здесь состоит в том, что мы назвали политической паранойей. Она иррациональ-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, л. 185, 187—187 об., 191—192, 194.

на, существует и действует вне логики и фактов. Посылка: в России масоны до сих пор обнаружены не были. Вывод: так и должно быть — их полное отсутствие и доказывает, что они всюду и везде. Масон Кедрин объявил себя. Правильно, так и должно быть — масоны запускают пробный шар. Он же заявил, что ему не нравится прошедшая революция. И здесь все понятно — он хочет революции еще более разрушительной. Масоны занимаются филантропией. Маскировка. Масоны поглощены самоусовершенствованием — притупляют бдительность. О них не слышно многими десятилетиями. Это не имеет значения, они могут вести свой подкоп столетия так, что никто этого не заметит, и, пожалуйста, вдруг на ровном месте побеждает и вспыхивает революция. Масоны объявляют себя монархистами — прячут свой республиканизм. Одним словом, куда ни кинь — всюду клин.

Все бы это не стоило выеденного яйца, если бы на масонах помешался один или несколько полицейских чиновников. Но вся суть этой паранойи в том и заключалась, что она была **официальной политикой**, разделяемой и проводимой не только департаментом полиции, но и правительством и «верхами», включая царя. В это верили, на худой конец заставляли себя верить. Это был не личный, а социальный психоз, обусловивший поведение и умонастроение всего аппарата и режима царизма в последние десятилетия его существования.

Приведем два характерных примера. Первый из них — письмо министра иностранных

дел от 14 декабря 1905 г. с грифом «весьма секретно» на имя министра внутренних дел П. Н. Дурново, в котором он на основании донесений послов писал: «Озабочиваясь все-сторонним выяснением вопросов, связанных с предлагаемым собранием второй мирной конференции в Гааге, я не мог не обратить внимания на все разрастающееся влияние на Западе масонства», которое стремится «из-вратить» основную мысль первой конферен-ции, толкуя ее в духе «интернационализма». «Обратив внимание», министр иностранных дел решил изучить вопрос поглубже. «Пред-принятое в этих видах исследование,— гово-рилось далее,— хотя еще и не оконченное и весьма затрудняемое глубокой тайной, по-крывающей действия центральной масонской организации, позволяет, однако, уже ныне прийти к заключению, что масонство дея-тельно стремится к ниспровержению суще-ствующего политического и социального строя европейских государств, к искорене-нию в них начал национальности и христи-анской религии, а также к уничтожению на-циональных армий». Учитывая интернацио-нальный характер масонства, «нельзя не предположить, что, быть может, масонская пропаганда захватила и Россию... Для все-стороннего суждения о влиянии масонства на международные отношения было бы весь-ма полезно иметь возможно подробные сведе-ния о развитии их деятельности в пределах империи». Письмо заканчивалось прось-бой «произвести соответственное исследова-ние» и о результатах сообщить ему, Ламз-дорфу. И это писал не какой-нибудь Мец, а

один из высших чиновников империи, и не в XIX в., а в начале XX в.

Но Дурново в декабре 1905 г. было не до подобных исследований, ответ его прозвучал весьма сухо. Такое исследование, говорилось в его «конфиденциальном» письме от 3 января 1906 г., «связано при настоящих обстоятельствах с значительными трудностями, не позволяющими ожидать успешных результатов от могущих быть принятыми в этом направлении мер»¹.

Второй пример не менее выразителен. 19 мая 1907 г. директор канцелярии варшавского генерал-губернатора секретно запросил директора департамента полиции Максимилиана Ивановича Трусевича по вопросу о разрешении проживающему в Варшаве некоему Городынскому прочесть лекцию о масонстве. Генерал-губернатор отказал в просьбе, но он обратился с таковой вторично, мотивируя ее тем, что «он является представителем не франко-итальянской, а нью-йоркской ложи масонов, преследующей якобы совершенно мирные цели развития в народных массах набожности и христианской нравственности». Хотя генерал-губернатор не предполагал менять своего решения, тем не менее он просил узнать, какого мнения лично директор департамента по вопросу о допущении подобных лекций в столицах и других городах.

Оказалось, что генерал-губернатор поступил совершенно правильно. В ответном

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, л. 145—147 (подчеркнуто нами, — А. А.).

письме Трусевича от 27 мая указывалось, что хотя масоны действительно бывают разные, но в конечном итоге одним миром мазаны: все они считают друг друга братьями и преследуют одни и те же цели. «Ближайшая цель этого ордена — борьба против «суеверий» и «произвола», т. е. борьба против официальной господствующей церкви и борьба против «монархической власти». Конечная цель масонов — создание во всем мире «священной империи», или царства разума, правды и справедливости. Таким образом, масонство стремится к испровержению существующего политического и социального строя европейских государств, к искоренению в них национальности и христианской религии, а также и уничтожению национальных армий. Ввиду изложенного нельзя не признать, что необходимо всеми силами бороться против масонской пропаганды в России»¹.

Казалось, масонская игра началась сразу по-крупному. Но на деле получилась совершеннейшая полицейская чепуха и мелочь.

18 сентября 1905 г. вице-директор департамента полиции направил письмо начальнику Петербургского охранного отделения, в котором говорилось: «По имеющимся указаниям в С.-Петербурге существует несколько масонских лож и одна из них собирается для своих заседаний в д. № 42 по Николаевской улице». В связи с этим адресату предписывалось доставить соответствующие све-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, л. 196—197.

дения для доклада заведующему политической частью департамента полиции. Сведения собирались месяц, и 20 октября был послан ответ. В указанном доме, сообщалось в нем, всего имеется 19 квартир, заселенных преимущественно рабочими. Только в трех из них живут люди иной социальной категории: в одной — врач, в другой — горный инженер, а в третьей — «тифлисский гражданин». О рабочих и говорить нечего, но и «в упомянутых квартирах ни местной полицией, ни домовою администрацией никаких собраний не замечалось, а также сведений, компрометирующих политическую благонадежность проживающих в них лиц, в отделение до сих пор не поступало»¹.

Так продолжалось и дальше, Мец был в отчаянии, но наконец ему повезло. Счастье предстало перед ним в форме статьи за подписью Д. С—в, под названием «Франкмасонство в Москве», опубликованной в московской газете «Раннее утро» 7 апреля 1908 г. «Чтобы проверить непрекращающиеся толки о существовании в Москве тайных масонских лож», говорилось в статье, автор ее решил взять интервью у некоего «Ч». Он услышал от него «приблизительно следующее». Заветы масонов, их возвышенные идеи, говорил «Ч», не могли, конечно, заглухнуть окончательно. «Безусловно, франкмасоны существуют у нас и ныне». Так, «в Москве в 1908 г. издается впервые в России журнал «Русский франкмасон», печатаемый в количестве только 250 экземпляров.

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, л. 142—143.

Лица, стоящие во главе этого издательства, не сочувствуют политической фракции франкмасонства и стали решительно на сторону фракции иезуитического духовного масонства, сохранившей во всей чистоте спиритуальные и мистические традиции».

Время от времени в Москве возникают самочинные ложы. Организуют их «ловкие спекулянты на мистическом чувстве. Многие из авантюристов составили себе состояния». Лично он, «Ч», знает несколько таких «предпринимателей». Некоторые из них происходят из древних дворянских фамилий, другие — из «червоных валетов». Но цель у них одна — поборы. Собирали деньги и исчезали. Иногда такие проделки «кончались» очень весело. Талантливые организаторы псевдомасонских лож поженились на богатых замоскворецких купчихах и махнули рукой на обтесывание «днкого камня».

Таково было содержание этого интервью. Естественно, из департамента полиции последовала команда в Москву разобраться и доложить. Спустя два с лишним месяца, 14 июня 1908 г., начальник Московской охраны прислал первое донесение. В нем он сообщал, что действительно в Москве выходят два журнала — «Русский франкмасон» и «Спиритуалист». Первый издает московский мещанин Петр Александрович Чистяков, второй — почетный гражданин Владимир Павлович Быков. Журнал последнего является «органом разрешенного кружка «спиритуалистов-догматиков». При нем также издаются: ежедневная газета спиритуально-окультиного направления «Оттуда» и

ежемесячный социально-мистический оккультный журнал «Голос всеобщей любви». Далее шла характеристика этих изданий, которая сводится к одному слову — мистика. Что же касается журнала «Русский франкмасон», то первая его книжка действительно отпечатана в 250 экземплярах, но тираж не разошелся, хотя издатель обещал выпускать в год шесть номеров.

Казалось бы, все ясно: перечисленные газеты и журналы, равно как и их издатели, ничего общего с политическим масонством не имели. Но начальник охраны службу знал и поэтому резюмировал так, как нужно: «Будучи последователями масонства по существу, журналы эти старательно избегают возможности дать повод заподозрить их в масонском направлении». Но, вынужден он был добавить, никаких «неблагоприятных» сведений о Быкове и Чистякове у него нет.

Вслед за этим уже сам московский градоначальник послал 15 октября 1908 г. в департамент полиции два печатных конспекта оккультно-ментальной организации, учрежденной при журналах «Спиритуалист», «Голос всеобщей любви» и «Оттуда», а также несколько копий: 1) групповой молитвы на период времени с 25 мая по 25 июня, 2) ключа на период времени с 25 июня по 25 июля и 3) ключа на период времени с 25 июля по 25 августа. Далее сообщалось, что Быков является «мастером стула» в одной из лож, «находящейся не в Москве», и поддерживает связь с масонами Чернигова и Петербурга, «где имеется совершенно правильная ор-

ганизация масонов». Сам Быков — человек «положительный, умный, очень осторожный, не забывающий и свои материальные выгоды». Поселившись близ Замоскворечья, ближе к замоскворецким купцам, «падким на все мистическое», он продает им всякие «магические приборы от всевозможных недугов и болезней. Получив откуда-то пароли, знаки и мистерии «Ордена Розенкрейцеров», Быков, за плату в 300 рублей, посвящает неофитов в эту обрядность».

Далее шли приложения — перечисленные выше оккультные молитвы и «ключи», одного взгляда на которые достаточно, чтобы убедиться в том, что это была совершеннейшая абракадабра, предназначенная именно для падких на такие вещи замоскворецких купцов и купчих. К ним было добавлено извещение, которое гласило: «Настоящим извещают своих подписчиков, что они со второй половины января посылали своего специального делегата в Париж на предмет приглашения в качестве постоянных сотрудников оккультистов профессора Папюса и магнетизера профессора Дюрвиль и получили не только согласие их обоих, но и любезное предложение Папюса пользоваться наиболее выдающимися имеющимися только лишь у него редкими изданиями по вопросам оккультизма и магии, чем редакция журналов, конечно, не преминет воспользоваться для своих уважаемых подписчиков».

Все это было доложено Трусевичем министру внутренних дел¹.

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, л. 206, 208—209, 216—224 об.

Не надо быть криминалистом, чтобы понять, что в лице Быкова охранка имела дело с самым обыкновенным проходимцем, который делал весьма выгодный бизнес на глупости и суеверии своих замоскворецких клиентов. А контакт с известным шарлатаном международного класса Папюсом, который, кстати говоря, одно время успешно подвизался при дворе (царская чета была от него в полном восторге), уже не оставлял на этот счет никаких сомнений¹. И охранка это отлично понимала. Но слово «масон» меняло все. Здравый смысл отбрасывался в сторону, и русская политическая полиция, теряя разум, становилась жертвой собственного масонского самогипноза. В этом отношении расследование, предпринятое в отношении другой московской организации, возглавлявшейся Чистяковым («Ч»), оказалось еще более наглядным.

Оно началось с командировки Меца в Москву. Там начальник Московской охраны фон-Коттен познакомил его с неким субъектом, выдававшим себя за крупную фигуру в международном масонстве, от которого жандармский подполковник пришел в не-

¹ Мец вырезал и подклеил газетную вырезку от 20 июля 1908 г., озаглавленную: «Оккультисты в Петербурге». Под ним помещена фотография Папюса со следующей надписью: «Глава оккультистов Папюс, доктор каббалы, президент верховного совета ордена мартинистов, делегат ордена креста Розы, директор оккультного университета в Париже». Фотография, поясняла газета, снята в то время, когда Папюс был в России и останавливался у библиотекаря Зимнего дворца Леманя, в кабинете последнего (ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 1, л. 3).

описуемый восторг, ибо тот, разумеется за соответствующее вознаграждение, предлагал свое сотрудничество с департаментом полиции по части разоблачения и искоренения масонства. Бурная радость и торжество Меца объяснялись тем, что у охраны не было ни одного своего агента, который занимался бы «внутренним освещением» в масонской среде, что считалось самым слабым звеном в обнаружении и ликвидации масонства в России. Теперь этот пробел восполнялся, и не кем-нибудь, а видным масонским деятелем. Поэтому донесение Меца из Москвы звучит почти как гимн.

«Англичанин Джемс, член лондонских масонских лож: «Camden Lodge» и «Quatuor Colopafis» (специальной миссионерской ложы, члены которой обязываются распространять идеи масонства), автор брошюры на английском языке «Краткая история франк-масонства в России и Польше», — захлебываясь, писал Мец, — прибыл в июле месяце 1908 года в Москву, в качестве корреспондента английских и американских журналов, получив поручение от своей ложи «Кватуор Колонатис» насколько возможно более распространять идеи масонства в России». Ему была обещана полная поддержка и вручено письмо к П. А. Чистякову, который имеет звание «Великого мастера» великой ложи «Астрей», существующей в Москве с 1827 г.

Звание мастера, продолжал Мец, открыло Джемсу у Чистякова зеленую улицу: первые три звания он получил за месяц. Сейчас избран «Великим секретарем», так как Чистяков очень занят, утомлен и стар, давно

ищет себе помощника, причем не русского, владеющего языками и имеющего связи с заграничным масонством. «По своему положению Джемс будет находиться в сношениях со всеми провинциальными ложами в России, находящимися под руководством «Великой ложи Астрей», а также и с другими ложами всех степеней и ритуалов, с русским капитулом Розенкрейцеров («Розового креста»), капитулом под названием «Аравийская ложа» и ареопагом «Рыцарей мальтийского ордена», имеющих отделения в провинции, будет участвовать в заграничных и русских масонских съездах, будет иметь право основывать новые ложи, и в его руках будет находиться вся корреспонденция «Великой ложи Астрей», почему явится вполне осведомленным лицом относительно масонского движения в России».

Спрашивается, зачем же такому высокому масонскому лицу сотрудничать с каким-то Мецем? А потому, что последнему сказочно везло. «Такому высокому положению Джемса в масонстве,—объяснял сложившуюся ситуацию автор донесения,—совершенно не соответствуют его материальные средства, и он до сих пор оттягивает свой взнос за диплом на звание «Русского мастера», обещая внести его по получении денег из Англии, откуда он их и не ожидает, имея надежду, что русское правительство, к которому он охотно предлагает свои услуги, обещая совершенно раскрыть и осветить деятельность масонской организации, до сих пор ускользающей от наблюдения,—само придет к нему на помощь».

«В данное время,— снова и снова настаивал Мец,— наиболее острым вопросом является создание г. Джемсом мало-мальски приличного положения, отвечающего той роли, которую он играет как секретарь Великой ложи». Для этого ему надо жить не в меблированных комнатах, как в данный момент, а иметь отдельную квартиру. Иначе он попадает в ложное положение по отношению к членам ложи. Первое заседание ложи после летних каникул намечается на 13 ноября, а потому необходимо «по возможности скорее решить денежный вопрос». Дальнейшая оттяжка выкупа диплома может его совершенно скомпрометировать. Нужны также деньги на экипировку — всего не менее 500 рублей. «Кроме того, необходимо назначить ему приличное его положению содержание, так как, отдаваясь всецело службе русскому правительству, он потеряет свой частный заработок».

«При сем» Мец прилагал лично им снятую фотографию с официальных масонских документов, орденов и отличий Джемса, «полученных им за выдающиеся услуги масонству».

Почему всемогущая организация, охватывающая своим влиянием весь мир, обладающая неограниченными возможностями и средствами, как ее представлял себе Мец, не дала своему полномочному эмиссару ни копейки денег для выполнения столь важного задания, последний таким вопросом не задавался. Хуже всякого слепого тот, кто не хочет видеть, гласит известная поговорка. Но здесь все было очевидно даже для само-

го слепого слепца. Дело в том, что донесение Меца, датированное 13 ноября, тем самым днем, когда должно было состояться первое послевакационное собрание членов «Астрей», кроме него, подписал еще и фон-Коттен, начальник Московского охранного отделения, который отлично знал, что представляет собой на деле пресловутый Джемс.

Поэтому, подписав донесение, он тут же направил начальнику Особого отдела, известному нам Климовичу, личное письмо, в котором, с одной стороны, снимал с себя всякую ответственность за Джемса, а с другой, зная о масонском синдроме департамента полиции и разделяя его, решил не быть дураком и принять участие в столь многообещающей для карьеры игре. «Дорогой Евгений Константинович,— доверительно и дружески сообщал он своему адресату,— «Джемс» — это Иван Федорович Персиц. Человек несомненно ловкий: пронырливый и преследующий исключительно денежную выгоду. Полагаю, что это не помешает ему быть нам полезным. Кроме того, само дело таково, что большого выбора агентуры не придумаешь. Что он масон — это не подлежит сомнению. Наконец, и риск не очень велик: всегда можно через два-три месяца прекратить с ним дело. У меня он, кроме того, служит для освещения разных лекций: университета Шанявского. Проверить его сведения наблюдением вряд ли возможно. Будь здоров. Екатер[ине] Петровне привет. Твой М. фон-Коттен».

На другой же день, 14 ноября, фон-Коттен, основываясь исключительно на данных

этого самого «Джемса» — Ивана Федоровича, посылает совершенно официальное донесение на имя директора департамента полиции, в котором подробно описывается состояние масонских дел в Москве. «Что касается вообще франкмасонского движения, — доносил он, — то агентура («Джемс» — А. А.) пока определенно указывает на существование в Москве Великой ложи франкмасонов «Астрей». Мастером стула ложи является П. А. Чистяков — редактор журнала «Русский франкмасон», прекратившего ныне свое существование, и «Ребус», издающийся поныне. Секретарем ложи является некая Тира Оттовна Соколовская, жена коллежского советника, 37 лет, «составившая» (?) книгу, неоднократно выступала с лекциями и рефератами в Петербурге, где она живет и сейчас. Кроме того, членом ложи является Александра Ивановна Боброва, 46 лет, проживающая совместно с Чистяковым, «и, по сведениям, находящаяся с ним в интимной связи».

«Астрей», однако, масонство не исчерпывается. «По некоторым данным, можно предполагать» существование других лож: «Аравийской» — мастер стула «некто» Сергей Дм[итриевич] Волков, «Рыцарей Розового креста» — во главе с Александром Ник[олаевичем] Серебряковым и «Ордена мальтийских рыцарей», председатель ложи неизвестен. «Вышеупомянутые Волков и Серебряков пока еще не установлены за распространенностью фамилий, почему также не выяснено и местонахождение их лож».

У Быкова собирается интимный кружок

численностью до 15 человек. На этих собраниях поют молитвы и читают евангелие, а затем происходит медитационный сеанс. «Обстановка этих собраний заставляет прийти к заключению, что кружок Быкова близок именно к секте хлыстов». Далее следовал перечень церемоний, подтверждающий это предположение.

Начальник Московской охраны, видно, сразу вошел во вкус. Зарядившись новой порцией беззастенчивого вранья «Джемса», он спустя два дня посылает новое донесение. По дополнительным агентурным сведениям, докладывал он, «Астрей» представляет собой центр, в котором сосредоточено руководство деятельностью других подчиненных ей частных лож, находящихся как в Москве, так и в провинции. Из последних пока известна находящаяся в Москве ложа «Полярной звезды». Уже из этой фразы видно, что на самом деле фон-Коттену, а точнее, «Джемсу» решительно ничего не было известно. Как мы знаем, ложа под таким названием действительно была создана, но не в Москве, а в Петербурге. В первопрестольной такой ложи не было. Отсюда следует, что информатор подхватывал всякий случайный слух, доходивший до него так, как доходит в конце цепи слово в старой детской игре под названием «испорченный телефон», и тут же сообщал его своему шефу в качестве лично известного ему факта. Что же касается «Астреи», то сведения о ней добыть было тем более легко, что ни Чистяков, ни другие члены не делали из ее существования никакого секрета. Журналистики,

которые Чистяков издавал от имени своей ложи, были разрешены на основании известных «Временных правил» 4 марта 1906 г.

«Астрейя», писал далее начальник Московской охранки, проводит в год четыре торжественных собрания, «на каковых присутствуют представители всех лож, причем «братья» являются на эти собрания в полном облачении». В этом году их было три, скоро будет четвертое. Кроме этих собраний, имеют место еще ежемесячные собрания, на которые члены ложи приходят в обычных костюмах. Что же касается «частных лож», то там собрания ежемесячные, и, кроме того, еженедельно «братья» собираются «в так называемой учебной ложе», где занимаются изучением церемониала и масонских знаков.

«По имсющимся сведениям, «Астрейя» обладает большими денежными средствами и ведет широкую благотворительность, имея несколько стипендий в учебных заведениях и различных благотворительных учреждениях». Скоро будет возобновлено издание журнала «Франкмасон».

Кроме того, на основании тех же агентурных сведений, фон-Коттен назвал и несколько масонов, подвигающихся в Петербурге. «Нижеследующие лица играют (там.— А. А.) несомненную роль в масонстве». Были названы 4 фамилии: Гунтер Александр Васильевич, кассир правления Невской нитяной мануфактуры, Кромптон, служащий на бывшей фабрике барона Штиглица, Пирлинг (может быть, Перлинг), служащий на Нарвской суконной фабрике в Нарве, и Мильтон Вильям Яковлевич, «Но

к какой ложе принадлежат эти лица, сведений не имеется». К донесению фон-Коттен приложил фотографию диплома «Астрей» на звание «Мастера» ложи «Полярная звезда». На этом донесении директор департамента полиции наложил резолюцию: «Поручите ф.-Коттену добыть агентурно подписи Чистякова и секретаря Соколовской и доставить в ДП. 18.XI».

В свою очередь Мец, тесно пообщавшись с тем же источником, прислал еще более захватывающее донесение. Ознакомившись на месте с личностью «английского масона Джемса», предложившего свои услуги, писал Мец, «я пришел к полному убеждению, что он действительно масон». Перечислив все, что нам уже известно со слов фон-Коттена, он прибавил и кое-что новенькое, что не решил сообщить или же не успел услышать начальник Московской охраны. А именно: в Калуге «в состав «Великой ложи Астрей» входят ложи: «К вере», «К надежде», «К истине», «Палестина», «Изида», «Нептун», «К самопознанию», «Полярная звезда» и другие, пока еще не выясненные».

В Москве находится ложа «Рыцарей Мальтийского ордена». «Некоторые ложи работают конспиративно у Мастера, другие под маской спиритических кружков, пробы медиумов, в редакциях и теософических собраниях, по той системе, по которой они соединены». Но и это не все: «Наибольшую деятельность в отношении России проявляют следующие заграничные ложи». И далее шел перечень немецких, швейцарских, шведских и французских лож, который мы опу-

каем. «В общем,— резюмировал Мец,— можно считать, что братьев масонов в Москве, по приблизительному подсчету г-на Джемса, более 2000 чел.».

У начальника Особого отдела Климовича эти донесения нашли самый живой отклик. Фон-Коттену, во исполнение резолюции, было предложено добыть подлинные подписи Чистякова и Соколовской, а также прислать негатив с подлинного масонского диплома. Эти требования были выполнены с лихвой. Помимо подписей были присланы первый и второй номер журнала «Русский франкмасон» и фотографии диплома ложы «Астрея» на звание «Великого секретаря», диплома английской ложы на звание «Грандмастера», выданного в феврале сего года, и облачения «Великого секретаря» — нагрудный крест, набедренный и фартук. Кроме того, бланки пригласительных билетов той же ложы с приглашением на очередное собрание с указанием адреса и времени. И в довершение всего отпечатанный на машинке церемониал и обряд посвящения в первые три града свободных каменщиков¹.

На беду охраны, «Джемс» принадлежал к тому сорту проходимцев, которые помимо денег ищут еще и славы. Как истый Хлестаков, увидев, что его дела изживением Меца и фон-Коттена пошли неожиданно хорошо, он стал раздавать направо и налево интервью, приведшие, как и следовало ожидать, к громкому скандалу и заставившие

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 1, л. 117—117 об., 135—138, 141—142, 145, 165—168, 171, 209.

департамент полиция срочно избавляться от своего информатора.

4 декабря 1908 г. в московском черносотенном листке «Вече» появилась статья под заголовком «Пронски масонства». «В настоящее время в Москве,—говорилось в ней,—гостит некто Джемс Перси, англичанин, масон, приехавший в Россию в качестве представителя англо-американского масонства, с целью хлопотать о разрешении деятельности масонских лож в России». Перси «преисполнен больших надежд». В частности, «сотруднику одной московской газеты» он заявил следующее: «Русские масонские ложи сами не могут просить о своей легализации, но английское масонство может это сделать: оно обращается к русскому правительству, как сила обращается к силе, и думает, что ему удастся добиться своего». Автору статьи Перси говорил: «...учение масонов более близко русскому крестьянину, чем кому бы то ни было другому».

Естественно, что такие заявления «Джемса» вызвали бурный авторский комментарий: «Вот что нужно использовать им! В чистый источник души народной хотят влить они новую струю грязи... Расчет поистине сатанинский». Уверен ли он, Перси, в сочувствии в России своей миссии? «Да, уверен, я говорил за границей со многими русскими масонами и немасонами, и я думаю, что почва вполне подготовлена». «Почва подготовлена. Все тайные пружины масонства нажаты»,—восклидал вслед за этим автор статьи.

Наконец, Перси нанес последний удар: «Кроме того, проповедь масонства в России свяжет последнюю с либеральной Англией». Это уже был предел: «Вот где зарыта собака! Идет откровенный подкуп. Либеральная Англия поддержит своих русских единомышленников-конституционалистов, а сии последние должны отдать за это на развращение масонам русский народ. Развязная откровенность английского масона, его твердое упование на могущественную поддержку в Петербурге, где почва подготовлена, должна внушать нам, русским людям, самые серьезные опасения. Заговор жив, заговор растет, заговор близок к осуществлению»¹.

Департамент полиции был необычайно чувствителен к таким выпадам со стороны своих лучших друзей и подопечных, какими бы тенденциозными и преувеличенными они ни были, тем более что в кампанию включились и другие газетные голоса. 24 ноября в одной газете была опубликована статья «Масоны в России». «На днях,— сообщалось в ней,— выехал из Москвы в Петербург с особой миссией влиятельный член великой масонской ложи «Хембден 8 Quatuor Corporations» в Лондоне Джемс Перси. Деятельный член лож в Германии, автор многих брошюр о масонстве в России». Автор знает его лично по Лейпцигскому университету, где вместе слушали курс на философском факультете. На вопрос о цели приезда Перси дал

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 1, л. 205.

такой ответ: «Мы не вмешиваемся в распоряжения правительств, но стараемся раскрыть глаза лиц, стоящих во главе государственных учреждений, на всякие злоупотребления подведомственных лиц». В Англии и Франции все выдающиеся деятели администрации в большинстве масоны. Политикой не занимаемся. Процент евреев в ложах ничтожен. Статья заканчивалась следующими словами, якобы сказанными Джемсом: «В Лондоне и в Париже, как и в одном из курортов Германии, я встретил много русских сановников, которые разделяли мое мнение, что учреждение великой ложи в Петербурге много будет содействовать успокоению умов, но не на почве острой борьбы, а лишь путем мирного нравственного воздействия»¹.

Что в приведенных словах принадлежало автору статьи, а что англо-масонскому Хлестакову — установить, конечно, невозможно. Но для охранки это уже значения не имело. Надо было срочно принимать меры, что и было сделано.

Недавно в печати, сообщала газета «Старая Москва» 31 декабря 1908 г., последовало официальное опровержение толков о легализации масонства в связи с заявлениями Джемса Перси. Статья называлась «Миновавшая опасность»². 23 декабря 1908 г. «Новое время» поместило заметку, в которой говорилось, что на квартире Чистякова полицией было обнаружено незаконное собра-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102. 00. 1905. д. 12. ч. 2, прод. 1, л. 155.

² Там же, л. 215.

вне, участники которого были переписаны. Затем был произведен обыск в редакции журнала «Русский франкмасон». Спустя месяц, 26 января 1909 г., та же газета сообщала: «Несколько времени назад на Арбате было захвачено незаконное собрание, которое, по некоторым данным, называли масонским. Затем выяснилось, что некий Персиц, признанный человеком безусловно вредным, был арестован, и ныне возбужден вопрос об удалении его из Москвы»¹.

Подчеркнутые нами слова свидетельствуют о том, что департаменту полиции пришлось бить отбой. Одновременно перед ним встал вопрос о том, что делать с Чистяковым и его предприятием. Признать его не масоном, а простым жуликом — значило расписаться в своем провале. Обратное решение также грозило осложнением, так как на суде могла выясниться подлинная картина московского псевдомасонства. В результате было сделано так, как посоветовал исполняющий обязанности вице-директора департамента полиции небезызвестный Виссарионов своему непосредственному начальнику в письме от 30 декабря 1908 г.

Конечная цель масонства, писал он, — это ниспровержение во всех государствах, в том числе и в России, существующего государственного строя. Поэтому принадлежность к масонству, «казалось бы, возможно подвести под признаки 1 ч. 126 ст. Угол. улож., но, принимая во внимание особую конспирацию означенного сообщества, трудность до-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 1, л. 214, 255.

казать формальным путем задачи масонства, отсутствие каких-либо масонских изданий, хотя бы тайных, кроме разоблачений отпавших от масонства, а также и открытие истинных целей масонства только лицом, достигшим высших званий того или иного ритуала, следует признать, что при возникновении дела о масонстве, впредь до получения более осязательных доказательств и откровенных показаний, было бы осторожнее приступать к дознаниям по признакам преступлений, предусмотренных ст. 124 Угол. улож.»¹.

Так и было сделано: «масонство» в Москве было ликвидировано в административном порядке.

Казалось, конфуз с «делом Джемса» должен был как-то отрицательно сказаться на служебном положении Меца. В действитель-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 1, л. 216. Следует отметить, что «Астрей», помимо того, что вела в конфуз департамент полиции, изобличает также... Мельгунова. Перечисляя известных масонов — Ковалевского, де-Роберти, Гамбарона, Кедрина и др., Мельгунов указывал, что они были уже тогда, до революции, известны полиции. «И по очень простой причине, — объяснял он, — Разбирая архив Московского охранного отделения, я нашел там полный список членов московской ложи «Астрей», — очевидно, и в таинственном содружестве был свой осведомитель». Таким образом, автор сознательно объединил ложу Чистякова с ложами, основанными Ковалевским и другими политическими масонами, заставляя тем самым думать, что «Астрей» также была ложей политического масонства, тогда как одного взгляда на этот список было достаточно, чтобы понять, что собой она представляла на самом деле (Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту: заговоры перед революцией 1917 года. С. 182).

ности все произошло как раз наоборот, он был вскоре откомандирован в распоряжение дворцового коменданта для заведования дворцовой охранной агентурой. Мец тут же доказал, что он заслужил внимание и доверие человека, непосредственно отвечавшего за безопасность священной особы государя императора.

4 июня 1909 г. начальнику столичной охраны послан запрос, подписанный Мecem, относительно некоего общества под названием «Маяк». По поручению дворцового коменданта, говорилось в нем, он, Мец, обращается с просьбой дать сведения о «Маяке». Официальной целью общества является воспитание молодежи в нравственном и физическом отношении. Однако выяснилось, что оно получает субсидии из-за границы и хочет распространить свою деятельность не только на Петербург, но на всю Россию, в том числе на армию и флот, о чем руководство «Маяка» настойчиво ходатайствует у министра двора. «По имеющимся у дворцового коменданта (у Мeca.— А. А.) сведениям, общество это, добившееся почетного покровительства его высочества принца А. П. Ольденбургского, представляет собой не что иное, как возрождающееся русское масонство. Правая печать уже давно указывала на некоторые странные обрядности и костюмы с символическим изображением треугольника, которые будто бы имеют место в этом обществе». Все это желательно проверить, и прежде всего выяснить связи и личность секретаря общества Франклина Августовича Гэлорда, «имеющего покрови-

телей и связи в высшем обществе». Его ходатайство вступить в переговоры с военным и морским министрами оставлено пока без последствий, под предлогом отъезда государя в шхеры.

Нет ни малейшего сомнения в том, что единственным источником сведений Меца о «Маяке» была указанная правая печать, ибо никому другому, как помешавшимся на истерии бдительности черносотенцам, включая и их духовного брата Меца, подобный вздор просто не мог прийти в голову¹. Но слово «масон», да еще произнесенное от имени дворцового коменданта, не оставляло места ни сомнениям, ни тем более возражениям. В ответ на письмо Меца Петербургское охранное отделение представило «краткий очерк деятельности общества «Маяк».

В очерке сообщалось, что общество возникло в 1900 г. по мысли и на средства американского гражданина Джемса Стокса (50 тыс. рублей), видного деятеля «Международной христианской ассоциации молодых людей», под почетным председательством принца А. П. Ольденбургского. Свое

¹ Около вырезки из газеты «Русское знамя», органа дубровинского «Союза русского народа», от 6 ноября 1908 г., озаглавленной «Скандал в масонстве», рукой Меца и за его подписью 9 ноября записан адрес Дубровина, а затем была сделана приписка: «10 октября 1908 г. я лично разговаривал с А. И. Дубровиным по поводу этой заметки, причем он сказал, что д[епартаменту] полиции больше никаких сведений по масонству давать не будет, что сообщения его, переданные конфиденциально... были известны в масонских группах на следующий же день» (ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 2, л. 1).

теперешнее название «Маяк» оно получило в 1905 г. «Задача «Маяка» — содействии трудящимся молодым людям в достижении нравственного, умственного и физического развития, в согласии с духом христианской церкви». В соответствии с этим в «Маяке» практикуются гимнастика, экскурсии, поездки, катанье на лодках, ходьба на лыжах, буфет, комната для игры в шахматы и шашки. «Никакие крепкие напитки и никакие игры на деньги в обществе не допускаются». По воскресеньям устраиваются бесплатные литературно-музыкальные вечера.

Посетителями «Маяка» являются служащие правительственных, акционерных и частных учреждений торгово-промышленного характера, служащие торговых домов, банков, страховых обществ и т. п. Не допускаются учащиеся, нижние чины и юнкера, а также ограниченные в правах по суду. Посетители «Маяка» бедны: средний заработок их — 35 рублей в месяц. По их мнению, общество оказывает на них самое благотворное влияние. В свою очередь, «правая печать неоднократно указывала на благотворное влияние «Маяка» на молодежь, тогда как оппозиционная пресса совершенно замалчивает деятельность этого общества, как непригодную для их целей». Волнения последних лет «Маяка» «почти не коснулись». И далее: «Никаких политических целей «Маяк» не преследует». Сведений об обрядах не имеется. Выяснить связи Гэйлорда не удалось.

В дополнение к этому очерку были приложены: отпечатанный типографским способом руководящий состав «Маяка», взятая из

журнала фотография Стокса, групповой журнальный снимок, на котором были изображены председатель Совета «Маяка» сенатор И. В. Мещанинов, главный секретарь Ф. А. Гэйлорд и главный секретарь Международного комитета христианских ассоциаций молодых людей в Америке Р. Морз сразу после их представления царю в июне 1907 г., печатный очерк деятельности «Маяка» за седьмой отчетный год, прочитанный 20 января на годовом общем собрании членов секретарем совета Н. А. Рейтлингером в зале Петровского коммерческого училища.

Казалось бы, все ясно. Даже охранка выдала «Маяку» самую лестную аттестацию. Общество не только не вело никакой тайной деятельности, но всячески афишировало его. Цель общества с точки зрения режима была идеальной. Возглавлял его сенатор, шефом был принц Ольденбургский, но... победителем вышел все-таки Мец, а не принц. В деле имеется весьма обширный документ, озаглавленный: «Часть общего доклада о масонстве подполковника Мец, касающаяся общества «Маяк» и им подобных», изложенная на 200 машинописных страницах¹. Он, по-видимому, и решил дело. Кого бог захочет наказать, он прежде всего отнимает

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 1, л. 221—356. В деле имеется также отрицательная характеристика «Маяка», в которой, в частности, говорится: «Подобно «Маяку», существуют и другие организации для перевоспитания молодежи в известном, нужном масонству направлении» (там же, л. 219).

у него разум. Более наглядное доказательство верности этой истины трудно придумать.

Глава 7

КОЛЛЕЖСКИЙ АСЕССОР ЕДЕТ В ПАРИЖ

Откомандирование Меца лишило департамент полиции его главного и единственного специалиста по масонам в самый разгар масонского сезона, когда охотники за масонами вошли во вкус и со дня на день ожидали, что вот-вот им улыбнется удача. Вместе с тем, будучи профессионалами, они не могли не сознавать, что итоги четырехлетних усилий были крайне разочаровывающими.

30 марта 1910 г. заведующий Особым отделом подписал справку о состоянии масонских дел. В настоящее время, говорилось в ней, в отделе имеются следующие дела, касающиеся масонства.

1) Дело № 6619 — 1907 г. под заглавием «О масонских ложах», возникшее при появлении в Москве журналов «Спиритуалист» и «Голос всеобщей любви», представляющее собой переписку о Чистякове и Быкове, плюс отношение директора департамента духовных дел иностранных вероисповеданий (министерство внутренних дел), в котором указывается на связь сект баптистов и евангельских христиан с масонством.

2) Дело № 267 — 1908 г. «О масонах», возникшее вследствие телеграммы посла в Париже Нелидова от 20 марта 1908 г. с указанием фамилий Кедрина и Бебутова. В нем

имеется также циркуляр департамента полиции от 20 апреля 1908 г. начальникам районных охранных отделений о борьбе с масонством.

3) Дело № 381—1908 г. «О всемирном еврейском союзе». Попытка заведующего Берлинским отделом этого союза Клаузиера добиться его легализации в России. В деле имеется письмо Коковцова Столыпину, в котором говорится, что благоприятная конъюнктура для кредита во многом зависит от этой легализации. Справка Меца по поводу этого союза и еврейской социалистической партии, сыгравшая, естественно, решающую роль в отказе от легализации. (И здесь Мец оказался сильнее министра финансов Коковцова.)

4) Переписка о Лубенском, Михаиле Выводцеве, Морице Брот и Владимире Штальберге.

5) Переписка по поводу статьи в журнале «Eclair» под названием «Бодрствуйте, консулы», в которой говорится об участии в заседании лож высокопоставленного русского князя, а также о посвящении в женскую ложу «Stuart Mill» молодых девиц: анархистки Гомбардт и др.

6) «Переписка о масоне Кедрине, возникшая по поводу его печатного признания в принадлежности к масонству. Наблюдение за Кедриним было оставлено по безрезультатности 6 марта 1907 г.».

7) Дело о некоем Персице (Москва, 1908 г., Чистяков), «окончившееся высылкой английского подданного Персица... за границу».

8) Дело о «Маяке».

Вот и весь улов. Уже сам перечень свидетельствует о полной «безрезультатности» не только шестого пункта, но и всех остальных. Наблюдение за лицами, указанными в пункте четвертом, окончилось, как видно из документов, полным конфузом. Статья в журнале «Eclair» оказалась грубой фальшивкой и т. д.

«Кроме означенных материалов,— указывалось далее,— в департаменте полиции имеется записка подполковника Мец, составленная по его личной инициативе: «Существо и цели всемирного общества франкмасонов» в период от 1903 по 1908 г. по материалам, получаемым им из-за границы на свои средства и запрещенным для обращения в России, состоящим из следующих книг». После их перечня справка продолжала: «Означенная записка, имеющая 170 страниц, включает в себе следующие разделы». Снова шел перечень, а затем излагалась судьба записки. Эту записку Мец представил Трусевичу 18 октября 1908 г. Последний ее прочел и наложил резолюцию: «Прошу Виссарионова обработать записку для доклада Его Величеству». После ухода Трусевича эта резолюция не была исполнена, а Мец был откомандирован в распоряжение дворцового коменданта, где и возникло дело о «Маяке». «Подполковником Мец была подана по сему поводу записка с указанием на масонский характер этого общества, и разрешение просьбы «Маяка» было отложено до осени 1909 г.

В августе 1909 г. государь император, пожелав ознакомиться с масонским вопросом, повелел представить ему записку о масонстве во время пребывания его в Крыму, к каковому времени означенная записка была приведена подполковником Мец в окончательном виде и вместе с приложением представлена дворцовому коменданту, у которого находится и в настоящее время. На высочайшем рассмотрении записка до сих пор не была¹.

В этой ситуации возникла двойная задача. Найти замену Мецу и обрести если не новую идею, то хотя бы другой, более эффективный подход к решению масонской проблемы. Замена была найдена в недрах самого департамента. Им оказался тот самый Б. К. Алексеев, которого упомянул на допросе Белецкий, по чину коллежский асессор, по должности — старший помощник делопроизводителя одного из делопроизводств департамента (второго). Новый подход был предложен полицейскому ведомству сверху, на весьма высоком уровне. Этот подход полностью отвечал представлениям «верхов», правительства и всего аппарата царизма о природе, организации и целях масонства и исходил из них.

Ход мысли был следующий. 1) Масонство, несмотря на различие толков, представляет собой все же единую и притом всемирную организацию, ставящую перед собой конечную цель уничтожения монар-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 2, л. 164—166 об.

хий, христианства и т. п. во всем мире. 2) Оно имеет, возможно, несколько центров, один из которых находится в Париже, откуда осуществляется руководство масонами во всем мире¹. 3) В подлинные зло-

¹ 22 сентября 1908 г. за подписью начальника Особого отдела Климовича начальнику Екатеринославского охранного отделения было послано распоряжение, в котором в числе прочего говорилось: «С 1893 г. масонство всех стран, преследующее повсеместно одни и те же цели разрушения государственного строя, объединено в одно целое, причем, согласно официальным разоблачениям последнего времени, весь земной шар разделен ими, независимо от границ государств, на 77 «треугольных» провинций, соединенных в группы». Из них номера с 1 по 26 обнимают США, Канаду, Центральную Америку с центром в Вашингтоне. Номера 27—36 охватывают Южную Америку с центром в Монтевидео. Номера 37—63 включают Европу с центром в Неаполе. «Причем в провинцию № 46, называемую «Берлинской», входит весь Западный край России с польским населением, кроме Подольской губернии, а в состав 62-й провинции — «Екатеринославской» — входит Румыния, вся Европейская Россия и Кавказ. Остальные 14 провинций объединяют Азию и Океанию и имеют управление в Калькутте. Все главные управления группами «треугольников» сводятся: 1) с Высшим исполнительным управлением в Риме, 2) с Высшим административным управлением в Берлине и 3) с «Верховным делегатом» по делам пропаганды в Лейпциге. «Эти три высшие управления находятся в подчинении и сводятся с главой всемирного масонства «Антипапой» Адрианом Лемм, живущим в Риме, при котором имеется «совет» из 10 масонов. Ввиду того что в означенных разоблачениях № 62 участка назван «Екатеринославским», можно предполагать, что означенный город или весь район Екатеринославской губернии играет большую роль в революционном движении России в смысле организаторской деятельности» (ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 1, л. 7—8 об.). Ослепшие уши масонской учености Меша видны здесь за километр.

вещие цели масонства рядовая масса ма-
сонов, включая и нижние иерархические
ступени, не посвящена; она является все-
го-навсего слепым орудием руководителей
масонства самых высоких степеней. 4) От-
сюда следует, что основной удар по ма-
сонству надо наносить не в России, а за
границей. Постараться проникнуть в сок-
ровенные тайны и планы масонской вер-
хушки.

Во исполнение этой цели в Париж в ок-
тябре 1910 г. и был послан упомянутый
Алексеев, причем дело об этой команди-
ровке так и было озаглавлено: «Дело о ко-
мандировании коллеж. ассесс. Алексеева за
границу для изучения вопроса о масонст-
ве». Руководство этой операцией лично
взял на себя товарищ министра внутрен-
них дел небезызвестный генерал Курлов,
из чего следует, что миссии коллежского
ассессора придавалось большое значение.
Выбор же пал на него потому, что он, как
объяснял Белецкий в Чрезвычайной след-
ственной комиссии, окончил лицей и знал
языки. Заведующему заграничной агенту-
рой была послана шифрованная телеграм-
ма за подписью Курлова, гласившая: «Бла-
говолите оказывать полное содействие
командированному за границу изучения ма-
сонского вопроса Алексееву: случае надоб-
ности снабжать его деньгами. Одновре-
менно сим переводится Ваше имя вы-
дачи ему тысяча рублей»¹.

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2,
прод. 2, л. 102.

Алексеев прибыл в Париж в октябре 1910 г. и вернулся в декабре. За эти примерно полтора месяца он прислал четыре докладные записки, в которых были подробно изложены его усилия по части проникновения в святая святых тайной масонской организации. Записки эти настолько выразительны, что П. Е. Щеголев опубликовал их в своей книге «Охранники и авантюристы» под заголовком «Охота за масонами или похождение эсессора Алексеева»¹. К сожалению, эта публикация сделана так же авантюрно, как и авантюрна была вся затея с посылкой Алексеева. Вряд ли это можно объяснить тем, что сам П. Е. Щеголев был масоном. Публикатор даже не дал себе труда ознакомиться со всем масонским делом, а бегло просмотрел всего один том из семи. Результатом были, во-первых, совершенно необоснованные, противоречащие фактам домыслы, а во-вторых, для него осталось неведомым главное — вопрос о том, кто стоял за спиной Алексеева, кто явился подлинным и главным вдохновителем всей этой затеи. А ответ на него весьма важен для понимания всей сути масонской проблемы и отношения к ней не только со стороны департамента полиции, но и со стороны «верхов».

В марте 1912 г. новый директор департамента полиции, известный нам Белецкий, на одной из анонимных записок о масонстве наложил резолюцию: «Какие сведения

¹ См.: Щеголев П. Е. Охранники и авантюристы. М., 1930. С. 34.

о масонстве имеются за последнее время». Во исполнение этой резолюции ему была представлена сводная справка, начинавшаяся как раз с командировки Алексеева. «Вопрос о распространении масонства в России,— говорилось в ней,— привлек внимание министерства внутренних дел еще в 1910 году. После личных переговоров статс-секретаря Столыпина с Его Высочеством великим князем Николаем Михайловичем покойный министр внутренних дел решил дать этому вопросу возможно яркое освещение, тем более что масонством вообще и пропагандой его в России в частности изволил лично интересоваться Его Императорское Величество, не раз делаясь с великим князем Николаем Михайловичем тревожными опасениями».

«Оповещенный о сем» Курлов, говорилось далее, поручил Алексееву специально ознакомиться с масонским вопросом, чтобы найти способы борьбы с ним. Именшиеся в министерстве внутренних дел материалы о масонах носили случайный, «отрывочный» характер. Равным образом и все печатные произведения, газетные статьи, рукописи и материалы в музеях и библиотеках касались почти исключительно масонства XVIII и первой половины XIX в. Указы 1822 и 1826 гг., запрещающие в России масонские организации, заставили современных масонов работать в тайне, и, благодаря «изумительной дисциплинированности» членов масонских лож, они этого вполне достигли.

Однако «путем самых тщательных изысканий и наблюдений, а в особенности бла-

годаря некоторым ценным указаниям великого князя Николая Михайловича, данным Его Высочеством лично коллежскому асессору Алексееву, — удалось тем не менее установить некоторую руководительную нить, наличие которой позволяла с уверенностью искать пункт современной пропаганды в России — во Франции»¹.

Автором этой записки, как видно из текста, был Алексеев, и он, конечно, постарался использовать ее в целях саморекламы. Но для нас важно здесь другое: инициатором его поездки в Париж по меньшей мере был великий князь Николай Михайлович, тот самый, который «баловался» историей и которого некоторые советские историки поспешили объявить великим либералом, а Аронсон зачислил... в масоны².

Политическое глубокомыслие и проницательность великого князя нашли себе достойное воплощение в действиях его посланца в Париже. Смысл всех четырех докладов Алексеева сводится к одному очень простому тезису. Верхушка «Великого Востока» так законспирирована, что подобраться к ней практически нет никакой возможности. Помочь может только счастливый случай, и он представился. Некий аббат Турмайтен, один из главных руководителей антимасонской лиги, своеобразный

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 2, л. 47—48.

² См.: Аронсон Г. Россия накануне революции: Исторические этюды. Монархисты, либералы, масоны, социалисты, С. 110.

французский Бурцев по разоблачению ма-
сонства, заявил ему, Алексееву, что один из
членов мasonicкого руководства запутался
в своих делах, ему грозит разоблачение и
поэтому он готов пойти на сотрудничест-
во с ним, Турмантенон, выдать все масон-
ские секреты, но, разумеется, за большие
деньги.

Не надо думать, что Турмантен — это
находка и удача Алексеева. Его имя, рав-
но как и его деятельность, было хорошо
известно департаменту полиции, и оно не
раз упоминалось в его документах задолго
до поездки Алексеева. Последний просто
избрал самый легкий путь — вступил в
контакт с аббатом на предмет ознакомле-
ния и возможных совместных действий.
Хотя от докладов Алексеева за версту нес-
ло самым грубым и откровенным жульни-
чеством, и опытные полицейские чиновни-
ки не могли этого не понимать, тем не ме-
нее его предложение сделалось предметом
самого серьезного обсуждения на весьма
высоком уровне.

1 декабря 1910 г. секретарь министра
внутренних дел Сенько-Поповский отпра-
вил Алексееву в Париж конфиденциальное
письмо, в котором он, по поручению Кур-
лова, сообщал, что последний в принципе
согласен с предложениями Алексеева. По-
этому пусть Алексей (до сих пор не ре-
шавшийся назвать сумму) срочно укажет,
сколько требуется денег. Пусть узнает:
1) размер ежегодной субсидии антимасон-
скому обществу для наблюдения, 2) раз-
мер единовременного взноса на агентур-

ные расходы по добыванию имеющегося материала, 3) размер единовременного взноса на предмет вознаграждения анти-масонскому обществу. Алексеев назвал громадную цифру — 500—550 тысяч франков, и Курлов заколебался. Спустя три дня в Париж была послана шифрованная телеграмма, в которой Алексееву предписывалось приступить к переговорам с Турмантенем лишь в качестве частного лица на условиях его второго доклада, где речь шла о ежегодном взносе и небольшом единовременном вознаграждении за предоставляемые материалы. Ответная шифрованная телеграмма Алексеева гласила, что на мелкую сумму не идут. «Согласны только крупную единовременную сумму выдачу настоящих будущих материалов», с большим трудом сбавив цену до 450 тысяч франков. Вслед за этим 6 декабря Алексеев шлет телеграмму: «нужные люди отказались... умоляю стойте за четвертое» (т. е. соглашайтесь на сумму, указанную в четвертом докладе). В ответ ему было предписано оттянуть ответ, мотивируя вызовом в Петербург для окончательных переговоров. Необходим его личный доклад, заканчивал телеграмму Сенько-Поповский.

Алексеев прибыл в Петербург, и на этом дело было закончено. Курлов все же не решился выдать почти полмиллиона франков, отдавая себе ясный отчет, куда на самом деле пойдут эти деньги¹. Сам Алексе-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00. 1905, д. 12, ч. 2, прод. 2, л. 140—146.

ев в цитированной выше записке, где речь шла о великом князе Николае Михайловиче, финал этой истории изложил следующим образом. Его контакты с Турмантенем «открыли тот путь, на который правительство могло бы встать в смысле интенсивной борьбы с масонской деятельностью в России». Сводка его докладов была представлена Столыпину. Последний, ознакомившись с ней, по вопросу о деньгах «выразил желание, чтобы проект этот в принципе получил непосредственную санкцию Его Императорского Величества, лично интересующегося масонским вопросом». Ввиду этого в декабре 1910 г. Курлов составил всеподданнейший доклад, который, по словам дворцового коменданта Дедюлина, «сильно заинтересовал» царя — он несколько раз говорил, что по этому делу необходимо назначить отдельную аудиенцию (кому — Курлову, Алексееву?). Однако «последующие события (убийство Столыпина и отставка Курлова. — А. А.) затормозили ход дела»¹. Насколько здесь можно верить Алексееву, сказать трудно. Но что итоги его поездки были доложены Столыпину — это несомненно.

Возникает также вопрос, был ли этот своеобразный полицейский шантаж его личным замыслом, или лихая финансовая операция была задумана им вместе с аббатом Турмантенем? По счастливой случайности мы можем дать на него точный от-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 4, л. 63, об. — 64 об.

вет. В деле сохранился перевод письма Турмантена министру внутренних дел Макарову, посланного из Парижа 16 января 1912 г. «Милостивый государь,— писал аббат,— я заставил Вас долго ждать мое письмо, [которое], впрочем, не содержит в себе ничего срочного. Я хотел бы только узнать, правда ли, что от моего имени было предъявлено значительное требование денег, и было ли это требование удовлетворено или нет? Мне нужно знать равным образом, не отказались ли еще от намерения предпринять что-нибудь в России против франкмасонов? У меня были прекрасные случаи, которые ускользнули, так как Ваша поездка последствий не имела»¹.

Итак, вероятнее всего, предприятие было совместным, ибо ни от кого другого, кроме Алексеева, Турмантен не мог узнать этих сведений. Получив такое поощрение своей деятельности, как личное письмо к нему министра внутренних дел великой страны, аббат имел все основания снова предложить свои услуги, а заодно в замаскированной форме справиться, не надул ли его напарник. Сам факт посылки письма Макарова мелкому пройдохе является еще одним наглядным свидетельством политического вырождения и измельчания царизма, равно как и командировка коллежского ассессора в Париж для раскрытия всемирных масонских тайн.

Парижское турне Алексеева не только не

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 4, л. 24.

повредило ему в глазах начальства, но, наоборот, он прочно сел в кресло откомандированного Меца и начал столь же бурную и столь же нелепую антимасонскую деятельность, как и его предшественник.

11 мая 1911 г. он прислал Курлову обширную записку, имевшую целью показать, каких он достиг крупных успехов за короткое время в разоблачении деятельности масонов в России. «Совершенно частным образом,— писал он,— удалось установить следующие данные о деятельности масонских пропагандистов». В словах «частным образом», подчеркнутых нами, и была зарыта собака: не департамент полиции, а лично он, коллежский ассессор Алексеев, добыл и представил своему высокому шефу эти ценные сведения.

Что же сообщил он в своей записке? «Все петербургские масоны группируются около Н. Н. Беклемишева, Т. О. Соколовской и В. В. Архангельской-Авчинниковой. Главным местом их собраний является помещение изобретений и усовершенствований (Мойка, 12), где почти ежедневно происходят обсуждения всевозможных тем, касающихся масонства». Но, вынужден был признать Алексеев, «устраиваемые в этом помещении собрания не являются, однако, собраниями в стиле «лож», а представляют собой подготовительную инстанцию вербования здептов масонства, выражающуюся в чтении тенденциозных лекций и докладов». Присутствуют на них только специально приглашенные лица. На собрании 11 марта присутствовало 20 человек

(следуют фамилии). Около двух недель назад «частное собрание» имело место у журналиста такого-то, где присутствовали А. А. и Б. А. Суворины.

«В настоящее время,— продолжал нагнетать масонские ужасы коллежский асессор,— центром масонских пропагандистов является В. В. Архангельская-Авчинникова. В частной беседе она заявила, что приехала из Франции в качестве разведчица масонства». По ее словам, в июне или июле в Россию прибудет «масонская экспедиция» человек из восьми. Выбор времени обусловлен тем, что в эти месяцы «ожидаются, по сведениям французских масонов, беспорядки в России. Присутствие масонских делегатов во время этих беспорядков признается масонством крайне полезным для соответствующего воздействия на известные классы общества. Главной целью экспедиции является правильная организация масонства в России и вручение русским вожакам масонства полной инструкции для дальнейшей деятельности». Активная деятельность русских лож, по словам той же Архангельской, начнется уже осенью 1911 г. и будет находиться в большой зависимости от результатов всемирного масонского конгресса в Риме, назначенного на 20—23 сентября 1911 г. На этом конгрессе будут «детально» обсуждаться планы «скорейшего проведения в жизнь конечных целей масонства: уничтожения монархий и церкви и установления всемирной республики».

Эта записка, как видно из надписи ка-

рандашом на первой странице, была доложена министру внутренних дел¹.

Спустя два месяца, 16 июля, неутомимый Алексеев в рапорте на имя того же Курлова сообщил новые устрашающие сведения о целях и задачах предстоящего конгресса. На этот раз его основным источником была статья в дубровинской газете «Русское знамя». Приведя оттуда обширные выдержки, Алексеев далее, уже от своего имени, писал: действительно, как указывается в приводимой статье от 6 июля, в Париже (уже не в Риме.—А. А.) будет созван международный масонский конгресс. «По совершенно частным сведениям, на этом конгрессе центровыми фигурами явятся делегаты французского масонства, которые некоторое время тому назад отправлены были для выяснения положения масонства в России. Делегаты везут крайне благоприятные для масонства сведения, так как поездка их убедила, что в России почва для активного выступления масонства вполне подготовлена и что масонство через оккультические кружки успело завербовать себе значительный контингент сторонников даже среди русской гвардии. Предполагается, что делегаты эти сделают особый доклад в тайном верховном заседании В. Востока, где и будет намечен приблизительный план дальнейших действий». План этот будет сообщен здешним руководителям масонства, с тем чтобы послед-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прол. 2, а, 152—153.

ние представили свои соображения и замечания на втором конгрессе в Риме, который состоится в сентябре и на котором будет окончательно выработан детальный план и даны подробные инструкции «активного выступления». Инструкции будут привезены в Россию в октябре особо уполномоченной на то делегацией¹.

Судя по этому рапорту, Алексеев все же не оставлял своей голубой мечты быть посланным еще раз в Париж, на этот раз уже с той кругленькой суммой, которую он безуспешно пытался выманить полтора года назад. Для этого он делал все, что только мог. 4 сентября 1911 г., когда Столыпин, смертельно раненный 1 сентября Богровым, был еще жив, Алексеев на имя Курлова, прямо обвинявшегося значительной частью российской цензовой общественности в убийстве премьер-министра, послал докладную, в которой говорилось: «От лиц, стоящих близко к здешним масонским кругам, удалось услышать, что покушение на г. председателя совета министров находится в некоторой (!) связи с планами масонских руководителей»². Это «в некоторой» бесподобно. Но, увы, мечта так и не осуществилась: дни Курлова как товарища министра внутренних дел и шефа корпуса жандармов были уже сочтены.

Следует иметь в виду, что интерпретация Алексеева, и это характерно для всех изученных нами документов, относящихся

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 2, л. 156—157 об.

² Там же, л. 159.

к масонству, не была лживой на все сто процентов. В основе ее лежали некоторые реальные факты, но искаженные и преувеличенные до неузнаваемости. Котенок изображался тигром, жалкая нелепая масонская комедия вроде «Астрей» Чистякова—Джемса выдавалась за генеральное наступление всемирного масонства на жизненные устои Российской империи. История с Архангельской и Беклемишевым действительно имела место, но она была весьма далека от тех масштабов и значения, которые ей приписал неугомонный старший помощник делопроизводителя 2-го отделения департамента полиции.

4 января 1912 г. в департамент полиции было доставлено перлюстрированное письмо, датированное днем раньше и адресованное в Париж Варваре Архангельской. Содержание его выглядит достаточно загадочно и непонятно. «Г-н директор,—говорилось в нем,—принял в соображение все сообщенное в трех письмах, однако на владения А. П. сейчас рассчитывать не следует ввиду предстоящего процесса—надо выждать; есть другие предположения, более выгодные, и общество, сформировавшись, может решить само, что следует приобрести. Г, директор одобряет, что план взят обратно и что подтвержден срок 1-го февраля н. с. Ему необходимо, во-первых, конкретно удостовериться в надежности тех, с кем предстоит дело и кому доверчиво открыты все важные соображения; они сами по себе стоят много, но, конечно, оправдываются лишь при его комбинации.

Попусту ехать еще раз он не располагает, а просто после неудачи 1-го февраля переведет стрелку на другие рельсы. Деньги 20 руб. переведем — отправлены, как сказано, отдельно. Об Тифлисе уже хлопочут, но, как, ранее предупреждал, прямых отношений в этом мире нет».

Из письма следует, что между партнерами шла оживленная переписка с обсуждением некоего проекта, реализация которого зависела от хода парижских переговоров. Получая письма-отчеты, «директор» давал Авчинниковой очередные инструкции, согласно которым она должна была действовать дальше. Одновременно он посылал ей деньги, весьма небольшие, что, по-видимому, было заранее оговорено. Письма из Парижа каким-то образом ускользали от полицейского ока, но зато письма «директора» перлюстрировались одно за другим.

Поскольку Авчинникова была уже давно на заметке у департамента полиции как активная масонская деятельница, машина сразу была пущена в ход. В конце письма уже полицейской рукой было добавлено: «Письмо написано на пишущей машинке на бланке состоящего под высочайшим Его Императорского Величества покровительством Общества военной, морской и сельской техники. — Музей изобретений и усовершенствований. Адрес комитета музея: СПб., Мойка, 12... Директор Беклемишев Никл. Никл.».

Следующее письмо Беклемишева было послано 23 января. Оно содержало новые

указания, еще более туманные, чем приведенные выше, вроде: «...главное, не тревожьтесь и преуспевайте не торопясь, а то будет фиктивно». В полицейской приписке на этот раз указывалось: «Архангельская Варвара Васильевна, кандидат на степень доктора историко-философских наук Парижского университета, жена отставного коллеж. секр.; Беклемишев Николай Николаевич, отставной генерал-майор, председатель Лиги «Обновления флота» и др., является убежденным сторонником франкмасонства»¹.

Однако в действительности с масонством Беклемишева дело обстояло сложнее. В сводной справке о масонстве, подписанной 10 февраля 1912 г. начальником Особого отдела, о Беклемишеве, в частности, говорилось следующее: в июне — июле 1910 г. Беклемишев опубликовал в «С.-Петербургских новостях» ряд статей, в которых настаивал на необходимости легализации масонства в России, доказывая, что после этого оно утратит свою «вредность». В высших масонских инстанциях, считал автор, еще не решили, действовать ли во вред или на благо России. А раз так, то этим надо воспользоваться. Нельзя думать, что Россия свободна от влияния масонства, — есть факты получения инвеституры от заграничных лож. На основании последнего начальник столичной охраны делал вывод, что Беклемишев со-

¹ ЦГАОР СССР. ф. 102. 00. 1905, л. 12, ч. 2, прод. 4, л. 2, 20.

стоит членом какой-то заграничной организации¹.

Как видим, отставной генерал-майор, председатель и член многих престижных лиг и обществ, находившихся под высочайшим покровительством, был обуреваем той же идеей, что и департамент полиции,—обезвреживанием масонства. Но рецепт, который он предлагал для ее достижения, был иным. Он хотел, так сказать, приручить его, удушить в мягких объятиях. Это было весьма далеко от убежденного франкмасонства. Однако департамент полиции такие тонкости не устраивали: он действовал (и не мог иначе) по простой и ясной схеме — любая связь с масонами означает принадлежность к масонству со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В докладе об Авчинниковой указывалось, что она известна своей политической неблагонадежностью еще с 1894 г. В 1904 г. читала рабочим в столице лекцию о феминизме во Франции. Неоднократно выступала в качестве лектрисы на политические темы, сотрудничала в радикальной русской и французской прессе, а в 1910 г. вступила в парижскую масонскую организацию «Филалет» и т. д. Вывод начальника Особого отдела гласил: переписка ее с Беклемишевым носит всецело масонский характер. Речь в ней идет о путях проникновения масонства в Россию. Возможно,

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 4, л. 27 об.—29.

само Общество военной, морской и сельской техники является «одной из аффилиаций масонов в России»¹.

Кем и чем была на самом деле Архангельская-Авчинникова, сказать трудно. Скорее всего, она принадлежала к тому типу суетливо-деятельных людей с некоторым налетом бесшабашности и авантюризма, в которому принадлежал пресловутый Бебутов. В одном из своих писем А. А. Суворину из Парижа она в дружеско-шутливой форме сообщила ему, что вступила в масонскую ложу «Карма», и явно при этом хвасталась своей ловкостью. Из письма можно понять, что это ей нужно было для того, чтобы проникнуть в Сорбонну. Судя по письмам Беклемишева к ней, она, скорее всего, просто водила его за нос, с тем чтобы он посылал ей регулярно свои 20 рублей, в которых она, по-видимому, сильно нуждалась.

Вот одно из типичных в этом плане писем, посланных Беклемишевым 24 августа 1912 г. «Ваше письмо от 2 сентября (именно «сентября», очевидно для «конспирации». — А. А.) получено, и доплачено 20, но об этих деньгах не жалеют ввиду его содержания. Если даже не сбудется — все-таки приятно думать о таких успехах... Однако ведь нельзя же жить воздушными замками, надо иметь реальные постройки и, во-первых, формальный ответ. Иначе Д[иректор] все будет думать по своему обычаю, что это устранивают морочение головы его друзьям и ему самому. Очень может быть, здешние

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, л. 12, ч. 2, прод. 4, л. 87—87 об.

спекуляторы милее французским воротилам, чем спокойная расчетливость Д[иректора]. Всякий берет по вкусу и по надобности. Деньги Вам посланы, но все труднее выгадывать, расходы растут, а прибыли нет, получили, однако, много вещей для музея. Вам и друзьям привет».

В письме от 26 февраля 1913 г. Беклемишев писал: «Ваши все более обнадеживающие письма здесь принимаются с удовольствием, но без доверия, которое почти смертельно ранено предыдущим. Если француз действительно выедет, то может поселиться недалеко от музея, Мойка, 32, «Бристоль», тогда будет тихо, удобно, и не будут маклера бегать. Пусть телеграфируют день, час, когда приедет, а не о выезде... Привет В. И. и друзьям. Всего хорошего»¹.

Никакой «француз», конечно, не приехал. Все это было, по удачному выражению Беклемишева, простое «морочение головы» со стороны Архангельской, которое продолжалось вплоть до ее смерти в Париже в 1914 г., и на этом вся «директорская» затея с приручением масонства закончилась². Судя по

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, л. 12, ч. 2, прод. 4, л. 1106, 224.

² Керенский ссылается на циркулярное письмо 171 902, подписанное директором департамента Брюн де Сен-Ипполитом, относящееся к масонскому обществу розенкрейцеров, «которое было известно нам как «организация» Варвары Авчинниковой и которое привело к созданию общества под верховенством вел. кн. Александра Михайловича, включавшего придворных и аристократов». Это циркулярное письмо он нашел, работая в Гугеровском институте (*Kerensky A. Russia and History's Turning Point. P. 89*). В деле о масонах такого документа нет.

его письмам, отставной генерал был весьма самонадеян, раздражителен и не очень умен. Его ссылки на «друзей» говорят о том, что вокруг него группировалось какое-то количество людей, вероятно, в пределах одного-двух десятков.

Глава 8

БЕГ НА МЕСТЕ. ФИНАЛ

Параллельно этому делу шло расследование другого масонского предприятия, очень похожего на историю с «Астреей». Разница была лишь в том, что новый «Джеме», которого звали Чеслав Чинский, был пройдохой помасштабнее, да и подданным он был не английским, а австрийским, и то не наверняка. Началось это предприятие с перлюстрации письма Д. Казначеева своему отцу из Москвы во Владимир от 16 марта 1910 г. Это был сын того самого известного нам Казначеева, который в ответ на анонимное приглашение в «Русских ведомостях» от 6 января 1906 г. в числе других высказал свои соображения о том, как по правилам должна создаваться масонская ложа. Несмотря на то, что это письмо довольно длинное, есть смысл привести его целиком, потому что оно наилучшим образом характеризует направление, качество и численность того масонства, за которым охотился департамент полиции.

«Дорогой папа,— начиналось письмо,— Сегодня я получил твое письмо. Вполне, конечно, согласен с тобой, что центры эзотерической мудрости должны оказывать на ок-

ружающее общество самое благотворное влияние. В совпадении существования у нас

М[асонских] (знак, означающий

«ложи». — А. А.) с эпохой процветания России действительно нельзя видеть простой случайности. Если бы В. К. (?) возродился у нас в России в своем чистом виде (что, надо надеяться, случится в скором времени), то ему более чем в какую другую эпоху представится обширное поле для благотворной деятельности. Дай бог, чтобы в возникновении филомистического кружка нашлось достаточное количество лиц искренних, серьезных, объединенных общим правильным мировоззрением. Только тогда можно будет возбудить в нем вопрос об организации М.

 (ложи. — А. А.). В противном случае,

т. е. если между членами не будет единодушия и они будут легко смотреть на лежащую перед ними задачу, вряд ли дело увен-

чается желанным успехом. Ведь

полезны не одним фактом своего существования, а лишь тогда, когда в состав их входят хорошие люди. Без этого работа ложи легко становится ничтожной или прямо вредной. Обряды делаются для членов пустой комедией, и ничто не может обеспечить

от внесения в нее посторонних дур-

ных течений. Я смотрю на учреждение филолистического кружка как (на) начало дела возрождения русского М...ва, и сознаю поэтому всю важность его. Всякое дело трудно вначале. В данном случае трудность состоит в том, чтобы найти 3 или 4 нужных людей. Но где это случится, то дело покажется как по маслу. Но, к сожалению, пока этого нет. Думаю, что лучше всего поискать среди знакомых Арсеньевых. Во-первых, те из них, которых я знаю, чрезвычайно симпатичные люди. Во-вторых, тогда мы могли бы находиться в постоянной связи с Вас. Серг., единственным в наше время представителем традиций русских м.м... времен Новикова. Мне бы особенно хотелось привлечь в наш кружок Николая Серг. Это было бы громадным шагом вперед. Я уверен, что среди всех русских студентов нет человека более талантливого по нравственным качествам. Считаю, что О. В. К. (?) может в настоящее время принести больше пользы, чем

О М должен набирать своих членов из лиц, прошедших школу М ва.

Я забыл ответить на твой вопрос относительно Аси Карякиной. Мы с ней доехали вместе до самой Москвы, и 6 часов промелькнули очень быстро. Она мне очень понравилась. Я был чрезвычайно обрадован когда получил предложение бывать у нее. Вчера

я говорил с ней по телефону, и в следующий понедельник я, Володя и Победоносцев отправимся к ней.

Володя едет во Владимир в пятницу. Любящий тебя сын твой Дмитрий Казначеев.

S. ∴ J ∴ *

Таково это письмо. Из него, во-первых, следует, что папа и сын Казначеевы, начитавшись масонской литературы и проникнувшись идеями масонства, встали перед идеей возродить русское масонство времен Новикова хотя бы для начала в его подготовительной фазе. Во-вторых, цели и задачи масонских лож, буде они возникнут, должны быть исключительно нравственного порядка — оказывать на общество «благотворное влияние». И в-третьих, они совершенно не знали, как приступить к осуществлению своего замысла, так как в поле их зрения не было даже нескольких филоминистически настроенных «хороших людей».

Тем не менее недремлющее полицейское око сразу нацелилось на Владимир. На соответствующий запрос оттуда в департамент полиции было сообщено, что П. М. Казначеев (отец) «отличается примерной нравственностью, ни в чем предосудительном не замечен, в обществе пользуется большим уважением, по политическим убеждениям принадлежит к крайне правым; знакомство ведет исключительно с лицами вполне благонадежными; хорошо принят вместе с семьей в доме губернатора; кроме того, осо-

бенно близко знаком с председателем суда, управляющим Казенной палатой и с земским начальником статским советником В. М. Карякиным — председателем отдела союза русского народа»¹. Надо полагать, что упоминавшаяся в письме Казначеева младшего Ася Карякина была дочерью этого Карякина. Не составляет также труда понять, какие идеи среди возрожденных масонов собирались проповедовать отец и сын Казначеевы. Тем не менее, хотя семья Казначеевых принадлежала к столпам высшего Владимирского общества, для охраны это было источником дополнительного раздражения, поскольку она привыкла мыслить и действовать только по выпрямленной схеме: черносотенец — хорошо, а масон — плохо, первый — самый верный верноподданный, а второй — опаснее революционера. Вряд ли, однако, дело у Казначеевых пошло бы дальше благих пожеланий, если бы судьба не улыбнулась им приветливой улыбкой австрийского подданного. Тот проявил завидную энергию, развернул кипучую деятельность, связался с Казначеевым старшим, сразу произвел его в высокий масонский чин, свел еще целый ряд знакомств подобного рода и начал явочным порядком основывать масонские ложи.

В целях краткости обратимся к одному из сводных документов, где в сравнительно сжатой форме рассказывается вся эта история от начала до конца. В августе 1910 г., указывалось в справке, в департамент по-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 3, л. 8—8 об., 21.

лиции поступила переписка по заявлению проживающего в Петербурге «некоего» Чеслова Иосифова Чинского о назначении его, члена верховного суда ордена мартинистов, генеральным делегатом для России. Возглавляет этот отдел проживающий в Париже Папиус. Хотя разрешения на ходатайство Чинского об открытии лож не последовало, он явочным порядком стал пытаться устраивать ложы в провинциальных городах. Для этого он рассылал отпечатанные в Париже хартии на открытие лож, взимая деньги за повышение в степени не только в пользу верховного совета ордена, но и в пользу Генеральной делегации (т. е. в свою собственную).

По собранным сведениям, Чинский занимается оккультными науками, спиритизмом, хиромантией и т. п. Издал брошюры «Магические поиски Гилевича» и «Графология». Его посещают много лиц, большинство их из среднего класса, но есть среди них и состоятельные, которые обращаются к нему как к спириту и хироманту. Масонская деятельность Чинского находится в связи с петербургским журналом оккультных наук, издаваемым П. К. Антошевским. Чинский — австриец, католик, принял русское подданство. Получил в Италии звание доктора медицины, которое в России признано не было. Клиенты Чинского называют его даже «профессором».

При оккультических сеансах мешанка Маловская, выступая в качестве медиума, за плату исполняла все, что ей заранее говорил Чинский. Кроме того, за плату же исполнял

его поручения муж Маловской. Так, например, он выслеживал графа Грацинадея Кириллова с целью выяснить по заданию княгини Щетинской личность его любовницы, варшавского военного судью Перетца, проживающего у одной дамы в Петербурге без прописки. Наконец, за содействием к Чинскому обращался граф Алексей Орлов-Давыдов, от которого бельгийский подданный Леораваудт вымогал 100 тысяч рублей. Чинский обещал графу пресечь шантаж, но на самом деле «раздул это дело и под предлогом личной охраны графа навязал ему в качестве телохранителя вышеуказанного Маловского». В результате Чинский выманил «крупную сумму» у Орлова-Давыдова, пока последний не убедился, что тот тоже его шантажирует, и прекратил с ним сношения. Кроме того, Чинский склонял графа Грацинадея вступить в орден мартинистов.

По распоряжению министра внутренних дел летом 1911 г. был возбужден вопрос об административной высылке Чинского. В донесении от 14 декабря 1910 г. начальник Петербургского охранного отделения уведомил, что, по полученным от Антошевского «и, по всей вероятности, сильно преувеличенным сведениям», орден мартинистов в России насчитывает несколько десятков тысяч человек. В одном только 1910 г. вступило 8 тысяч человек, а желающих было более 10 тысяч. Но Генеральная делегация принимала «только избранных», и то лишь после предварительного экзамена. Взносов не собирали, оплачивались лишь членские дипломы, участие в сеансах, обрядовых ве-

черзах и т. д. В столице, кроме того, издается журнал «Изида» во главе с Антошевским. Генеральная делегация возбудила перед правительством вопрос о легализации, причем орден будто бы имел приверженцев среди высокопоставленных лиц¹.

В более раннем документе (январь 1911 г.), составленном в Особом отделе департамента, говорилось, что 9 июля 1910 г. Чинский представил петербургскому градоначальнику заявление о назначении его 2 мая сего года в Париже членом Верховного совета ордена мартинистов и Генеральным делегатом для России. По имеющимся сведениям, «ложя находится в Париже и, сохранив свой особый ритуал, примкнула к всемирному масонству на федеративных началах». Во главе ордена стоит еврей Папиус (Анкос). Хотя разрешения на открытие ордена в России не последовало, Чинский пытается устроить ложи в провинции. Департамент полиции возбудил дело о высылке Чинского, было доложено Курлову, но тот отложил решение до возвращения Алексева из Парижа и во всяком случае не ранее проверки министерством иностранных дел сведений «Земщины» (газеты Маркова-2.— А. А.) о преступной деятельности Чинского за границей. Возбудив вопрос о легализации, фон-Чинский тем не менее не представил в управление градоначальства на утверждение устав ордена мартинистов².

В дальнейшем вопрос о высылке ослож-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 4, л. 29—30 об.

² Там же, прод. 3, л. 87—88 об.

нился: оказалось, что Чинский все-таки русский подданный. Пятилетним ребенком он был вывезен в Австрию (из Варшавы), где родители приняли австрийское подданство, но не позаботились оформить подданство сына. В результате он, как признал варшавский генерал-губернатор, не утратил русского подданства. Тем не менее министр внутренних дел предложил петербургскому градоначальнику выслать австрийского подданного Чинского, «как порочного иностранца, на родину в Австрию».

Однако на предложение выехать Чинский потребовал заграничный паспорт, ссылаясь на то, что он русский подданный. Тогда Особый отдел предложил выслать его в одну из отдаленных губерний¹. В конце концов Чинский выслан был в июне 1911 г. под гласный надзор полиции сроком на три года в Белозерский уезд Новгородской губернии, где у него было имение. 30 декабря 1913 г. начальник Новгородского губернского жандармского управления сообщил в департамент полиции, что Чинский продал свое имение Кочеву за 40 тысяч рублей и 14 декабря выехал в Варшаву, собирается приехать вновь в январе 1914 г. для окончательного расчета².

Такова история очередного авантюриста, рассчитывавшего неплохо заработать на спиритическо-окультурительском масонстве, эксплуатируя, как и его предшественники,

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1906, л. 12, ч. 2, прод. 3, л. 97, 113—114, 115—117, 120, 138—138 об., 146, 149, 151 об.

² Там же, прод. 5, л. 194—194 об.

тягу определенной части публики ко всякого рода потусторонним мистификациям. Он к тому же оказался шантажистом и вымогателем весьма низкопробного пошиба. Уверения его клеветы Антошевского о тысячах прозелитов были, конечно, вздором, в чем отдавал себе отчет и департамент полиции, речь, конечно, шла о нескольких десятках людей, не более, но в энергии и этакой веселой наглости Чинскому не откажешь.

Попав под гласный надзор полиции (но, очевидно, с правом выезда за границу), фон-Чинский не прекратил своей бурной деятельности по части популяризации и внедрения ордена мартинистов в России. Так, например, он послал 18 августа 1912 г. из Брюсселя письмо своему соратнику И. В. Антошевскому следующего содержания: «Дорогой брат Hyacinthas. 1) Пересылаю при сем циркуляр по О М (т. е. по ордену мартинистов.— А. А.). 2) Будь так добр, объясни мне подробно, какую тебе надо хартию

по М . . . Мне писал об этом Ефимов, но

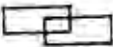
без подробностей. Также насчет аффилиации. 3) В Брюсселе мы, по всей вероятности, задержимся надолго. Мы даже здесь не торопимся с делами. Я еще не видел

здешних М . 4) Вообще мне хотелось бы

несколько обождать с активными выступлениями (в особенности по иллюминизму), дабы дать несколько взрасти посеянному книгой. Я думаю, что она все же поспособствует отделению лиц, серьезно интересующихся оккультизмом, от простых любопытных и от непостоянных любознательных.

5) Наш адрес держи в тайне... 8) Поклон и благословение всем Ббр и СС . 9) Да хранит тебя бог, Твой Бутатар». «Бутатар» — это одно из условных масонских имен Чинского.

К письму было сделано приложение:
«О М Российский верховный уполномоченный Бутатар М   С
Временному верховному уполномоченному
S I D S СПб. Для цирку-

лярного распространения по и группам. Сим извещаем тебя, дорогой брат, что мы нашли нужным повелеть: 1) Установить следующий порядок на заседаниях постоянных и групп Росс. Суверенитета:

а) Размещение офицеров и по местам,
в) встреча почетных посетителей (самой по
устау), с) малое открытие, д) совещание

президиума Ложи (М ☉ I ☉ По. ☉☉

М ☉ I ☉ М ☉ А ☉ Венерабли, а в

вел. Apoll). Совещание великого со-

вета» и т. д. с той же подписью «Бутатар»¹.

Нет, конечно, никакой надобности вникать во всю эту масонскую галиматью, она приведена просто для иллюстрации того, чем могут заниматься взрослые люди². Из письма можно понять, что на время своего отъезда Чивский возвел в ранг временного Верховного уполномоченного своего адресата.

Казначееву, которого он возвел в ранг

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 4, л. 107.

² Были и не совсем взрослые. Некий Ник. Каменский из Москвы писал Чинскому: «Горячо благодарю за любезное сообщение генерального делегата ордена мартинистов. Желаящий быть принятым в число членов общества не имеет 21 года, и притом еще он не сын масона (очевидно, для детей масонов возрастной ценз понижался.— А. А.). Однако же он тот, кто желает быть членом этой лучезарной среды, и тот, кто обрек себя на все в жизни, будучи глубоко преданным хотя бы Бритам, если не святилищу Великой Изиды.. Но неужели Врата ордена окажутся безмолвными и недоступными ему», если «тебе нет 21 года? Братья, я по духу ваш.. Я гимназист VI класса. Мне 17 лет» (там же, прод. 3, л. 53).

«генерального делегата» ордена, Чинский писал в более общей и туманной форме. Вот одно из писем: «Россия, главная квартира, L'O

⌘ M ⌘. Именитый брат, Генеральный делегат. Наш долг мартинистов ясно начертан. Призовем в наших волшебных молитвах бога Правды, Любви и Милосердия. Да услышит Великий Архитектор (бог.— А. А.) молитвы и горячие воздыхания волшебной мартинистской цели и исполнит наши смиренные мольбы. Да помилует бог императора Николая и всю императорскую фамилию. Да избавит бог Россию от опасности. Да сохранит нас от голода, войны, пожаров и чумы. Причастие всех братьев совершится в 12 ч. ночи. Дано в нашей главной квартире в Кочеве 16 октября 1912 года»¹.

В свою очередь Казначеев в качестве генерального делегата переписывался с несколькими себе подобными. Переписка прослеживается департаментом полиции по 1914 г. включительно, но ничего, кроме нелепой мартинистской болтовни и выражений верноподданнических чувств, он в перлюстрируемых письмах так и не обнаружил.

Возникает принципиальной важности вопрос: неужели за все эти годы, скажем, с 1906 по 1914, политическая и мартинистская (окультурная) линии масонства нигде так и не соприкоснулись друг с другом, а шли на «параллельных курсах», не подозревая о существовании друг друга? Один факт та-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 4, л. 140.

кого соприкосновения вам уже известен — контакты графа Орлова-Давыдова с фон-Чинским. Но его, конечно, мало, чтобы ответить на поставленный вопрос утвердительно, тем более что граф был типичным героем романа для горничных — со скандальным судебным процессом и прочими подобными приключениями, делавшими его объектом шантажа для всякого рода мошенников.

Однажды департаменту полиции в этом плане как будто бы повезло. В одной из петербургских квартир были найдены документы, оставленные когда-то проживавшим в ней жильцом. Доставленные в охранное отделение, они вызвали там огромный интерес. Оказалось, как гласит составленная по этому поводу справка, документы принадлежали некоему штабс-капитану 91-го пехотного Двинского полка К. И. Иванову, прикомандированному к Главному штабу, и относились к 1906—1907 гг. В них упоминались М. М. Ковалевский и Ф. Кокошкин как члены I Государственной думы.

Анализ документов показал, что в то время в Петербурге «существовало несколько масонско-оккультических кружков, которые можно разделить следующим образом: 1) Кружок К. К. Арсеньева. В него входили: его жена Е. И. Арсеньева, сыновья Евгений — флигель-адъютант, ротмистр лейб-гвардии уланского полка, и Борис — дипломат при Афинском посольстве, а также дочь Мария («очень ловкая»), князь Евгений Николаевич Трубецкой, бывший профессор Московского университета, князь Оболенский Алексей Дмитриевич — шталмейстер

двора его величества, член Государственного совета Войнананченко (?) Сергей Константинович с женой, урожденной Леман, капитан гвардейской конной артиллерии, адъютант вел. кн. Сергея Михайловича, Война-Панченко Сергей Михайлович и его жена, невыясненные Гагмейстер, Тактыкова, англичанка Мари Поле, «подозрительная личность, через нее сношения с Англией (не выяснена)».

«В кружке этом,—говорилось далее в справке,—разрабатывается один из главнейших вопросов масонской программы—вопрос об отделении церкви от государства путем учреждения отдельного патриаршества». Кружок стремится воздействовать на императорский двор через А. Д. Оболенского и его брата Кокошу (генерал свиты его величества князь Николай Дмитриевич Оболенский, состоящий при вдовствующей императрице Марии Федоровне), на Государственную думу—через Ковалевского, Трубецкого и Кокошкина, на церковь—в лице представителя митрополита Антония через архимандрита Михаила (выкрест из евреев). Этот кружок через Владимира Ивановича Ковалевского, «корсетницу Окошкину (владелица Вера Александровна Кокушкина)» вел сношения с американскими масонскими кружками и через Мари Поле—с английскими. Упоминается в рукописи «лакей Антон—масон (не выяснен)».

Таков был первый кружок. Вряд ли его можно причислить к масонским. Вопрос о восстановлении патриаршества был одним

из самых злободневных не только для либералов, но и для самых консервативных кругов в послереволюционные годы. Он неоднократно обсуждался на разных уровнях, вплоть до самых высоких, как светских, так и церковных. Господствующие классы были крайне озабочены резким падением авторитета церкви в глазах народа и искали средства для возвращения ее прежнего престижа. Восстановление патриаршества считалось одним из краеугольных факторов церковного обновления. Этой идеей были озабочены как Дума, так и святейший синод. Отсюда и такие необычные на первый взгляд кружки, начиная от членов Думы и кончая «Кокошей» и митрополитом Антонием. Идея не получила осуществления по причинам, на которых мы здесь останавливаться не будем.

Что же касается сведений о «сношениях» с английскими и американскими масонами при посредстве каких-то «невнятных» англичанки и лакея, то все это было настолько туманно и неопределенно, что даже департамент полиции не решился придать им сколько-нибудь серьезного значения.

Второй кружок именовался в документах как «масонский кружок мартинистов», в состав которого входили: Ольга Ивановна Мусина-Пушкина — актриса императорской труппы, Муравьев — посол в Риме¹, умер

¹ Это тот самый Муравьев, который в конце 1905 — начале 1906 г. слал из Рима «весьма секретные» письма с предупреждением о кознях итальянских и иных масонов в отношении России (ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, л. 154—155).

в декабре 1912 г., офицер Левшин — возможно, ротмистр лейб-гвардии конного полка Дм. Ф. Левшин, «учитель Леман» — возможно, умерший Леман, «известный по делу кражи документов из Эрмитажа, или Борис Алексеевич Леман» — ученик консерватории. В этот же кружок Мусиной-Пушкиной входил и Папюс, а также П. Н., М. Н. и Н. Н. Этот кружок пытался воздействовать на императорский двор сначала через аббата Филиппа, который в 1904—1905 гг. «действительно... был близко допущен ко двору», а потом действовал через Папюса, главу ордена мартинистов.

Не требуется специального анализа, чтобы понять, что речь здесь идет не о политическом масонстве, и даже не о масонстве вообще, а именно о кружке, об одном из бесчисленных кружков по столоверчению и прочей модной мистики, которой было тогда поголовно заражено «высшее общество», начиная от двора и гвардии и кончая актрисами, вроде Мусиной-Пушкиной. Именно в этих кругах и подвизались весьма успешно всевозможные филиппы, папюсы и им подобные.

Наконец, третий и последний кружок именовался «масонской фракцией «Денница». В его состав входили та же Мусина-Пушкина, Дондукова-Корсукова — Витковская (не выяснена), доктор Шапиро — может быть, Борис Лазаревич Шапиро; Мария Ивановна Доможирова — вдова контр-адмирала, Борис Владимирович Никольский — частный поверенный, протоиерей И. Восторгов «(не выяснен, хотя и известен

по переписке)», М. А. Спиридонова — вдова действительного статского советника, Иосиф Николаевич Семенов — камергер двора его величества, бывший председатель кружка для исследования психических явлений, «муж известной писательницы — медиума Веры Ивановны Крыжановской (псевдоним «Рочестер»); Домашев — член Всемирной лиги или флотский механик, князь М. Л. Шаховской (не выяснен)».

Конечный вывод, сделанный департаментом полиции, гласил: «Центральной фигурой среди перечисленных лиц» является М. М. Ковалевский. Он, в частности, возглавляет общество «Мир», которое «является главнейшим проводником масонских идей», о чем писала газета «Новое время» 14 июля 1913 г. Фигурой номер два является Арсеньев, тоже член заграничной масонской ложи, находится в тесной связи с Ковалевским. «Вестник Европы» и «Русская молва», издаваемые последним, «являются ныне масонскими орденами». Кроме того, Арсеньев состоит в непосредственной связи с Папюсом, который через Чинского хотел легализовать орден мартинистов. Наконец, третьей фигурой является Мусина-Пушкина, о которой неоднократно писала правая печать.

Приведенное заключение свидетельствует, помимо всего прочего, уже о чисто профессиональной несостоятельности департамента полиции. М. М. Ковалевский никогда не имел ничего общего с масонством мартинистского толка и уж тем более не мог быть в одной компании с протонереем Восторговым, одним из самых известных черносоч-

тенных вождей, жившим, кстати, не в Петербурге, а в Москве. Вряд ли он был совместим и с остальными членами «Денницы». Последняя же вряд ли отличалась от других спиритуалистических кружков. Из сделанного департаментом полиции вывода видно, что он стал жертвой собственной мистификации, все и вся зачисляя в масоны, в том числе и совершенно безобидное беззубо-либеральное общество «Мир», не говоря уже о глупом зачислении в масонские ордены беспартийно-либерального «Вестника Европы» с его престарелым редактором Арсеньевым и «Русской молвы» — худосочной правокadetской — прогрессистской газеты, возникшей в 1912 г. и не просуществовавшей даже года.

На этом ретроспективном исследовании, датированном 24 ноября 1913 г., была наложена резолюция директора департамента полиции: «Доложено г. министру внутренних дел 2/XII, который находит необходимым сделать общее исследование по России о движении масонства и затем составить в форме всеподданнейшего доклада живой и интересный очерк для государя императора»¹.

Как позже выяснила петербургская охранка, оккультические бдения в доме Арсеньева продолжались и дальше. В донесении от 28 марта 1914 г. в департамент полиции в дополнение к уже посланным сообщались новые «негласно собранные»

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 5, л. 128—131, 139.

сведения о составе и деятельности кружка Арсеньева. В него входили: сам Арсеньев, 73 лет, отставной действительный статский советник, академик, редактор «Вестника Европы», его жена, 64 лет, председатель общества «Единение», создавшего приют «Семейный очаг», в котором воспитываются 17 девочек от 3 до 15 лет. Ежедневно, около 8 часов вечера, у них собиралось общество до 30 человек «на беседы мистического характера», длившиеся по 3 часа. «Как дознаю», в беседах принимали участие некая графиня Игнатьева и княгиня Гагарина (по-видимому, вдова генерал-адъютанта Софья Сергеевна Игнатьева, известная благотворительница, интересующаяся религиозными вопросами, и вдова шталмейстера княгиня Вера Федоровна Гагарина, 68 лет, большую часть года живет за границей и известна как покровительница второй общины евангельских христиан в Петербурге, объединившей «пашковцев» и «толстовцев»).

«По поступившим сведениям, подобные собрания, с участием высокопоставленных лиц, у Константина Арсеньева происходят и теперь, к выяснению характера этих собраний и участвующих на них лиц — меры приняты». Далее перечислялись фамилии офицеров, поддерживающих связь с Арсеньевым, в том числе и полковник В. М. Андроников, брат знаменитого авантюриста и проходивца М. М. Андроникова, Оболенского уже нет — он умер в декабре 1912 г., а что касается Иванова, то он заподозрен в «шпионстве», ведет пьяный образ жизни, занимался продажей морфия

«многочисленным клиентам, по-видимому из военной среды, но данных, изобличающих его в шпионаже, добыто не было, почему наблюдение за ним было прекращено»¹.

Перед нами всего-навсего картинка нравов тогдашнего «высшего» петербургского общества, отличная иллюстрация к толстовским «Плодам просвещения». Политическим масонством, принимая во внимание возраст и социальное положение участников «бесед», здесь и не пахло.

Итак, все попытки департамента полиции выйти на политическое масонство неизменно терпели неудачу. Несостоятельность его в этом плане подчеркивается в данном случае еще тем, что приведенный выше вывод он сделал не на базе собственных изысканий, а взял из черносотенных газет и справок, посылаемых время от времени известным Ратаевым, в частности из его записки, которую он послал через Красильникова в феврале 1913 г.

В этой крайне убогой по мысли записке объектом его нападок явились всякого рода пацифистские конгрессы, международный парламентский союз и упомянутое выше общество «Мир». Основная идея сводилась к тому, что одним из главных орудий масонства, направленных на разрушение государств и государственности, является проповедь пацифизма. В доказательство автор записки сослался на изречение Пет-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, л. 12, ч. 2, прол. 6, л. 5—7 об., 15—15 об.

ра: «От презрения к войне общая погибель следовать будет».

«Кроме личного влияния,— писал он,— масоны, несмотря на свою немногочисленность (в России.— А. А.), успели уже обзавестись собственными органами печати. Таковы журнал «Вестник Европы» и новая газета «Русская молва», редакция которой сплошь почти состоит из масонов. В политике приютом масонов служит кадетская партия, а (также) преимущественно недавно основанная по инициативе М. Ковалевского партия беспартийных прогрессистов».

Приведенный отрывок, помимо чисто полицейских предрассудков и измышлений, говорит о том, что Ратаев, находясь в Париже и не у дел, очень смутно представлял себе, что на самом деле происходило в кадетских и прогрессистских кругах. В частности, упомянутая им партия прогрессистов так и не была создана, и одним из главных противников ее создания был именно М. М. Ковалевский, возражавший против какого-либо партийного оформления прогрессистов.

Ратаев стремится подбодрить свой родной департамент, несколько обескураженный малозффективностью достигнутых результатов в поисках и обезвреживании масонства в России. Ввиду самой разносторонней деятельности масонов, советовал автор записки, «одной полицейской борьбы с ними недостаточно». Но не так страшен черт, как его малюют. С масонами можно успешно бороться. «Это вовсе не

так трудно и сложно, как кажется с первого взгляда». Надо прежде всего знать главарей, «а они, к счастью, все известны, а так как они всегда держатся шайкой, то по ним не затруднительно выяснить в остальных». Надо разоблачать масонов исходящими от них же документами — это главное. Основная роль в идейной борьбе с ними должна принадлежать духовенству.

Пируэты полицейской логики трудно поддаются логическому объяснению: с одной стороны, главным отправным постулатом департамента полиции, Ратаева и всех остальных, посвятивших себя борьбе с масонством, являлся тезис о сверхзаконспирированности масонских главарей, а с другой — утверждение, что все они широко известны. Но факт тот, что Ратаев в доказательство своей мысли сделал к своей записке приложение, преамбула которого гласила: «При сем прилагается список известных мне русских масонов. Хотя эти сведения получены из источника, заслуживающего полного доверия, тем не менее, ради осторожности, из лиц, принадлежность коих к масонству может быть удостоверена документальным путем, отмечены масонским троеточием».

Уже из этих слов видно, что приложенный список заслуживает полного недоверия, что никаких сколько-нибудь серьезных источников у автора в действительности не было. Сам же список не оставляет на этот счет никаких сомнений.

Всего Ратаев насчитывает 87 фамилий, но масонским троеточием отметил только

14. В этот малый список вошли Леонид Андреев, Евгений Аничков, Аркадакский-Добренович, Гамбаров, Павел Долгоруков, Андрей Ждан-Пушкин, Е. И. Кедрин, М. М. Ковалевский, Евг. Коган-Семеновский, зубной врач Лебединский, Ив. Лорис-Меликов, В. А. Маклаков, Мих. Тамамшев, Е. В. де-Роберти. Оставим в стороне ничего не говорящие нам фамилии Аркадакского, Ждан-Пушкина, Лебединского и Тамамшева. Девять оставшихся из десяти действительно были масонами, но об этом знали и чирикали все московские и петербургские воробы, потому что они не только не скрывали своего масонства, но и афишировали его. Достаточно вспомнить газетную выходку Кедрина. Десятый же — Павел Долгоруков — назван наугад. В то же время в списке отсутствует известный масон москвич Н. Н. Баженов, о масонстве которого в Москве также все было известно¹, что еще раз свидетельствует о случайности ратаевских сведений.

Вместе с тем в списке есть масоны, которых Ратаев не отметил своим троеточием. Это значит, что он ничего о них в этом плане не знал, а вставлял, исходя из их партийной принадлежности. В числе таковых, в частности, были Ефремов и Некрасов. В списке есть Милюков и Г. Е. Львов, которые никогда не были масонами, и нет Шингарева, который масоном был. Кого только фантазия Ратаева в этот список не за-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 5, л. 19 об. — 32.

несла! Здесь есть и Горький, и Блок, и Соллогуб, и Семевский, и Струве, и Потресов, и Градовский, и Grimm, и многие другие, к масонству отношения не имевшие¹.

Показательно также, что в списке отсутствует фамилия Бебутова, хотя его масонство было подлинным и к тому же твердо установленным. 30 апреля 1914 г. из Берлина в Петербург было послано письмо за подписью «Д.», написанное на обычном условном масонском языке. В нем говорилось о купленном билете до границы, о сборе всех учреждений в соседнем доме и заблаговременной сдаче квартир. Для наших целей, указывалось далее, приспособляется четвертый этаж прежнего фабричного помещения, который будут снимать четыре или пять фирм, и т. д.

28 мая того же года начальник столичной охраны в связи с этим письмом сообщил в департамент полиции следующее: «Адресат секретного документа из Берлина в Петербург за подписью «Ваш Д.» есть известный департаменту полиции отставной коллежский советник — князь Давид Иосифов Бебутов, 55 лет, прибывший 7 октября 1913 года из-за границы...» В делах отделения имеется циркуляр департамента от 20 апреля 1908 г. о князе Бебутове, «который в целях образования масонских лож в России в 1907 году ездил в Париж, где и вошел в сношения с главарями франкма-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, л. 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19 об.—32.

сонства». В марте 1911 г. Бебутова посетил делегат Великого Востока, масон — депутат Сены Шарль Лебук, «поддерживающий сношения с виднейшими русскими масонами, о чем было доложено департаменту полиции (по Особому отделу), в записке отделения от 11 марта 1911 г.»¹.

В свете этих данных возникают два вопроса. Если, согласно Некрасову, князь был изгнан из рядов политического масонства где-то в 1909 г., то, спрашивается, с какими масонами он имел дело в 1913 г.? Вполне допустимо предположить, что он подался в мартинисты. Уж коли граф Орлов-Давыдов, цвет и гордость прогрессистов, оказался в одной компании с фон-Чинским, то почему этого не мог сделать князь Бебутов?

Другой вопрос более важен — в чем истинная причина изгнания Бебутова из рядов политического масонства? Тот же Некрасов, как мы помним, объяснил мнимый роспуск масонских лож необходимостью избавиться от «опасных по связям с царским правительством и просто нечистоплотных морально людей», назвав в качестве таковых Бебутова и Маргулиеса. Однако, как нами было точно установлено, никаких таких связей у князя не было. Не было их и у Маргулиеса. Остается, следовательно, моральная нечистоплотность, но в чем она выразилась, Некрасов умолчал. Увязывая сведения департамента полиции

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, л. 12, ч. 2, прод. 6, л. 38, 56—56 об.

о поездке Бебутова за границу по масонским делам и визите к нему Лебука в начале 1911 г. с тем, что в списке петербургской ложи «Полярная звезда», подписанном Маргулиесом и Бебутовым, отсутствует масон номер один — отец возрожденно-го политического масонства в России М. М. Ковалевский, мы склонны думать, что указанная «нечистоплотность» была интригой последних против главного патрона, за что они и поплатились своим изгнанием. И произошло это не в 1909 г., как показал Некрасов, а позже — в 1911 г.

Одержав победу над Чеславом Чинским, департамент полиции вдруг обнаружил, что победа эта пиррова: раньше он имел дело с бутатарскими, то бишь бутафорскими масонами, теперь же не стало никаких, хотя он знал, чувствовал, осязал, что кругом сплошное масонство. Когда министр внутренних дел наложил на анонимной записке известную нам резолюцию о том, какие сведения о масонстве имеются в департаменте в последнее время, Особый отдел обратился с этим вопросом в 4-е делопроизводство. В ответ оно срочно «уведомило», что «за последнее время в 4-е делопроизводство сведений о масонах не поступало, за исключением прилагаемых при сем 24 газетных вырезок»¹. Не требуется особой проницательности, чтобы догадаться, что вырезки эти были взяты исключительно из черносотенных листов. Это бы-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, л. 12, ч. 2, прод. 4, л. 19.

ло начало 1912 г. Департамент оказался в положении тигра, который, чуя вокруг крупную дичь, тем не менее не может никак ее обнаружить и вынужден удовлетворять свой голод ловлей мышей.

Осенью 1911 г. французский посол обратился в министерство народного просвещения с просьбой об оказании профессору университета в Нанси, директору «Французского института в С.-Петербурге» Луи Рео всемерного содействия в открытии этого института. Министерство просвещения, разумеется, запросило по этому поводу мнение министерства внутренних дел. Последнее, конечно, обратилось с этим вопросом в свой департамент полиции, а там, естественно, «возникло подозрение», не явится ли этот институт легальным прикрытием для масонства. Опасения подтвердились. Согласно уставу, одной из первых целей института должно было явиться «развитие между Францией и Россией всеми возможными способами сношений научного и интеллектуального характера». Этот пункт департаментом был прокомментирован следующим образом: «Последняя фраза в той же или слегка измененной редакции встречается во всех просветительных учреждениях, создаваемых масонством в странах, где оно еще начинает свою деятельность. «Интеллектуальные сношения» между Францией и другой державой означают в замаскированном виде «Великого Востока» Франции, являющегося центром политического масонства, то интернациональное сообще-

ство и братство, которое составляет краеугольный камень масонских уставов». Кроме того, институт имеет сильную тягу к корпоративности, а последнее «непременно лежит в основе всякого масонского учреждения».

«Наконец, имена учредителей института говорят сами за себя. Из 10-ти поименованных в § 3 устава лиц — четверо: Поль Думер, Леруа-Болье, Фор и Пишон — безусловно принадлежат к числу главарей масонского союза». Остальные шесть тоже, по-видимому, масоны, в ином случае вряд ли Думер и Пишон вошли бы в состав учредителей, «если бы это учреждение не состояло под тайным руководством масонства». Суммируя все сказанное, департамент полиции пришел к выводу, что проектируемый институт является «вполне масонской аффилиацией и учреждение его этим самым представляется с государственной точки зрения крайне нежелательным». Если все же институт будет разрешен, то в его устав следует внести «существенные исправления», которые парализовали бы его вредную деятельность.

На этот раз департамент не послушали, и институт был открыт. В свою очередь, последний открыл курсы французского языка и литературы, на которых Петербургская охранка обзавелась своим агентом. 30 мая 1914 г. начальник охраны доносил: «...приобретена секретная агентура в лице сотрудницы, которая по поручению отделения поступила на означенные курсы». Курсы она посещала долго, но ничего неблагоприятно-

го не обнаружила, занятия идут строго по программе¹.

Такое же примерно заключение дал департамент полиции и «Всемирному теософическому братству». Приведя цитаты из ряда статей, опубликованных этим обществом, представляющих, с точки зрения нормального человека, обычную мистическую чушь, департамент тем не менее делал вывод о безусловной масонской природе организации, которая «в общем» проповедует все «тот же основной лозунг масонства: «свобода, равенство и братство», интернационализм, антимилитаризм и пр. О масонском характере братства свидетельствует и его печать: «Змея, кусающая свой хвост, изображает еврейский народ — тело ее это сам народ, а голова — это его правительство; соединение головы с хвостом символически изображает наступление такого времени, когда весь мир будет заключен внутри этого кольца»². И т. д., в том же духе, без тени улыбки, абсолютно серьезно.

В одной из справок директора департамента полиции о Казначееве, где в числе прочего давалась характеристика ордена мартинистов, были перечислены и его «аффилиация», находившиеся с ним «в тесном общении». Их оказалось ровно десять: «1) Всемирный идеалистический союз, 2) Каббалистический орден Розы — креста (Франция), 3) Независимые группы эзотерических знаний (Франция), 4) Орден ал-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 4, л. 32—33, прод. 6, л. 58.

² Там же, прод. 4, л. 34—35.

люминатов (Германия), 5) Французское алхимическое общество (Франция и Италия), 6) Вольный университет высших знаний (Франция), 7) Египетские, персидские и сирийские бабисты, 8) Китайские и японские братства, 9) Лига мира, 10) Болгарские кружки»¹.

Все это, разумеется, делало честь масонской эрудиции Меца, который где-то в конце 1912 г. вернулся в свой родной департамент и с трудом отбил обратно захваченный Алексеевым пост главного эксперта по масонам, поскольку тот оказывал отчаянное сопротивление. Но, увы, его полицейская ученость не увенчалась практическими результатами. Политических масонов обнаружить не удавалось. Где-то в 1913 г. он представил новый «Доклад о масонском движении в России с приложением А, Б и В», который в очередной раз свидетельствовал о полном фиаско на этот счет. Уже «приложения» говорят об этом. Приложение А было озаглавлено: «Масонство и революция в Турции и России»; Б — «Иллюминаты в России», В — «Новый порядок приема профанов в масонские общества».

Основным источником сведений о политическом масонстве оказалась газета «Новое время». Сославшись на несколько статей из нее за 1912 г., автор доклада писал: к масонам, кроме названных газетой лиц, «причисляют М. А. Стаховича, И. Н. Ефремова, Гучкова, кн. Бебутова и многих других, точ-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 4, л. 162—162 об.

ных данных о которых, кроме указанных на них в правой печати, не имеется. Из небольшого количества перечисленных лиц можно видеть, что масонство действительно существует и что оплотом и местом распространения его служит главным образом партия русских младотурок, т. е. конституционно-демократическая, завязавшая прочную связь с «Великим Востоком» Франции. Где находятся их ложи, в каком виде, скрываются ли они под флагом какой-либо державы или под вывеской научных учреждений, куда вход полиции законом воспрещен, министерству внутренних дел неизвестно»¹. Это было больше чем признание. Это было банкротство. Кстати сказать, «русскими младотурками» правые окрестили октябристов, а не кадетов, но автор, видимо, признал излишним считаться с такими тонкостями.

Все это было тем более скверно, что интерес в самых высоких сферах к масонству не только не ослабевал, но все более возрастал. 14 января 1914 г. Белецкий послал «Его Императорскому Высочеству», которым, несомненно, был тот же великий князь Николай Михайлович, согласно «его желания», документ, имевший заголовок: «Краткое обозрение так называемого франкмасонского движения в пределах Российской империи», с приложениями, географической схемой развития масонства на Балканском полуострове и несколькими газетными иллюстрация-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 4, л. 196, 211 об., 214 (подчеркнуто нами.— А. А.).

ми. При этом он явно извинялся, докладывая, что к исследованию масонства им, Белецким, «приступлено лишь в последнее время», ввиду чего он лишен возможности представить его высочеству «более обстоятельный по данному вопросу материал»¹.

Департамент полиции понял, что так дальше жить нельзя, надо предпринимать что-то радикальное. По-видимому, по приказанию того же Белецкого в недрах департамента еще в конце 1913 г. был подготовлен документ, содержащий руководящие начала по дальнейшей борьбе с масонством в рамках всей империи. Его основная идея состояла в том, что успешная борьба с масонским злом возможна лишь в том случае, если она станет всеохватывающей, а не будет замыкаться только на непосредственном поиске масонских лож. Надо взять под наблюдение решительно все организации, кружки, редакции газет и журналов, собирать сведения об их личном составе и путем сопоставления и анализа добиваться расшифровки их подлинной сущности. Единовременность и масштаб — вот принцип, которым должен руководствоваться отныне департамент полиции, с тем чтобы наконец добраться до неуловимого масонского чудища.

Не имея возможности существовать легально, указывалось в докладе, масонство тем не менее «продолжает энергично распространяться по империи», прикрываясь всевозможными обществами и редакциями

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 5, л. 199.

периодических изданий. В департаменте полиции они не регистрируются, поэтому сведений об их личном составе у него нет. А, например, из справочников «Весь Петербург» и «Вся Москва» за 1913 г. видно, что в составе правления отделения международного общества «Мир» есть люди, ставшие масонами за границей. Само же общество является одним из главных «подмасонских учреждений». Таково же и «Теософическое общество». «Ввиду полного отсутствия агентуры среди масонства и упорного стремления членов этого общества прикрывать свою деятельность и легализировать ее под видом всевозможных обществ просветительных, оккультных и благотворительных, единственным средством выяснить вопрос распространения масонства по России для выполнения резолюции господина министра внутренних дел от 2 декабря сего года является путь сопоставления и выяснения связи между личностями, входящими в состав общества, и самими обществами».

Приведя в качестве примера такого удачного сопоставления известных нам «Денницы» с кружком Арсеньева, а последнего с М. М. Ковалевским (издатель «Вестника Европы», редактором которого является Арсеньев) и указав, что в редакции этого журнала «из 12 лиц — 7 состоят масонами заграничных лож», автор доклада продолжал: «этого невозможно было бы установить, не имея списка сотрудников журнала, что подчерпнуто из справочного издания». Чтобы составить себе ясную картину распространения масонства по империи, необходимо

сосредоточить в департаменте «возможно точные сведения об обществах и редакциях народной прессы». Полученный материал разработать, отбросить лишнее, а затем составить программу работы. «Для освещения столь важного в политическом отношении вопроса, как масонский, совершенно недостаточно тех ничтожных данных, которые дали десяток секретных документов за период почти трех лет...» Это было ценное признание.

В заключение объяснялась главная цель документа. «Докладывая вышеизложенные соображения вашему превосходительству (директору департамента полиции.— А. А.), имею честь представить при сем проект циркуляра начальникам губернских жандармских управлений о выяснении на местах возникших явочным порядком обществ и состав их правлений». Обращение с подобным циркуляром непосредственно к губернаторам нежелательно — их сведения были бы неполны. Отсутствовали бы сведения о политическом направлении лиц, на которых уже обратил внимание местный жандармский надзор. Кроме того, такой циркуляр заставил бы начальников губернских жандармских управлений (ГЖУ) «обратить внимание на оппозицию, представляющую в данное время грозную силу, могущую проявить свою деятельность при первой революционной вспышке, учет которой при известном освещении со стороны департамента полиции был бы небесполезен». Карандашом сверху помечено: «подлинный вклад в д. руководящего по масонству». Внизу, тоже каранда-

шом: 29 янв. 1914 г.¹. Предложенный проект циркуляра полностью исходил из содержания и духа доклада.

По имеющимся в департаменте полиции сведениям, говорилось в нем, в разных местностях империи «возникают попытки к организации в России тайного ордена масонов, сильно развившегося за последнее десятилетие в Европе и Америке». Охарактеризовав ближайшую и конечную цели масонства и сославшись на указы 1 августа 1822 г. и 21 апреля 1826 г., запрещавшие легальное существование масонства в России, циркуляр продолжал: «...масонство тем не менее настойчиво и упорно распространяется в империи под флагом всевозможных обществ научно-философских, оккультических, графологических и других. Все такие общества, имея во главе иногда членов, принявших масонское посвящение за границей, или лиц, в достаточной степени усвоивших дух масонской программы, действуя с большим искусством на своих членов и лицемерно выставляя себя нередко сторонниками правительства, незаметно развивают в своих членах оппозиционный дух и постепенно прививают им масонские идеи».

Далее шел конкретный перечень подобных организаций. «Так, например, общество «Мир», являющееся отделением международного общества того же названия, — проводит идеи антимилитаризма и антипатриотизма; теософские, евангелические и «христианские» общества и оккультические и

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 5, л. 192—193.

спиритические кружки, занимаясь под предлогом поисков истины религиозными вопросами, — насаждают ереси, толки и неверие и ведут борьбу с христианской церковью; антропософические общества, филомистические кружки и прочие — проводят идеи свободы, равенства и братства народов. Таким образом, не будучи в буквальном смысле слова масонскими учреждениями, эти общества выполняют отдельные пункты общемасонской программы. Имея возможность в силу высочайше утвержденных временных правил от 4-го марта 1906 года (пункт 2-й) возникать и распространять свои отделения по другим городам явочным порядком с разрешения местных губернских властей, эти общества, искусно маскируя свою вредную деятельность, беспрепятственно распространяют масонские идеи своих членов».

Исходя из вышесказанного, циркуляр предписывал: «Ввиду необходимости располагать сведениями о развитии означенных, возникших в губерниях обществ, департамент полиции просит Вас обратить особое внимание на существование в вверенной Вашему наблюдению местности этих обществ, выяснить с возможной осторожностью их состав, а также тайную деятельность и о результатах сообщить департаменту»¹. Цир-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, л. 12, ч. 2, прод. 6, л. 42—43. Московский градоначальник генерал Адрианов 23 августа 1913 г. лично доносил непосредственно министру внутренних дел: 27 апреля под председательством князя П. П. Долгорукова состоялось публичное собрание членов общества «Мир», на котором присутствовало 85 человек. Приезжих из-за

куляр, составленный в конце 1913 г., был утвержден директором департамента лишь 24 мая 1914 г. Очевидно, это было связано со сменой руководства департамента — уходом Белецкого и назначением на его место Брюн де Сен-Ипполита, который и подписал циркуляр.

31 мая циркуляр был разослан во все губерnsкие, областные жандармские управления, охранные отделения и иные полицейские учреждения — по 98 адресам. После этого начали поступать ответы.

Первым прислал ответ начальник Архангельского ГЖУ (7 июня 1914 г.). Донесение было весьма лаконичным: «...отделений обществ: теософского, евангелического, антропософического и христианского, а также оккультических, филомистических и спиритических кружков в Архангельской губернии не существует». Донесения из других губерний носили точно такой же стереотипный и лапидарный характер, совпадая почти дословно. После того же перечисления шли ответы: «нет», «никаких данных», «не имеется», «пока не наблюдается», «не существует» и т. п. С июня по август 1914 г. было прислано, считая и первое, 17 таких донесений (Архангельское, Холмское, Келецкое,

границы не было. Доклад о проблемах пацифизма прочитал Лео Мехелин, причем на французском языке. Присутствовавший на заседании пристав донес, что доклад носил «строго отвлеченный характер». Такой же характер носили и другие доклады и сообщения (там же, прод. 4, л. 265). Тем не менее общество «Мир» было, как мы видим, одним из главных масонских жупелов не только столичной охраны и департамента полиции, но и вышестоящих властей.

Плоцкое, Гродненское, Могилевское, Ломжинское, Тамбовское, Люблинское, Волыньское, Бессарабское, Полтавское, Петроградское, Витебское и Иркутское ГЖУ, Кубанское областное и Севастопольское жандармские управления) ¹.

В ноябре и декабре аналогичные ответы прислали Минское, Вологодское, Костромское, Новгородское ГЖУ, а также начальник Кронштадтского жандармского управления. Донесение начальника Псковского ГЖУ, присланное тогда же, несколько выпадало из общего стандарта. В нем говорилось: «К числу нарождающегося тайного общества ордена масонов в Россия по намерению, направленному к разрушению устоев православной веры, можно отнести возникшую в городе Пскове секту «евангельских христиан», насчитывающую 55 последователей как мужского, так и женского пола». Так, на секретном собрании, по данным миссионера Псковской епархии, «была допущена политическая беседа: критика религиозной жизни католиков вообще и поляков в частности» ². Судя по отсутствию реакции со стороны департамента полиции на это донесение, усердие начальника Псковского ГЖУ оценено не было.

В январе 1915 г. было приславо 54 ответа (Курское, Ломжинское, Воронежское, Пермское, Владимирское, Казанское, Харьковское, Тульское, Московское, Калужское, Курляндское, Сувалкское, Саратовское, Ас-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 5, л. 113—114, 120—126, 142, 145—147, 171.

² Там же, л. 229—233.

траханское, Оренбургское, Тверское, Радомское, Сибирское, Ковенское, Киевское, Черниговское, Таврическое, Олонецкое, Бакинское, Виленское, Эриванское, Пензенское, Херсонское, Тобольское, Смоленское, Вятское, Кутаисское, Орловское, Рязанское, Тифлисское, Холмское, Подольское, Самарское, Иркутское, Томское, Екатеринославское, Уфимское, Енисейское, Варшавское и Калишское ГЖУ, Донецкое, Кубанское и Терское областные жандармские управления, Финляндское жандармское управление, Николаевский розыскной пункт, Асхабадский розыскной пункт и розыск в Закаспийской области, Туркестанское и Владивостокское районные охранные отделения, Железнодорожное полицейское управление КВЖД, жандармско-полицейское управление Средне-Азиатской ж. д., розыскной пункт в г. Верном, ротмистр Бабыч из Хабаровска). Только четыре из них отличались от обычных «не обнаружено», «не замечается», «не имеется».

Начальник Тульского ГЖУ после тривиального «не установлено» добавил: «Со сторонниками же и последователями лжеучений умершего графа Л. Н. Толстого, во главе которых в настоящее время стоит отставной гвардии штабс-ротмистр В. Г. Чертков, со стороны вверенного мне управления ведется борьба с целью прекращения их преступной противоправительственной деятельности». Начальник Донского областного жандармского управления сообщил, что в Ростове-на-Дону никаких перечисленных в циркуляре обществ нет, «а имеется общество

теософов», в котором состоит значительное число служащих Владикавказской ж.-д. С возникновением войны деятельность общества «совершенно замерла». Минувшим летом возникла мысль об организации «светопосного общества», но она не осуществилась. Кроме того, есть секты баптистов, евангелических христиан и адвентистов.

Начальник Киевского ГЖУ заявил, что масонов в Киеве нет, но есть отделение «Российского теософического общества», и имеются отдельные члены «христианского кружка». И, наконец, начальник Финляндского жандармского управления донес, что есть «некоторое указание» о том, что в 1901—1902 гг. предполагалось учредить масонскую ложу в г. Або, а в 1908 г. такая ложа «будто бы возникла в Гельсингфорсе». Но расследование никаких результатов не дало: «деятельность масонства, видимо, ничем не проявилась». Сейчас причастными к масонству «можно было бы считать: 1) общество для психологического исследования», 2) «Прометеус» — студенческое общество для обсуждения религиозных и церковных вопросов, 3) теософическое общество¹.

Еще два ответа было прислано в феврале (Екатеринославское и Уфимское ГЖУ), два — в апреле (Енисейское и Варшавское ГЖУ), один — в мае (Калишское ГЖУ) и, наконец, последний от отдельного корпуса жандармов ротмистра Бабыча из Хабаровска был получен на исходе июля. Донесения

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, л. 12, ч. 2, прод. 6, л. 232—294.

были все те же: «не замечалось», «не обнаружено», а начальник Калишского ГЖУ ответил, что, поскольку губерния занята неприятельскими войсками, сведения о масонах сообщены быть не могут.

Ни одна масонская организация со всеми ее «аффилиациями» не могла бы нанести департаменту полиции удар такой силы, какой нанес ему совокупный ответ его местных агентов, хотя, если бы существовал к масонской проблеме рациональный подход, а не иррациональный, его легко можно было бы предвидеть. Разница между тем, что утверждал циркуляр 24 мая, и тем, что сообщила сотня начальников губернских и прочих жандармских установлений, оказалась так велика, что все масонское здание, созданное усилиями и воображением жандармского подполковника, старшего помощника делопроизводителя, его высочества и его величества в атмосфере всеобщего масонского психоза властей предержащих, перекошилось и с грохотом рухнуло грудой бесформенных обломков. На этом масонский розыск прекратился, а вместе с ним прекратило свое существование и делопроизводство о масонах. Цитированные документы были последними. Больше бумаг о масонах вплоть до конца существования департамента полиции от него и в его адрес не поступало.

Единственным исключением, возможно, является еще одна, последняя, записка Ра-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, д. 12, ч. 2, прод. 6, л. 301—302, 322—323, 327, 360.

таева о масонах. Когда она им была прислана, неизвестно. Но, судя по сделанным отметкам, Белецкий, по-видимому, получил ее где-то в феврале — марте 1916 г. Эта сиротская записка интересна тем, что в числе прочего она ополчается на... черносотенцев. Было ли это вызвано чувством конкуренции со стороны Ратаева, или его раздражала грубая некомпетентность правых газет, неизвестно. Но факт именно таков. «В России,— писал он,— масонством занимаются преимущественно деятели крайних (правых.— А. А.) организаций. Я читал их произведения и не знал, чему более изумляться, абсолютному ли незнанию их с предметом или же развязности, с которой они преподносят русской публике измышления, почерпнутые из нелепейших произведений французских писателей-шантажистов, вроде Лео Таксиля (Жоган Пажес), доктора Батайля, Поля Розена и т. п. Одно из главных и преднамеренных заблуждений этих господ состоит в голословном утверждении, будто бы масонство еврейского происхождения и создано евреями для достижения их противохристианских целей и осуществления идеи всемирного еврейского засилья. Утверждают также, что в настоящее время деятельностью «всемирного масонства» руководит какой-то таинственный Сангедрия (Синедрион), который будто бы направляет ее в смысле служения еврейским интересам. У нас этот предрассудок до того укоренился, что даже создался общепотребительский термин «жидомасонство».

Между тем, как изволите усмотреть из последующего, нет ничего более произвольного и исторически необоснованного, как это ходячее мнение».

«Последующее» цитировать совершенно неинтересно, но зато любопытной является реакция Климовича на этот неожиданный для него пассаж. Прочитав приведенный отрывок, он сделал к нему следующее примечание (9 апреля 1916 г.): «Этому противоречит имеющееся указание на то, что известный политический деятель Франции Адольф Кретье, основатель «всемирного еврейского союза»... был в то же время гротсмейстером всемирного масонства»¹.

Добавим, что это та самая записка Ратаева, о которой Климович давал показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, заявив, что он считал ее вместе с заведующим Особым отделом «чепухой» и не стал читать.

Итак, департамент полиции прекратил заниматься масонством как раз в тот момент, когда реальные русские политические масоны активизировали свою «нерегулярную» ложу. Возникает, естественно, вопрос: чем объяснить этот стопроцентный провал? Была ли ошибочной избранная стратегия борьбы с масонством? Близорукой и грубо прямолинейной оказалась тактика? Отсутствие подлинных специалистов по масонству, низкий профессиональный уровень всей постановки масонского розыска? Вероятно, все эти причины сыгра-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, 1905, л. 12, ч. 2, прод. 6, л. 80—80 об.

ли свою роль в провале почти десятилетних усилий департамента полиции обнаружить и обезвредить политическое масонство в России.

Но, как нам представляется, они не были и не могли быть определяющими. Департамент, как мы помним, горевал по поводу того, что у него в масонстве нет никакой внутренней агентуры, а говоря проще, провокаторов. Конечно, провокация, так называемое «внутреннее освещение», была одним из основных средств получения им сведений о деятельности «преступных сообществ». Но мы знаем, что у него не было провокаторов и в кадетско-прогрессистской среде. Тем не менее он был достаточно хорошо осведомлен о деятельности кадетского ЦК, думских и внедумских прогрессистов.

Создалась совершенно парадоксальная ситуация — каждый шаг прогрессистов Ковалевского и Коновалова, кадета Некрасова, эсера Керенского, меньшевика Чхеидзе тщательно фиксировался и освещался (с какой степенью достоверности — это другой вопрос), а о масонах Ковалевском, Коновалове и т. д., их масонской деятельности департамент полиции не имел ни малейшего представления, хотя считал того и другого масонами. Это могло иметь место только по одной причине: как масоны эти лица себя никак не проявляли. Только полное отсутствие с их стороны масонской деятельности, как таковой, могло дать подобный результат. В противном случае дело обстояло бы иначе.

В свете всего сказанного можно в полной мере оценить рассказ В. И. Старцева, некритически заимствовавшего свои сведения у Гессена и Аронсона, о том, как благодаря разоблачениям Манасевича-Мануйлова, взявшего свои сведения в департаменте полиции, на страницах «Нового времени», созданные М. М. Ковалевским и другими, масонские ложи вынуждены были объявить себя, в порядке маневра, на какое-то время «уснувшими». К этому добавим, что во всех семи томах дела о масонах имя Манасевича-Мануйлова не упоминается ни разу. Столь же «достоверно» и другое его утверждение о том, что в масонские ложи внедрялись осведомители оранки, а в Москве была даже попытка с ее стороны создать лжеложу «Астрея»¹.

Отсюда следует единственно возможный вывод. Расклад реально задействованных политических сил накануне и в ходе Февральской революции был таков, что масонского присутствия среди них практически не ощущалось. Оно было так мало и ничтожно, что его не заметили даже современники, даже департамент полиции. Поэтому история и историки имеют полное право сбросить со счетов русское политическое масонство в последние 10 лет существования царизма.

¹ См.: *Старцев В. И. Революция и власть*. С. 205.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Масонский парадокс в описываемое время представлял собой противоречие, состоявшее в том, что почвы для развития сколько-нибудь действенного политического масонства в России не было, а причина для игнорирующей реальные факты истеричной и иррациональной масонофобии правящих верхов, начиная от носителя верховной власти и кончая департаментом полиции, была. Изживший себя режим вынужден был все время давать ответ стране и себе на один и тот же вопрос: почему он, выдавая себя за власть в интересах народа, противостоит этому народу, который уже сделал одну великую революцию и горит желанием совершить вторую? Такая же проблема стояла и перед идейно-политической гвардией царизма — главарями черносотенных союзов: доказать, что они подлинные представители многомиллионного русского народа, тогда как на самом деле их армию составляли в основном босяки и уголовники.

Исторически верный ответ исключался. Оставалось выходить из положения за счет таинственных дьявольских сил, всемогущество и коварство которых было так ве-

лико, что с ними не могло справиться ни одно правительство мира, от них не мог уберечься ни один народ. Вот подлинная причина революций, народного недовольства, падения авторитета власти, влияния церкви и т. д. Борьба с этими силами чрезвычайно трудна, если не безнадежна. Одной из таких сил, если не главной силой, и является всемирное масонство. Для режима, у которого уже давно исчезла внутренняя убежденность в правомерности своего дальнейшего бытия, грубый и нелепый обман превращается очень естественно и органично в самообман; этот режим стал жертвой своей собственной грубой демагогии, ибо без какого-то хотя бы подобия веры в себя и внутреннего самооправдания ни один режим, как и ни один человек, каким бы низким и подлым он ни был, жить не может. Так рождается то, что можно охарактеризовать как политическую паранойю: страх перед самым же созданным страхом как ведущая линия политического поведения. Именно так, как мы убедились, обстояло дело в правящих верхах в их отношении к масонству.

Но этим дело не кончается. Какими-то сложными психологическими и гносеологическими путями этот страх проникает и в историографию. Ей же, и не только ей еще предстоит объяснение этого феномена. Пока только отметим, что эта болезнь, как правило, поражает тех историков, которые, сочиняя свои труды, руководствуются какими угодно соображениями, кроме одного — установления научной истины.

Что касается русского масонства в начале XX в., как такового, то все изложенное делает возможным, на наш взгляд, только один вывод: масонский сюжет есть, но масонской проблемы нет. Историк, любящий свою науку и свое дело, всегда надеется, что по интересующим его темам рано или поздно откроются новые материалы, станут известными новые факты. Это относится и к нашим масонам. Будем ждать и надеяться, что о них появятся новые сведения, которые в чем-то уточнят, а возможно, и исправят наши сегодняшние представления о них. Но в одном можно быть достаточно уверенным: радикального переворота в оценке их роли не будет. Вывод о масонах как *quantité negligeable* (ничтожная величина) в предфевральских, февральских и постфевральских событиях 1917 г. останется неизменным. Чего не было — того не было.

- Авелян — 224
 Абрам А. Я. — 3—9, 42, 169
 Аничниковы — см. *Архангельская-Аничникова В. В.*
 Адриннов — 330
 Азеф Е. Ф. — 176, 178
 Александр I — см. *Романовы*
 Александра Федоровна, имп. — см. *Романовы*
 Алексей Александрович, вел. кн. — см. *Романовы*
 Александр Михайлович, вел. кн. — см. *Романовы*
 Алексеев Б. К. — 217, 274, 276—284, 286—287, 301, 324
 Алексеенко — 172, 174
 Алексей — см. *Романовы*
 Амфитеатров — 54
 Андреев Л. — 317
 Аничков Е. — 50, 52, 54, 317
 Анкос — см. *Палис*
 Антон, лакей — 308
 Антоний, митрополит — 308, 309
 Антоповский — 52
 Антошевский И. В. — 303
 Антошевский П. К. — 299—301
 Андроников В. М. — 313
 Андроников М. М. — 313
 А. П. — 288
 Аргунов — 177, 179
 Аркадийский-Добренович — 317
 Аронсон Г. — 26, 30, 32—33, 37—41, 45, 56, 129, 155, 178—179, 181—182, 202, 206, 211—212, 279, 339
 Арсеньев В. — 307
 Арсеньев Е. — 307
 Арсеньев К. К. — 307, 311—313, 327
 Арсеньева (жена Арсеньева К. К.) — 313
 Арсеньева Е. Н. — 307
 Арсеньева М. — 307
 Арсеньевы — 296
 Архангельская — см. *Архангельская-Авичникова В. В.*
 Архангельская-Авичникова В. В. (она же Авичникова, Архангельская) — 234, 285, 288—293
 Астров Н. И. — 106, 116, 124—125, 157, 160, 186—187
 Астрыны (братья) — 150
 Бабыч — 333—334
 Баженов Н. Н. — 49—51, 54, 106, 180, 187, 233, 235, 317
 Балавинский С. А. — 30, 61, 106—107, 187
 Батайль, докт. — 336
 Бауман, проф. — 29, 35
 Бебель А. — 204, 212
 Бобутов Д. И. (он же Д.) — 52, 54, 70, 112, 142, 146, 185, 187, 198—212, 220, 271, 292, 318—320, 324
 Беклемишев Н. Н. — 284, 289—293
 Белецкий С. П. — 99—102, 112, 208, 217—221, 238, 274, 276—277, 325—326, 331, 336
 Белый А. — 179, 181
 Блок А. — 318
 Бобриков, ген. — 95

¹ В указатель включены лица, упомянутые в основном тексте, предисловии и примечаниях. В отдельных случаях, когда фамилии установить не удалось, приводятся инициалы, имена и отчества, отдельные уточняющие данные.

Боброва А. И.—257
 Бобрин Д. Л.—287
 Богучарский—29
 Болотин—52
 Бородин А.—52
 Браудо А. И.—19, 38, 52,
 177, 179, 211—212
 Бройгауз Ф. А.—98
 Брот М.—272
 Брюн де Сэн-Ипполит—
 293, 331
 Брячанников А. И.—99,
 101—103
 Бубляков (инж.)—175—176
 Булат—52, 54—55
 Бурцев—177, 179, 206, 280
 Буряшкин—26—27
 Бугатар—304—306
 Быков В. П.—249—252, 257—
 258, 271
 В. И.—203
 В. Л. Н.—233
 В. М.—228
 Варвара (дочь Бебуто-
 ва Д. И.)—206
 Васильев Н. П.—144
 Василий Сергеевич—296
 Великов Л. А.—150—151
 Вернадский В. И.—110
 Виссарионов—265, 273
 Витковская—243
 Витте С. Ю.—218, 224, 226,
 226
 Вознесенский—160
 Войнаковиченко С. К.—306
 Война-Павченко С. М.—308
 Волков Н. К.—47, 144, 150
 Волков С. Д.—257
 Волобуев П. В.—10
 Володя—297
 Вольский—26, 30—31, 36, 63,
 109, 140, 147
 Воронцов-Дашков—224
 Востаргов И., протонерей—
 310—311
 Вышинец М.—272
 Вяземский, кн.—109, 203
 Вязицкий—209

Гатарина, кн. (она же Иг-
 ятьева С. С.)—313
 Гагарина В. Ф.—313
 Гаймейстер—308
 Гальперин Л. Е.—31
 Гальперин И. Я.—42, 44—47,
 63, 65, 186
 Гамбаров—54, 266, 317
 Гегечкори—45, 144
 Герасимов—114, 118, 159
 Гессен Н. В.—19—24, 38, 41,
 173, 206—207, 339
 Гилярев Э.—52
 Гитлер—30
 Глобачев—101
 Голанц И. В.—167—169
 Голицын—114
 Гольдовский О.—51
 Гольдштамм А. В.—231—233
 Гомбардт—272
 Горемыкин И. Л.—86, 95—
 96, 100
 Городнянский—246
 Горький М.—318
 Градовский—318
 Григорьевич-Барский—144
 Гримм—318
 Грушевский—144
 Гуинтер А. В.—259
 Гурко В. Н.—88, 91, 98, 153
 Гучков А. И.—30, 32, 71, 73,
 75—76, 78—83, 90—91, 94—
 95, 98, 100, 102, 109, 114,
 124—126, 145, 147—148,
 158—160, 166, 175, 324
 Гэйлорд Ф. А.—267, 269, 270
 Д.—см. Бебутов Д. И.
 Дан Л. О.—32, 34—36
 Даниловы—231
 Дворжак А.—51
 Дедюлин—282
 Демьянов—144
 Джомс (он же Перси Н. Ф.,
 Иван Федорович)—253—
 258, 260—266, 288, 294
 Добровольский—158
 Долгоруков П. П.—116, 157,
 317, 330

- Домашев — 311
 Доможирова М. И. — 310
 Дондукова-Корсукова — Витковская — 310
 Дубровин А. И. — 268
 Думер П. — 322
 Дурново П. Н. — 236, 245—246
 Дюранд, проф. — 251
 Дякин В. С. — 123

 Екатерина Петровна — 256
 Ефимов — 303
 Ефремов Н. Н. — 45, 125, 144, 150, 158, 169, 317, 324
 Ефрон И. А. — 96

 Ждан-Пушкин А. — 317
 Жорданин — 130

 Захаров И. — 51

 Иван Федорович — см. *Джент*
 Иванов — 313
 Иванов К. И. — 307
 Игнатьев С. С. — 158
 Игнатьев, ген. — 214—215
 Игнатьев С. С. — см. *Гидария*
 Игнатьев Ю. И. — 15, 162
 Иоффе Г. З. — 15, 182

 К. (член Думы) — 40
 Казначеев Д. П. — 231, 297, 298
 Казначеев П. М. — 231, 233, 294, 297—298, 305—306, 323
 Калманович Е. Е. — 52, 177, 179
 Каменский Н. — 305
 Кан — 209
 Карташев — 180
 Карякин В. М. — 298
 Карякина А. — 296, 298
 Касанов М. — 154
 Катенин — 96
 Катков Г. — 14—15, 17, 26, 56, 62, 68, 176, 182, 183
 Кедрин Е. И. — 51—52, 54—55, 189, 204, 237, 239—242, 244, 266, 271—272, 317
 Керенский А. Ф. — 21, 23, 25, 21—33, 36—38, 45, 56, 63—67, 69—71, 73, 75—76, 82, 90—91, 94, 100, 107—109, 113, 118, 121, 124—125, 130, 132—133, 139, 141, 143—144, 149—151, 155, 162—163, 166—168, 174, 180, 186, 188, 190, 197, 219, 221, 293, 338
 Кириллов Г. — 300
 Клаузер — 272
 Климович Е. К. — 112, 212—214, 216—217, 221, 256, 261, 275, 347
 Коваленский В. И. — 308
 Ковалевский М. М. — 20, 49—55, 63, 93, 96, 142, 158, 174, 180, 187, 266, 307, 311, 315—317, 320, 327, 338, 339
 Котан-Семеновский Е. — 317
 Кокошцев — 272
 Кокоша — см. *Оболенский Н. Д.*
 Кокошкин Ф. — 115, 180, 307, 308
 Кокушкина В. А. (она же Окошнина) — 308
 Колубакин А. М. — 40, 45—46, 52, 54—55, 144
 Ковшаров А. И. — 23, 38, 43, 45, 47, 56, 70, 115, 124—126, 143—144, 149, 151, 155, 158—160, 167, 174, 193—194, 196, 338
 Копонов В. И. — 104
 Котляревский С. — 50—51, 54
 Котте Н. М. фон — 252, 256, 258—261
 Красильников — 202—203, 314
 Кретье А. — 337
 Кривошея — 156
 Кромбитов — 250
 Кругляков Б. — 78—81
 Крыжановская В. И. (псевд. *Рочестер*) — 311
 Крымов, ген. — 109, 145, 147, 148
 Курлов — 217—218, 276, 278, 280—282, 284, 286—287, 301

Кускова Е. Д. — 14, 25—41,
44, 46—47, 49, 55, 59, 63—
65, 69, 73, 105, 108—109,
112—116, 118—119, 140, 144,
147—148, 159—160

Л. (народник) — 26

Лакер (советолог) — 183

Ламадорф — 245

Лауз Т. фон — 42

Лебедев — 213—216

Лебединский — 317

Лебук Ш. — 206, 319—320

Левшин Д. Ф. — 310

Леман (жена Вобнанамчен-
ко С. К.) — 308

Леман Б. А. — 252

Лемм А. — 275

Ленин В. И. — 181—182

Ленивич-Кобышев — 203

Лесравудт — 300

Леруа-Волье — 322

Лидваль — 98

Литовченко М. Н. — 207

Лопухин А. А. — 38, 176—179

Лорис-Меликов Н. — 49—50,
52, 317

Лубенский — 272

Лутугин Л. И. — 29, 35, 114—
115, 118—119, 159

Львов В. Н. — 158, 160, 167,
170, 175

Львов Г. Е. — 22—23, 38—39,
71, 73, 75—77, 82, 90—91,
94, 112, 114, 125—129, 135,
140, 149, 155—156, 158—160,
162—166, 175, 317

Ляпищев Я. — 231

М. Н. — 310

Маклаков В. А. — 21, 30,
38—40, 49—52, 54—55, 114,
118, 151—153, 158—160, 168,
183, 317

Максимович, ген. — 224

Майдел Г. — 52

Макаров П. — 52, 283

Маловская — 299—300

Манасевич-Мануйлов И. Ф. —
220, 339

Мандель — 54

Матковский А. А. — 120—
122, 131—132, 145, 157

Мануйлов А. А. — 115, 159—
160, 167, 174

Манухин — 156

Маргулес М. С. — 52, 54,
142, 146, 185, 187, 199, 319—
320

Мария Федоровна, имп. —
см. Романовы

Марков-2 — 121, 301

Мартов — 42

Марушкин Б. — 182

Мельгунов С. П. — 23—24,
26—27, 32, 35, 38, 43, 54,
73—78, 86, 93, 96, 106—107,
113—118, 123—127, 129,
131—132, 157, 160, 166, 170—
171, 175—176, 186—189,
191—193, 266

Мендель — 42

Мехлин Л. — 331

Мешанинов И. В. — 270

Мей Г. Г. — 237—243, 245,
248, 252—256, 260—261,
266—268, 270—275, 284, 324

Милена (дочь Бэбуто-
ва Д. И.) — 206

Милтон В. Я. — 250

Миллюков П. Н. — 21—26, 29,
31—33, 37—42, 47, 49, 55—
56, 59—61, 64, 69—70, 93,
103, 110, 112—114, 117,
119, 133—141, 146—147, 153,
156, 158—160, 162—176, 180,
192—195, 200, 202, 205—207,
213—216, 221, 317

Мини И. И. — 17—19, 65, 153,
154, 182

Михаил, архимандрит — 308

Михаил, вел. кн. — см. Ро-
мановы

Морз Р. — 270

Морозов Н. — 47, 52

Муравьев — 234, 309

Мусина-Пушкина О. И. —
309—311

Мюллер Г. — 212

Н. — 127

Н. Н. — 310

Набоков В. Д.—114, 118,
159, 165, 166, 168, 171

Натансон М.—203

Некрасов Н. В.—21, 23, 38,
42, 45, 47, 56, 68, 70, 75,
77, 105—106, 110, 117, 123—
128, 132—152, 155—156,
158—160, 167, 170, 174—176,
184—189, 191—195, 317,
319—320, 338

Немцов — 271

Немцов — 158

Немирович-Давченко В.—
50—52, 54

Николаевский Б. П.—42—43,
45—47, 63, 310

Николай Сергеевич — 298

Николай II — см. Романовы

Николай Михайлович, вел.
кн.— см. Романовы

Николай Николаевич, вел.
кн.— см. Романовы

Новиков — 296—297

Обнинский В. П.—51, 54—55,
106, 187, 206

Оболенский — 313

Оболенский А. Д.—307—308

Оболенский В. А.—55—63,
65, 107, 110, 146, 149—151,
186, 191, 193, 224

Оболенский Н. Д. (он же
Кокоса) — 308—309

Оболенский С. В.—55

Окошнина — см. Кокоскина
В. А.

Окунев — 52

Ольденбургский А. П.—267—
268, 270

Опарни Н. А.—232

Орлов-Давыдов А. А.—21,
52, 54, 142, 144, 187, 300,
307, 319

О. В. К.—296

Павлов-Сильванский Н.—52

Павлос (он же Ликос,
проф.) — 251—252, 290, 301,
310—311

Переверзев П.—144

Перетц — 300

Перлинг — см. Пирлинг

Персиц Н. Ф.— см. Джамс

Пирлинг (он же Перлинг) —
259

Писаржевский Л. В.—144

Пишон — 322

Плева В. К.—220

Победоносцев — 297

Покровский — 158

Поле М.—306

Полинов — 168

Полнер Т.—129

П. Н.—310

Потресов — 42

Прикопович С. Н.—28—29,
38, 112—113, 115, 118, 144

Пуришкевич В. М.—151, 159

Распутин Г. Е.—97, 135

Ратаев — 213—219, 314—317,
336—337

Рейтгартен — 109

Рейтлингер Н. А.—270

Рео Л.—321

Ривс Ш.—99, 101—102

де Роберти Е. В.—51—52,
266, 317

Родзянко М. В.—22, 77, 112,
135, 159, 163—166, 214, 216

Родичев — 213, 216

Розен П.—336

Романовы — 12, 38, 50, 66,
132, 135, 140, 157—158, 163,
169, 193, 202, 204, 214, 217,
221—222, 224, 236, 274, 278—
279, 282, 306, 308, 312, 325

Александр I — 12, 56

Александр Михайлович —
293

Александра Федоровна —
214

Алексей — 140

Алексей Александрович —
224

Мария Федоровна — 308

Михаил — 135, 140

Николай II — 50, 137—156,
163, 170, 199, 204, 222,
236, 274, 278, 282, 306,
308, 312

- Николай Михайлович — 36, 278—279, 282, 325
 Николай Николаевич — 132, 140, 217, 221
 Сергей Михайлович — 308
 Романовский П. — 182
 Рубинштейн Д. Л. — 205
 Рабушинский П. П. — 94, 96, 112, 157
- Саблер — 97
 Савич — 158, 169—170
 Саапов — 158
 Самарин — 96—97
 Савчин А. — 52, 54
 Семеновский — 318
 Семенов И. Н. — 143, 311
 Сенько-Поповский — 280—281
 Сергей Михайлович, вел. кн. — см. Романовы
 Серебряков А. Н. — 257
 Сидам-Эрстов — 144
 Скворцов-Степанов И. Н. — 43, 181
 Скобелев М. И. — 45, 129, 150, 196
 Смит Н. — 55—56, 63, 67
 Соколов Н. Д. — 38, 181, 196
 Соколов П. — 52
 Соколовская Т. О. — 257, 260—261, 284
 Соловьев О. Ф. — 18, 68
 Соллогуб — 318
 Спиридонова М. А. — 311
 Станкевич В. Б. — 130
 Старцев В. И. — 15—19, 24, 26, 37, 68, 107, 148, 154—156, 171, 198, 339
 Стахович М. А. — 324
 Степанов В. А. — 47, 144, 150
 Стешова М. В. — 182
 Стокс Д. — 268, 270
 Столыпин П. А. — 178, 218, 272, 278, 282, 287
 Струве — 43
 Суворин А. А. — 285, 292
 Суворин Б. А. — 285
 Сумбатов А. — 51
- Суханов Н. Н. — 135
 С — а — Д. — 248
- Таксаль Л. (Жоган-Пажес) — 336
 Тавтыкова — 308
 Тамашев М. — 317
 Теленин — 50
 Теллов — 52
 Терещенко М. И. — 21—23, 31, 38, 45, 56, 70, 75, 77, 113, 117—118, 124—127, 148—151, 155—156, 167, 170—175, 180, 188, 193—195
 Тираспольский Г. — 52
 Толстой Л. Н. — 154, 333
 Третьяков — 115, 118, 159
 Трубецкой Е. Н. — 114, 118, 307—308
 Трусович М. И. — 246—247, 251, 273
 Турмантен, аббат — 279—283
- Урусов С. Д. — 178
- Филипп, аббат — 310
 Фор — 322
- Хаймсон Л. — 41—49
 Хаас Л. — 68
 Хатысон — 130—132
 Хвостов А. Н. — 100—102
 Хижняков — 29
 Хлестаков — 261, 264
 X. — 114—115, 119
- Ч. — 248—249
 Челноков М. В. — 93
 Черменский В. Д. — 13—15, 17, 123, 157, 159, 182—183
 Чертков В. Г. — 333
 Чинский Ч. И. (он же фон-Чинский) — 294, 299—307, 311, 319—320
 Чистяков П. А. — 249—250, 252—253, 257—261, 264—266, 271—272, 288
 Чкеидзе Н. С. — 38, 42—43, 45—47, 63, 65, 113, 118,

129—132, 139, 141, 144, 150,
162—163, 167—168, 186,
190—192, 196—197, 338

Членкели А. И.—45, 129, 144

Шанявский А. Л.—256

Шапаро Б. Л.—310

Шаховской Д. И.—20

Шаховской М. Л.—311

Шидловский — 132, 133

Шингарев А. И.—21, 52, 54—
55, 93, 96, 110, 114, 150,
155—156, 159—160, 167,
172—173, 175, 193, 317

Штальберг В.—272

Штейнгель Ф. Р.—144

Штутлиц (барон) — 259

Шюрмер Б. В.—113, 214—
215

Шувалов — 214—215

Шухьгин В. В.—88, 127—
129, 131, 139, 151—154,
171—176

Шеголев П. Е.—220, 277

Щербатов, кн.—95—97, 158

Щетиневач, кн.—300

Элькин В.—48—51, 53—56,
155, 201

Ю. Г. Е.—229

Яковлев — 182

Яковлев Н. Н.—12—15, 17—
19, 24, 26, 37, 68—74, 81,
89—90, 93, 96, 104—105,
107—108, 110—113, 118—134,
136—137, 142, 145—157, 159,
171—176, 182—183, 198—202,
211, 213—214, 216—221

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе этой книги	3
От автора	11
Часть I. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИКИ . . .	12
Глава 1. Источники	—
Глава 2. «Диспозиция № 1» и «Диспозиция № 2»	68
Глава 3. Масоны и дворцовый заговор	104
Глава 4. Масоны и образование Временного правительства	133
Часть II. МАСОНЫ И ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ	198
Глава 5. Масоны выходят на связь	—
Глава 6. Жандармский подполковник ищет масонов	237
Глава 7. Коллежский ассессор едет в Париж	271
Глава 8. Бег на месте. Финал	294
Заключение	340
Именной указатель	343

Аврех А. Я.

А21 Масоны и революция.— М.: Политиздат, 1990.— 350 с.

ISBN 5—250—00806—2

Автор поднимает проблему, которая длительное время оставалась «закрытой зоной» для исследователей и «белым пятном» в истории: были ли русские масоны политической силой начала XX века? какова их роль в Февральской и Великой Октябрьской революциях? В основе исследования — редкие документы, мемуарные публикации.

Книга полемична, дискуссионна. Адресована всем интересующимся вопросами российской истории.

А 0503020300—152
079(02)—90 119—90

ББК 63.3(2)

Арон Яковлевич Аврех

МАСОНЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

Заведующий редакцией А. И. Котеленец
Редактор Л. С. Макарова
Младший редактор Н. В. Абрамов
Художник В. М. Анискин
Художественный редактор О. Н. Зайцева
Технический редактор Т. Н. Подушина

ИБ № 8114

Сдано в набор 10.07.89. Подписано в печать 13.11.89. А00159.
Формат 70×90^{1/2}. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 12,87. Усл.
кр.-отт. 13,16. Уч.-изд. л. 12,68. Тираж 150 тыс экз.
Заказ № 6476. Цена 90 коп.

Политиздат, 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Трудового Красного Знамени тип. изд-ва «Звезда»,
614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.